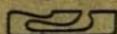

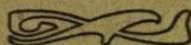
Труды

покойнаго Лифляндскаго Губернатора

М. А. Зиновьева.

- I. Опытъ изслѣдованія земскаго устройства
Лифляндской губерніи.
- II. О квотной землѣ.

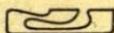
Рига.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Г. Леффлера.

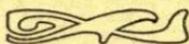
Труды

покойнаго Лифляндскаго Губернатора

М. А. Зиновьева.

- I. Опытъ изслѣдованія земскаго устройства
Лифляндской губерніи.
- II. О квотной землѣ.

РИГА.

Печатано въ типографіи В. Ф. Геккера.

1906.

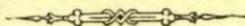
Отъ издателя.

Появившійся въ 1895 г. „Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи“, составляющій трудъ Лифляндскаго Губернатора, генераль - лейтенанта М. А. Зиновьева, продолжаетъ и по настоящее время сохранять свое важное значеніе для тѣхъ читателей, которые не знакомы съ сущностью организаціи земскихъ учрежденій Лифляндіи и къ числу которыхъ приходится отнести большинство русской читающей публики. Сочиненіе это, обратившее на себя при своемъ появленіи всеобщее вниманіе, почти совсѣмъ распродано, поэтому новое его изданіе является несомнѣнно желательнымъ.

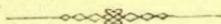
Приступая къ этому труду, намъ невольно напращивался вопросъ, не слѣдуетъ ли многія помѣщенныя въ текстѣ цифры, какъ устарѣвшія, замѣнять новыми. Однако, такое измѣненіе цифровыхъ данныхъ потребовало бы одновременно измѣненія приведенныхъ въ текстѣ выводовъ и заключеній покойнаго автора, — чего, безъ сомнѣнія, допустить было бы невозможно. По такимъ соображеніямъ при новомъ изданіи пришлось ограничиться лишь точной перепечаткой появившагося въ 1895 г. „Опыта изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи“, который нынѣ, съ разрѣшенія наслѣдниковъ умершаго въ 1895 г. автора, и предлагается вниманію публики.

Изслѣдованіе объ организаціи земскихъ учрежденій дополнено заключеніемъ Зиновьева по вопросу о квотной землѣ въ Лифляндіи, который составляетъ предметъ столь горячихъ споровъ. Заключеніе это было представлено его авторомъ въ 1895 г. въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и доннынѣ не утратило своего значенія.

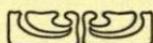

О г л а в л е н і е .

	Стр.
Введение	1
Глава I. Историческое образование приходоѡ, какъ земскихъ единицъ. Составъ приходскихъ конвентовъ, прежнихъ и нынѣ существующихъ. Губернскія земскія учрежденія. Лифляндскій ландтагъ. Дворянскій конвентъ. Ландратская коллегія. Главныя церковныя попечительства. Уѣздныя дворянскія собранія. Характеристика элементовъ, представляемыхъ губерніей для земскаго управленія. Дворянство. Крестьяне. Очеркъ развитія крестьянскаго землевладѣнія	5
Глава II. Критическое изслѣдованіе достоинствъ и недостатковъ существующаго земскаго устройства Лифляндіи. Достоинства существующей системы. Связь между приходскими и губернскимъ земскими учрежденіями. Зависимость земства отъ мѣстной правительственной власти. Отсутствие сословнаго начала въ организаціи земскаго управленія. Ограниченность примѣненія выборовъ въ организаціи земскихъ учреждений. Безплатная служба органамъ земскаго управленія. Удачный выборъ земской единицы	37
Глава III. Недостатки существующаго земскаго устройства. Нераціональность системы обложенія земель. Способъ оцѣнки земли по шведской системѣ на талеры. Привилегированность мызныхъ земель въ отношеніи отбыванія земскихъ повинностей. Двойственность органамъ губернскаго земскаго обложенія. Существованіе двухъ земскихъ кассъ. Почтовая касса. Существованіе церковныхъ повинностей, какъ повинностей земскихъ. Неопредѣленность и неполнота законодательства, устанавливающаго организацію земскихъ учреждений. Роль губернскаго правленія. Неправильность состава дворянскаго конвента. Отсутствие на ландтагѣ представителей мелкаго землевладѣнія	58
Глава IV. Общіе выводы. Причины неуспѣшности работъ, предпринятыхъ правительствомъ по переустройству земскихъ учреждений прибалтійскаго края. Порядокъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при организованіи этихъ работъ. Изъятіе изъ вѣдомства земскихъ учреждений дѣлъ конфессіональнаго характера. Упраздненіе привилегій мызныхъ земель. Измѣненіе системы оцѣнки недвижимостей	101
О квотной землѣ	115

**Опытъ изслѣдованія земскаго устройства
Лифляндской губерніи.**

ОПЫТЪ

изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи.

Готовящаяся въ настоящее время реформа земскихъ учреждений въ прибалтійскомъ краѣ представляетъ несравненно болѣе затрудненій при проведеніи ея, нежели реформы нынѣ уже весьма удачно осуществленныя, а именно реформы: полицейская, судебная и крестьянская, вслѣдствіе весьма большой разности въ существѣ этихъ послѣднихъ учреждений и учреждений земскихъ.

И полиція, и судъ, какъ институты, предупреждающіе и карающіе нарушеніе права, порядка и благоустройства, приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ лишь въ извѣстные моменты, именно когда имѣютъ мѣсто эти нарушенія, и при томъ въ этихъ случаяхъ касаются лишь отдѣльныхъ личностей.

Земскія учрежденія, предназначенныя вѣдать всѣми мелочами внутренняго, домашняго хозяйства страны, постоянно и ежеминутно приходятъ въ соприкосновеніе со всѣмъ населеніемъ, со всѣми безъ исключенія жителями страны и при томъ въ каждый моментъ ея жизни.

Участіе въ составѣ полицейскихъ, судебныхъ и крестьянскихъ учреждений мѣстныхъ элементовъ, — каковое участіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ прежнее время было весьма сильно, — было тѣмъ не менѣе явленіемъ случайнымъ. Замѣна этихъ элементовъ правительственными органами, посредствомъ которой достигнуто было полное измѣненіе въ направленіи дѣятельности этихъ учреждений, было вполнѣ возможно, и въ данномъ случаѣ являлось мѣрою совершенно естественной и послѣдовательной.

При организаціи земскихъ учрежденій таковая замѣна едва ли возможна. Здѣсь участіе мѣстныхъ элементовъ является неизбѣжнымъ, при чемъ элементамъ этимъ, какъ показалъ опытъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ, предоставляется въ этихъ учрежденіяхъ всегда главнѣйшая роль.

Полицейскія и судебныя учрежденія ограждаютъ существующій порядокъ и благоустройство въ краѣ.

Земскія учрежденія сами создаютъ этотъ порядокъ и благоустройство.

Реформируя полицейскій или судебный институтъ, законодатель поставленъ такимъ образомъ въ несравненно болѣе свободное и независимое положеніе, нежели реформируя институтъ земскій. Полицейскія напр. учрежденія всѣхъ почти европейскихъ странъ мало чѣмъ другъ отъ друга различаются, и ничто не препятствуетъ, устраивая полицейскія учрежденія какого-либо государства, позаимствовать таковыя изъ другаго хотя бы цѣликомъ, безъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій. То же почти можно сказать и о судебныхъ учрежденіяхъ. Французское судебное устройство, не далѣе какъ 30 лѣтъ тому назадъ, цѣликомъ почти примѣнено было въ Россіи.

Но едва ли такія позаимствованія возможны при реформированіи земскаго устройства. Здѣсь волей или неволей законодатель долженъ считаться несравненно болѣе съ характеромъ, привычками, направлениемъ, культурой населенія, съ исторіей страны, съ установившимися въ ней отношеніями и со всѣми вообще подробностями ея жизни. Всѣ эти подробности являются извѣстными данными, которыя въ сильнѣйшей степени должны вліять на ея земское устройство. Имѣющей опредѣлять подробности земской жизни органической законъ не можетъ и не долженъ импровизировать, устанавливая въ странѣ новыя отношенія и новое положеніе вещей. Задаваясь подобною цѣлью, онъ заранѣе обрекаетъ себя на бесплодность и мертвенность. Его единственная цѣль заключается въ томъ, чтобы опредѣлить и устроить удовлетворительнѣйшимъ образомъ и согласно съ интересами государства дѣйствительно существующія въ данной средѣ отношенія. Онъ имѣетъ своимъ назначеніемъ вѣдать данное положеніе вещей — данныя отношенія.

Соображенія эти въ особенности важны по отношенію къ организаціи земскихъ учреждений прибалтійскаго края. Будучи построена на совершенно своеобразныхъ основаніяхъ, имѣя свою особую исторію, успѣвшая пріобрѣсти въ теченіи вѣковаго своего существованія извѣстную устойчивость, земская жизнь этихъ губерній трудно укладывается въ какія-либо постороннія, чуждыя формы. Всякая попытка подобнымъ пріемомъ создать порядокъ и благоустройство прибалтійскаго края едва ли обѣщаетъ успѣхъ. Напротивъ, такое насильственное отношеніе къ исторически сложившейся жизни обширной провинціи несомнѣнно отразилось бы въ высшей степени пагубно на ея экономическомъ благосостояніи, а слѣдовательно и на интересахъ всей имперіи. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что распространенныя въ русской публикѣ свѣдѣнія о прибалтійскомъ краѣ относятся по большей части къ тому періоду, когда страны не коснулись еще преобразованія, предпріятыя въ теченіи послѣднихъ лѣтъ по волѣ Императора Александра III и въ настоящее время уже успѣшно осуществленныя. Столь существенныя реформы, какъ переустройство суда, полиціи и крестьянскихъ учреждений, реформы, произведенныя при томъ въ направленіи прямо противоположномъ проводимому русскимъ правительствомъ въ теченіи столѣтій, неминуемо должны были произвести величайшія измѣненія во всемъ жизненномъ строѣ прибалтійскаго края. Въ лицѣ правительственныхъ органовъ, повсюду замѣстившихъ прежніе мѣстные органы, завѣдывавшіе важнѣйшими функціями этой жизни, явились новые могущественные факторы, опредѣляющіе новое направленіе внутреннихъ дѣлъ провинціи и установившіе новыя отношенія. Весьма рискованнымъ было бы прилагать къ прибалтійскому краю воззрѣнія, выработанныя на основаніи наблюденій прошлыхъ временъ, забывая, что прибалтійскій край, какимъ онъ былъ 5—6 лѣтъ тому назадъ, и прибалтійскій край, какимъ онъ является нынѣ — вещи далеко между собою несходныя.

Послѣднія 5—6 лѣтъ имѣютъ величайшее значеніе въ исторіи прибалтійскаго края. Переворота подобнаго тому, который произошелъ въ теченіи этого періода, прибалтійскія провинціи ни разу еще не переживали. Ни разу

еще правительство не входило такъ полно, такъ все-сторонне во внутреннюю жизнь этого края, и событія послѣдняго времени положили неизгладимыя черты на общую его фізіономію.

Изъ вышеизложеннаго очевиднымъ становится, что законодательнымъ работамъ по реформированію земскаго устройства прибалтійскихъ губерній необходимо должно предшествовать критическое изслѣдованіе существующаго устройства, какимъ оно создано всей исторіей края, а равно и критическій разборъ достоинствъ и недостатковъ существующей системы.

Настоящій трудъ составляетъ первый опытъ подобнаго изслѣдованія по отношенію къ Лифляндской губерніи. Историческая жизнь всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній протекала при одинаковыхъ приблизительно условіяхъ; при чемъ вслѣдствіе сильнѣйшаго, обусловленнаго болѣе высокой культурой и большимъ политическимъ развитіемъ населенія, вліянія, которое внутренняя жизнь Лифляндіи имѣла на Курляндію и Эстляндію со времени перехода этихъ трехъ провинцій подъ русское владычество, каждое сколько-нибудь крупное явленіе въ области земской жизни, имѣвшее мѣсто въ Лифляндской губерніи, отражалось на соответствующихъ сторонахъ жизни двухъ прочихъ губерній.

Посему заключающіяся въ настоящемъ изслѣдованіи указанія и выводы въ значительной части относятся до всего прибалтійскаго края. Выборъ для настоящаго изслѣдованія Лифляндской губерніи оправдывается наконецъ и тѣмъ соображеніемъ, что губернія эта по пространству своему и населенности почти равняется Эстляндской и Курляндской, взятымъ вмѣстѣ, составляя такимъ образомъ главный элементъ остзейскихъ провинцій.

Глава I.

Историческое образованіе приходо́въ какъ земскихъ единицъ. Составъ приходскихъ конвентовъ, прежнихъ и нынѣ существующихъ. Губернскія земскія учрежденія. Лифляндскій ландтагъ. Дворянскій конвентъ. Ландратская коллегія. Главныя церковныя попечительства. Уѣздныя дворянскія собранія. Характеристика элементовъ, представляемыхъ губерніей для земскаго управленія.

Дворянство. Крестьяне. Очеркъ развитія крестьянскаго землевладѣнія.

Низшую и наиболѣе видную, характерную территориальную земскую единицу въ Лифляндіи составляетъ нынѣ приходъ (Kirchspiel), основаніе котораго относится къ отдаленнѣйшимъ временамъ, когда страна, состоя изъ отдѣльныхъ леновъ, почти ничѣмъ между собою не связанныхъ, въ сущности не имѣла почти никакого гражданскаго устройства. Удовлетвореніе религіозной потребности было первой побудительной причиной, заставившей феодальныхъ владѣльцевъ отдѣльныхъ имѣній соединиться съ тѣмъ, чтобы на общія средства устроить и содержать церковь. Церковный приходъ явился, такимъ образомъ, первой создавшейся совершенно естественно ячейкой гражданственности, давшей импульсъ дальнѣйшему развитію земскихъ учреждений. Разъ построена была церковь, по свойству лютеранской религіи, оказалось необходимымъ имѣть при ней школу, которая точно также должна была содержаться на общія средства прихожанъ. вмѣстѣ съ тѣмъ потребовались сообщенія между церковью и отдѣльными имѣніями. Это заставило прихожанъ устраивать и содержать дороги, первоначальная сѣть которыхъ опредѣлялась мѣстомъ нахожденія церкви, почему и дороги эти назывались церковными, каковое названіе сохранили они въ законѣ и понынѣ. Устроеніемъ путей сообщенія еще тѣснѣе связались отдѣльныя имѣнія, причемъ за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей и по мѣрѣ развитія гражданственности появились новыя, какъ-то: прирѣчье

бѣдныхъ, устройство приходской почты, организованіе врачебной помощи и т. д., удовлетвореніе которыхъ естественно пріурочивалось къ готовому организму прихода. Такимъ образомъ съ самыхъ давнихъ временъ въ Лифляндіи мало по малу и самъ собой образовался первый земскій организмъ. Вызванный въ жизни дѣйствительными потребностями страны, а не какими-либо извнѣ навѣянными доктринами, организмъ этотъ естественно получилъ особую силу и жизненность.

Не смотря на самую бурную исторію Лифляндіи, не смотря на экономическіе и политическіе перевороты, которымъ въ теченіи многихъ столѣтій страна эта подвергалась, приходъ пережилъ всѣ эти перипетіи и сталъ фундаментомъ гражданскаго устройства всей провинціи. На этомъ то прочномъ, выдержавшемъ столько бурь, пережившемъ и шведское, и русское владычество фундаментъ основалось все дальнѣйшее гражданское развитіе Лифляндіи. Къ приходамъ, какъ безспорно важнѣйшимъ земскимъ учрежденіямъ, приспособлены всѣ остальные земскія учрежденія. Зданіе земскихъ учрежденій въ Лифляндіи строилось такимъ образомъ вполне раціонально — не сверху, а снизу. Въ этомъ условіи созданья лифляндскаго земскаго устройства и слѣдуетъ искать главную причину того преуспѣянія, котораго достигла мѣстная земская жизнь Лифляндіи.

Одновременно съ образованіемъ и развитіемъ прихода создавалась и организація его управленія, основанная на столь же простыхъ и естественныхъ началахъ.

Въ древнѣйшія времена органами этого правленія были: церковные или приходскіе конвенты, состоявшіе изъ всѣхъ прихожанъ, и выбранный конвентомъ попечитель въ качествѣ исполнительнаго органа конвента. Когда именно появились эти конвенты и попечители — съ точностію опредѣлить невозможно, не смотря на самыя тщательныя изысканія. По всей вѣроятности начало ихъ слѣдуетъ отнести къ XVI или началу XVII столѣтія, ибо уже въ 1640 году заявлено было шведскому правительству ходатайство объ измѣненіи инструкціи церковнымъ попечителямъ. (Для Эстляндской губерніи подобныя инструкціи изданы были въ 1651 г.) 22 сентября 1671 года шведской королевой Ядвигой Элеонорой

утвержденъ былъ первый лифляндскій земскій уставъ, точно опредѣлившій дѣятельность приходскихъ попечителей. Полезность приходскихъ учреждений до такой степени сознавалась шведскимъ правительствомъ, что въ 1691 году правительство это признало необходимымъ распространить приходское устройство на казенныя имѣнія (староства), число которыхъ въ то время въ Лифляндіи было гораздо больше нынѣшняго. Земскимъ уставомъ 1671 года учреждены были сверхъ того главныя церковныя попечительства, числомъ четыре, по числу земскихъ округовъ Лифляндіи, сохранившіяся и понынѣ. Церковнымъ попечительствамъ этимъ ввѣрялось наблюденіе за дѣятельностью приходскихъ совѣтовъ и приходскихъ попечителей, при чемъ они составляли и апелляціонную инстанцію, куда приносились жалобы на постановленія этихъ учреждений.

Само собою разумѣется, что при полномъ отсутствіи у крестьянъ политическихъ правъ, а равно и правъ земельной собственности (крестьяне были крѣпостные), членами прихода — прихожанами въ тѣсномъ смыслѣ считались въ то время исключительно лишь одни помѣщики. Крестьяне же никакого участія въ приходскихъ дѣлахъ не принимали, каковой порядокъ существуетъ и понынѣ въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ. Члены конвента, совершенно самостоятельно обсуждая потребности прихода, приходили имъ на помощь, дѣлая для удовлетворенія этихъ потребностей добровольныя складки пропорціоально количеству принадлежащей имъ земли. Но такъ какъ земля въ то время имѣла цѣнность и доходность лишь постольку, поскольку она была населена, такъ какъ повинности того времени приводились къ производству тѣхъ или другихъ работъ или поставкѣ того или другаго количества продуктовъ земледѣлія, то естественно, что раскладка эта производилась лишь пропорціоально населенной, т. е. крестьянской земли, количество которой и принималось критеріумомъ при обложеніи имѣній прихода повинностями. Удовлетвореніе приходскихъ земскихъ потребностей основано было такимъ образомъ искони на самообложеніи. Положеніе дѣла въ этомъ отношеніи мало перемѣнилось со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1819 году, ибо крестьяне осво-

бождены были безъ земли. Всѣ эти земскія повинности, при распредѣленіи которыхъ между владѣльцами имѣній точкой исхода бралось количество крестьянской земли или правильнѣе число душъ, находящихся въ имѣніи, были переложены на эту крестьянскую землю, причемъ выполнение этихъ повинностей ставилось условіемъ арендныхъ контрактовъ, вліяя такимъ образомъ на размѣръ арендной платы, платимой крестьянами за землю. Чѣмъ больше такихъ повинностей падало на крестьянъ, тѣмъ ниже была арендная плата.

Такое земское устройство Лифляндской губерніи санкціонировано было русской законодательной властью, при чемъ такъ какъ устройство это приурочено было къ устройству церковному, то и законъ о приходскихъ конвентахъ, приходскихъ и главныхъ церковныхъ попечительствахъ (законъ въ сущности земскій) нашелъ себѣ мѣсто въ 1 ч. XI т. св. зак. 1857 г., т. е. въ уставѣ евангелическо-лютеранской церкви. По незнакомству законодателя съ подробностями земскаго устройства прибалтійскаго края, а равно и по нежеланію русскаго правительства вмѣшиваться во внутреннія дѣла остзейскихъ губерній, законъ относительно регулированія и опредѣленія дѣятельности этихъ учреждений ограничился самыми общими указаціями, заключающимися въ 633 ст., гдѣ говорится, что обязанности приходскихъ попечителей, отношенія ихъ къ приходу, приходскому конвенту и къ высшему начальству во всемъ, что не измѣнено уставомъ евангелическо-лютеранской церкви, остаются на прежнемъ основаніи, т. е. на основаніи старинныхъ шведскихъ законовъ и положеній, полнѣе всего кодифицированныхъ въ церковныхъ уставахъ (Kirchen-Ordnung) 1675 и 1680 года, а равно въ инструкціи 1691 года. Вышеозначенной 633 статьею, а равно и статьею 606 IV т. св. зак. 1857 г. (уставъ о земскихъ повинностяхъ), гдѣ говорится, что земскія повинности въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ отправляются на основаніи особыхъ правилъ и положеній, и исчерпывается имперское законодательство по отношенію къ земскому устройству прибалтійскаго края, если не считать мелкихъ отрывочныхъ указаній по земскому дѣлу, встрѣчающихся во 2 части св. мѣст. узак. губ. остз. и въ крестьянскихъ положеніяхъ 1819, 1849 и 1860 годовъ.

Такъ дѣло шло до шестидесятыхъ годовъ, когда вслѣдствіе постепеннаго и значительнаго усиленія крестьянскаго сословія, а въ особенности вслѣдствіе усиленнаго выкупа крестьянами земли, значительная часть этой земли перешла въ руки крестьянъ. Въ Лифляндской губерніи образовалось такимъ образомъ постепенно могущественное крестьянское землевладѣніе, которое волей или неволей пришлось допустить къ земскому управленію, ибо удовлетвореніе земскихъ потребностей основано было на самообложеніи. вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно развивались и земскія потребности, которыя владѣльцамъ дворянскихъ вотчинъ невозможно было удовлетворять силами вотчины, лишившейся крестьянской земли и обязательнаго крестьянскаго труда. Таковое измѣненіе въ аграрныхъ условіяхъ страны заставило лифляндскій ландтагъ въ 1870 году редактировать новое положеніе о приходскихъ конвентахъ, на основаніи коего въ составъ конвентовъ допущены были депутаты отъ крестьянъ-землевладѣльцевъ (дворохозяевъ). Утвержденное прибалтійскимъ генераль-губернаторомъ и объявленное въ указѣ губернскаго правленія 1870 г. за № 128, положеніе это и до настоящаго времени служить основаніемъ приходскихъ земскихъ учреждений.

Въ учрежденіи новыхъ конвентовъ проведенъ весьма важный принципъ, а именно, что число крестьянскихъ голосовъ должно быть равно числу голосовъ владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ, почему составъ новыхъ конвентовъ и опредѣленъ былъ такимъ образомъ, что на конвентъ являлись всѣ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ и всѣ волостные старшины. Такъ какъ волости прежняго времени заключали въ себѣ крестьянскую землю даннаго имѣнія, то число волостей точно совпадало съ числомъ дворянскихъ имѣній, и равенство крестьянскихъ и дворянскихъ голосовъ достигалось весьма просто.

Съ теченіемъ времени однако условія измѣнились. Маленькія волости постепенно стали соединяться по нѣскольку вмѣстѣ. Обратное, дворянскія имѣнія путемъ наслѣдованія или иными какими-либо путями дѣлились на части. Причины эти значительно усилили перевѣсъ дворянскихъ голосовъ надъ крестьянскими въ приходскихъ конвентахъ.

Для воспрепятствованія приходскимъ конвентамъ стать исключительно дворянскими учреждениями и возстановленія

того кореннаго принципа, который положенъ былъ въ основаніе положенія ландтага 1870 года, въ силу коего на приходскихъ конвентахъ число голосовъ дворянскихъ и крестьянскихъ должно быть одинаково, губернскимъ начальствомъ приняты своевременно надлежащія мѣры. Циркулярами губернатора главнымъ церковнымъ попечителямъ, отъ 18 ноября 1888 года за №№ 7154—7158, установлено, что входящія въ составъ соединенной прежнія волости не теряютъ своего голоса на конвентахъ, и каждая соединенная волость имѣетъ столько голосовъ, сколько волостей вошло въ ея составъ. Съ преобразованіемъ полицейскихъ и судебныхъ учреждений, при которомъ политическія права лифляндскаго дворянства значительно ограничены, а въ особенности съ тѣхъ поръ какъ крестьяне, выкупивъ свыше 80% всей крестьянской земли, поставили себя внѣ экономической зависимости отъ помѣщиковъ, замѣчается значительное усиленіе вліянія крестьянскаго элемента на приходскихъ конвентахъ, такъ что о преобладаніи помѣщичьяго элемента въ большей части этихъ учреждений въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Высоко цѣня ту долю политическихъ правъ, которыя предоставлены крестьянскому сословію приходскимъ управленіемъ, лифляндскіе крестьяне, видимо привыкшіе къ этимъ учрежденіямъ, относятся къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ, и безъ преувеличенія можно сказать, что учрежденія эти въ глазахъ всего населенія Лифляндской губерніи считаются наиболѣе популярными.

Приходскими попечителями избирались до настоящаго времени дворяне, каковое обстоятельство объясняется съ одной стороны преобладаніемъ авторитета дворянскаго сословія въ приходсахъ, а съ другой и Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 1863 года¹⁾, на основаніи котораго попечителями этими могутъ быть выбираемы лишь собственники и арендаторы дворянскихъ имѣній. Такимъ образомъ въ настоящее время лишь въ весьма немногихъ приходсахъ обязанности попечителя перешли въ руки крестьянъ — владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ.

При принятой въ Лифляндіи системѣ децентрализаціи, вся почти хозяйственная дѣятельность земства сосредото-

---

1) Полн. собр. законовъ 1863 г. (39619).

чивается въ приходахъ, которые въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени пользовались величайшей самостоятельностью. Постановленія конвентовъ, за исключеніемъ касающихся школьнаго дѣла, ни до ландтага, ни до ландратской коллегіи, ни до главныхъ церковныхъ попечительствъ не доходили. Никто этихъ постановленій въ прежнее время не только не утверждалъ, но даже не разсматривалъ. Въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ приходы дѣйствовали совершенно самостоятельно, при чемъ размѣръ этой дѣятельности, а равно размѣръ взимаемыхъ для удовлетворенія различнаго рода приходскихъ потребностей земскихъ сборовъ былъ въ различныхъ приходахъ въ высшей степени разнообразенъ, завися отъ доброй воли прихожанъ-членовъ конвента и отъ средствъ прихода.

При полномъ отсутствіи надзора за дѣятельностью мелкихъ приходскихъ учреждений и крайней неопредѣленности органическаго законодательства, опредѣляющаго порядокъ ихъ функціонированія, въ дѣятельности приходовъ естественно стали появляться различныя уклоненія и неправильности, заставившія лифляндскаго губернатора, получившаго въ послѣднее время въ лицѣ чиновъ уѣздной полиціи и комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ органы наблюденія за земскимъ хозяйствомъ страны, принять надлежащія мѣры какъ для поставленія въ законныя рамки этой дѣятельности, такъ и для возможнаго объединенія ея по всей губерніи. Такимъ образомъ, примѣняясь къ ст. 122 П ч. св. мѣстн. узакон., въ силу коей всѣ положенія, касающіяся общихъ (земскихъ) дѣлъ, подлежатъ утвержденію губернскаго начальства, — въ 1890 году сдѣлано было распоряженіе¹⁾ о томъ, чтобы всѣ постановленія конвентовъ, коими на плательщиковъ возлагаются какія-либо повинности, представлялись предварительно на разсмотрѣніе и утвержденіе губернскаго правленія. Правило это нынѣ соблюдается во всей строгости, при чемъ получается полная для губернскаго начальства возможность наблюдать за тѣмъ, чтобы: 1) повинности взымались лишь на такія надобности, которыя составляютъ предметы земскаго хозяйства, закономъ опредѣленные; 2) чтобы онѣ

---

¹⁾ Печатные указы лифляндскаго губернскаго правленія 1891 г. за №№ 117 и 158.

разскладывались между плательщиками равномерно и согласно съ существующимъ закономъ.

Высшимъ земскимъ учрежденіемъ Лифляндской губерніи слѣдуетъ считать губернскія, такъ называемыя дворянскія учрежденія. Изъ числа ихъ распорядительными являются ландтагъ, собирающійся разъ въ три года, и дворянскій конвентъ, замѣняющій это собраніе въ періодъ времени между двумя ландтагами и собирающійся два раза въ году. На основаніи 122 ст. 2 ч. св. мѣстн. узакон. губерн. отез. всѣ постановленія ландтага и дворянскаго конвента, касающіяся земскихъ дѣлъ, предварительно ихъ выполненія, представляются на утвержденіе губернатора и безъ этого утвержденія никакой силы не имѣютъ.

Вслѣдствіе незнакомства со внутреннимъ устройствомъ прибалтійскихъ губерній, въ русской публикѣ существуетъ мнѣніе, что лифляндскій ландтагъ есть учрежденіе, вполне соотвѣтствующее губернскому дворянскому собранію внутреннихъ губерній, каковое мнѣніе возбуждало нареканіе на земское устройство Лифляндской губерніи въ томъ, что якобы мѣстнымъ закономъ всѣ прочія сословія удалены отъ участія въ земскихъ дѣлахъ, которыя будто бы за сими предоставлены вѣдѣнію одного лишь кореннаго дворянства (рыцарства) губерніи. Мнѣніе это вполне ошибочно. Лифляндскій ландтагъ въ сущности есть не дворянское, а земское учрежденіе. Таковымъ онъ былъ съ самаго начала своего установленія. Въ первомъ положеніи о ландтагахъ¹⁾, утвержденномъ въ царствованіе королевы Хри-

¹⁾ Ландтаги въ Лифляндіи существовали и ранѣе 1647 г., ранѣе даже покоренія Лифляндіи Швеціей и Польшей, и именно во времена орденскія. Но какъ тогда ландтаги эти являлись верховнымъ правительственнымъ учрежденіемъ, то въ настоящемъ изслѣдованіи о нихъ не можетъ быть и рѣчи. По завоеваніи Лифляндіи Польшею, польскіе короли, какъ извѣстно, не давали себѣ какого-либо труда къ внесенію порядка во внутреннюю организацію земскаго управленія. Преслѣдуя исключительно политическія (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) цѣли, польское правительство стремилось лишь къ разрушенію прежнихъ порядковъ, установившихся въ Лифляндіи, не созидая новыхъ. Поэтому точно такъ же сохранившіеся во времена польскаго владычества ландтаги, называвшіеся тогда „*Conventus necessitatis publicae causa*“, не могутъ представить какого-либо интереса какъ земскія учрежденія. Такимъ образомъ, первымъ законодательнымъ актомъ, давшимъ организацію ландтагамъ, совершенно справедливо считается шведское положеніе 1647 г.

стины шведскимъ генераль-губернаторомъ Лифляндіи Г. Оксенштерномъ 5 сентября 1647 года, какъ видно изъ текста этого положенія, ландтагъ долженъ быть собираемъ генераль-губернаторомъ для обсужденія мѣръ, клонящихся къ вящему преуспѣянію страны (zu mehrerer Beförderung des Landes Wohlfahrt) и къ устраненію встрѣчающихся недостатковъ въ ея управленіи (Remedirung der vorfallenden Mängel). Участіе на ландтагѣ, согласно этому положенію, подъ страхомъ денежнаго штрафа за неявку, должны были принимать всѣ землевладѣльцы (alle im Lande Eingesessene). Въ своихъ воззваніяхъ къ ландтагу шведское правительство всегда обращалось ко всѣмъ землевладѣльцамъ, постоянно называя ихъ: „Ritterschaft und Landschaft“, и эти два сословія Ritterschaft и Landschaft, а никакъ не одно дворянство какъ отдѣльное сословіе, во времена шведскаго владычества и представляемы были ландтагомъ. Просматривая послѣдующую исторію лифляндскаго земскаго законодательства за 250 лѣтъ, истекшихъ со времени появленія перваго положенія о ландтагахъ, нельзя встрѣтить ни одного закона, который хотя сколько-нибудь измѣнилъ бы первоначальный составъ и значеніе этого учрежденія¹⁾. Точно такъ же и на основаніи нынѣ дѣйствующаго положенія о ландтагахъ въ собраніи этомъ принимаютъ участіе не одни только дворяне, но всѣ вообще владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, къ какому бы сословію они не принадлежали²⁾. Дворяне же, даже ма-

1) Исключеніемъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать указъ правит. сената 30 декабря 1783 г., коимъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II введены въ Лифляндіи общія дворянскія учрежденія. Такимъ образомъ въ періодъ времени съ 1783 г. по 1796 г. ландтаги вовсе собираемы не были, а на мѣсто ихъ созывались дворянскія собранія. Какъ видно отсюда, уже въ то время понятія о ландтагахъ и дворянскихъ собраніяхъ смѣшались русскимъ правительствомъ, каковое заблужденіе сохранилось въ русской публикѣ и понынѣ.

2) Ст. 63 2 ч. св. мѣстн. узак. губ. остр. Въ существующемъ положеніи о ландтагахъ противу положенія 1647 г. сдѣлано лишь одно весьма важное измѣненіе въ этомъ отношеніи. По закону 1647 г. всѣ землевладѣльцы обязаны были пріѣзжать на ландтагъ подъ страхомъ пени. По существующему положенію, позаимствованному изъ положенія 1759 года, таковое участіе обязательно лишь для коренныхъ дворянъ. Владѣльцы вотчинъ, не принадлежащіе къ матрикулованному дворянству, могутъ посѣщать засѣданія ландтага, но участіе это для нихъ необязательно и штрафа за неявку они не подвергаются.

трикулованные, но не владѣющіе дворянскими вотчинами, на ландтагъ голоса не имѣютъ, какимъ бы имущественнымъ цензомъ они ни обладали¹⁾.

Вслѣдствіе историческаго образованія лифляндскаго землевладѣнія, огромное большинство землевладѣльцевъ дѣйствительно принадлежить къ дворянскому сословію, почему дворянство всегда имѣло господствующее значеніе на ландтагахъ. Предсѣдателемъ на ландтагъ былъ почти всегда дворянинъ (дворянскій предводитель²⁾). Кроме того, въ лифляндскомъ дворянствѣ, въ особенности со времени сформированія его въ корпорацію, существовало постоянное стремленіе присвоить себѣ привилегію исключительнаго обладанія землею въ Лифляндіи. Стремленіе это, въ зависимости отъ случайнаго вліянія дворянства на правительство, увѣнчивалось иногда большимъ, иногда меньшимъ успѣхомъ, и бывали моменты въ жизни Лифляндіи, когда правительство дѣлало въ этомъ отношеніи столь большія уступки, что понятіе о дворянствѣ и понятіе о землевладѣніи почти отождествлялись³⁾. Всѣ эти обстоятельства были причиной возникновенія того въ сущности ошибочнаго мнѣнія, что ландтагъ есть собраніе дворянское, случайно и незаконно захватившее въ свои руки управленіе земскими дѣлами губерніи. Образованію этого ошибочнаго мнѣнія не мало способствовало и появленіе въ 1845 году перваго свода мѣстныхъ узаконеній для губерній остзейскихъ. Сводъ этотъ, какъ извѣстно, не былъ оконченъ, при чемъ законодательство ограничилось изданіемъ лишь трехъ томовъ, въ которыхъ земское устройство не нашло себѣ мѣста, но въ одномъ изъ нихъ, именно во II томѣ, помѣщены законы о состояніяхъ. Такъ какъ на ландтагахъ искони производились и дворянскіе выборы и, кроме ландтаговъ, никакихъ дворянскихъ собраній въ

---

1) Исключеніемъ является участіе этихъ лицъ при постановленіяхъ объ исключеніи дворянина изъ матрикулы и о принятіи его въ число матрикулованныхъ дворянъ.

2) Единственнымъ исключеніемъ былъ періодъ времени съ 1694 по 1710 годъ, когда вслѣдствіе распоряженія шведскаго правительства (королевское повелѣніе Карла XI отъ 20 декабря 1694 г.) предсѣдательствовали на ландтагъ генераль-губернаторъ или губернаторъ.

3) Въ особенности велики были эти уступки съ переходомъ Лифляндіи подъ русское владѣтельство, какъ объ этомъ сказано будетъ ниже.

Лифляндіи никогда не существовало, то естественно, что въ этомъ томѣ, а именно въ главѣ: „о правахъ и преимуществахъ кореннаго дворянства въ составѣ общества“, и помѣщено положеніе о ландтагахъ. Помѣщеніе положенія о земскомъ учрежденіи въ главѣ „о правахъ и преимуществахъ дворянства“, — приче́мъ главная основная идея положенія о ландтагахъ, вслѣдствіе такой кодификаціи, естественно ступевывалась, — и составляетъ едва ли не главную причину, почему ландтагъ принимается за губернскае дворянское собраніе. Въ дѣйствительности же, и не смотря на неудачную кодификацію, лифляндскій ландтагъ продолжаетъ быть прежнимъ шведскимъ ландтагомъ, представляя собою „Ritterschaft und Landschaft“ (дворянство и земство), приче́мъ главное и существеннѣйшее для страны назначеніе его, такъ же какъ и прежде, состоитъ въ томъ, чтобы быть земскимъ собраніемъ, представляя собою не случайно, а по коренному старинному земскому праву всю землю, т. е. всѣ дворянскія вотчины (Rittergüter), заключавшія въ себѣ во времена изданія свода мѣстныхъ узаконеній какъ всю мызную, такъ и всю крестьянскую землю.

Такъ какъ дворянскія вотчины принадлежатъ преимущественно дворянамъ, то для того, чтобы не собирать дворянъ два раза, — одинъ разъ на дворянское, а другой на земское собраніе, — оба эти собранія собираются одновременно, разрѣшая сначала земскія дѣла при участіи всѣхъ землевладѣльцевъ, а за симъ и дворянскія — при участіи однихъ только дворянъ.

Вполнѣ правильная и согласная съ коренными основаніями лифляндскаго земскаго права, первоначальная идея ландтага, какъ земскаго учрежденія, въ значительной степени нарушается существованіемъ втораго распорядительнаго земскаго собранія, а именно дворянскаго конвента. Въ организаціи этого послѣдняго учрежденія уже ясно проглядываетъ намѣреніе сосредоточить завѣдываніе земскими дѣлами въ рукахъ лицъ, которымъ это завѣдываніе поручается не только въ силу ихъ правъ какъ землевладѣльцевъ, но также и въ силу ихъ правъ сословно-дворянскихъ.

Появленіе дворянскаго конвента какъ земскаго учрежденія слѣдуетъ отнести къ 1694 году, когда шведское

правительство, вслѣдствіе оппозиціи, оказываемой лифляндскимъ дворянствомъ съ ландратами во главѣ, по поводу предпринятыхъ королемъ Карломъ XI мѣръ, клонящихся къ стѣсненію дворянскаго землевладѣнія, порѣшило совершенно упразднить должность ландратовъ и предписало лифляндскому генераль-губернатору назначать, во время ландтаговъ¹⁾, отъ каждаго округа (уѣзда) по нѣскольку дворянъ, извѣстныхъ своей честностью, опытностью и умомъ (*die an Verstand, Bescheidenheit und Redlichkeit die Vortrefflichsten seien*²⁾). Эти лица, избираемые лишь на время ландтага и какъ бы предназначенныя замѣнять прежнихъ пожизненно назначаемыхъ ландратовъ, и должны были составить такъ называемый „*Ritterschafts-Ausschuss*“, помогая генераль-губернатору вести предсѣдательствуемый имъ ландтагъ. Вскорѣ послѣ того Лифляндія покорена была Россіей, причѣмъ должность ландратовъ была возстановлена. Въ лицѣ ландратовъ и членовъ „*Ritterschafts-Ausschuss*“, получившихъ въ то время названіе дворянскихъ депутатовъ, образовалось такимъ образомъ готовое земское представительство, которому, въ виду затрудненія собирать ландтагъ, весьма удобно было поручить вѣдѣніе земскими дѣлами.

Устройство въ такомъ видѣ дворянскаго конвента, впервые регламентированное приложенною къ положенію о ландтагахъ 1759 года³⁾ инструкціею для дворянскихъ чиновниковъ, съ небольшими лишь измѣненіями, вошло и въ положеніе о ландтагахъ 1827 г., а отсюда и во

---

1) Въ этотъ періодъ времени, вслѣдствіе сильнаго недовѣрія къ дворянамъ, предсѣдательство на ландтагахъ передано было генераль-губернатору или губернатору. (См. королевское повелѣніе Карла XI отъ 20 декабря 1694 г. п. IV.)

2) См. корол. повел. Карла XI отъ 20 декабря 1694 г. п. VI.

3) Ни положеніе о ландтагахъ 1759 г., ни приложенная къ нему инструкция никогда правительственною властью утверждены не были. Въ то время организація земскихъ учреждений, вслѣдствіе установившихся отношеній русскаго правительства къ Лифляндіи, не считалась, повидимому, правительственнымъ дѣломъ. Первое, утвержденное русскимъ правительствомъ и именно прибалтійскимъ генераль-губернаторомъ маркизомъ Пауллучи, положеніе о ландтагахъ, основанное на Высочайше подтвержденныхъ Императоромъ Николаемъ I, 9 февраля 1827 года, привилегіяхъ лифляндскаго дворянства, появилось въ 1827 году. (Печатный указъ лифляндскаго губернскаго правленія 17 августа 1827 г. № 3465.)

II часть св. мѣстн. узак. губ. остз., на основаніи каковаго закона лифляндскій дворянскій конвентъ, состоя изъ предводителя дворянства, двѣнадцати дворянскихъ депутатовъ и двѣнадцати ландратовъ, къ которымъ прибавлено было еще два депутата дворянской кассы, несетъ слѣдующія обязанности по земскому управленію¹⁾:

- a. готовить, какъ выше сказано, вопросы, вносимые на обсужденіе ландтага;
- б. обсуждать земскія дѣла, требующія неотложнаго рѣшенія въ періодъ времени между двумя ландтагами, причемъ однако компетенція конвента менѣе нежели компетенція ландтага, и рѣшенія, требующія новаго земскаго обложенія, обсужденію конвента не подлежать. Ландтагу, сверхъ того, предоставлено право давать большія или меньшія полномочія конвенту по тому или другому земскому вопросу;
- в. согласовывать разномыслія, могущія произойти по земскимъ дѣламъ между очереднымъ ландратомъ и предводителемъ дворянства.

Исполнительнымъ земскимъ органомъ въ Лифляндской губерніи считается номинально, состоящая изъ 12 ландратовъ, избираемыхъ пожизненно изъ числа матрикулованныхъ дворянъ, такъ называемая ландратская коллегія, въ дѣйствительности же является имъ очередной ландратъ, дѣятельность котораго, при помощи, оказываемой ему дворянскими депутатами, отчасти совпадаетъ съ дѣятельностью земскихъ управъ внутреннихъ губерній.

Лифляндская ландратская коллегія представляетъ въ высшей степени оригинальное учрежденіе, о роли котораго существуетъ въ русской публикѣ весьма неясное понятіе. Коллегія эта есть одно изъ самыхъ старыхъ учреждений Лифляндіи. Въ теченіе своей продолжительной жизни, вслѣдствіе измѣненій въ правительствахъ, вслѣдствіе измѣненій въ программахъ и отношеніяхъ правительствъ къ провинціи, она многократно и сама измѣняла какъ свое значеніе, такъ и роль, занимаемую относительно края, при-

---

¹⁾ Св. мѣстн. узак. губ. остз. ч. II ст. 133—170. О сферѣ дѣятельности дворянскаго конвента, а равно и прочихъ земскихъ учреждений собственно по сословнымъ дворянскимъ дѣламъ въ настоящемъ изслѣдованіи не упоминается.

чемъ однако роль эта всегда отличалась крайней неопредѣленностью.

Официальное учрежденіе ландратской коллегіи относится къ 1643 году¹⁾, при чемъ она была учреждена въ видѣ особаго совѣта при генераль-губернаторѣ, состоя изъ шести членовъ²⁾ — на половину шведскихъ и на половину лифляндскихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, назначаемыхъ генераль-губернаторомъ по представленію дворянства. Назначеніе ея состояло въ томъ, чтобы: 1) содѣйствовать генераль-губернатору во всемъ, касающемся благосостоянія края; 2) наблюдать за исполненіемъ дворянами военной службы, и 3) принимать жалобы въ уѣздахъ и доводить ихъ до свѣдѣнія генераль-губернатора.

Такимъ образомъ ландратская коллегія вовсе не была органомъ земскаго управленія въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово понимается нынѣ. Она была однимъ изъ органовъ общаго управленія провинціей во всѣхъ его отрасляхъ. Не имѣя, однако, какъ совѣтъ при генераль-губернаторѣ, свободы дѣйствій, ландратская коллегія не могла пріобрѣсти и полной самостоятельности, почему степень вліянія ея на дѣла провинціи въ различные періоды жизни Лифляндіи была въ высшей степени разнообразна, завися преимущественно отъ личности генераль-губернатора и отъ измѣненія во взглядахъ шведскаго правительства, допускавшаго иногда большую, иногда меньшую автономію Лифляндіи. Бывали моменты въ жизни этой провинціи, когда шведскіе короли сами старались возвысить значеніе ландратской коллегіи. Такъ въ 1660 году послѣдовало королевское повелѣніе³⁾, вмѣнявшее генераль-губернаторамъ въ обязанность имѣть по всѣмъ дѣламъ края совѣщанія съ ландратами и выслушивать ихъ совѣты. Бывали, обратно, моменты — въ особенности во время короля Карла XI, когда шведское правительство стѣсняло права ландратовъ. Когда же, опираясь на свое вліяніе

1) Резолюція королевы Христины 4 іюля 1643 г. п. 1. Въ дѣйствительности нѣчто въ родѣ ландратской коллегіи существовало еще ранѣе, даже во времена польскаго владычества (XVI в.), когда она повидимому исполняла роль верховнаго трибунала.

2) Впослѣдствіи число ландратовъ увеличено было до двѣнадцати. (См. резолюцію королевы Христины 17 августа 1648 г. п. 2.)

3) Резолюція правителъницы Ядвиги Элеоноры 26 Ноября 1660 г. п. 6 и 9.

въ странѣ, ландраты, по поводу редукиці дворянскихъ имѣній въ Лифляндіи, вошли въ явную оппозицію со шведскимъ правительствомъ, въ 1694 году, незадолго до завоеванія Лифляндіи Россіей, должность ландратовъ была совсѣмъ упразднена¹⁾.

Съ поступленіемъ Лифляндіи въ подданство Россіи, по ходатайству лифляндскаго дворянства учрежденіе это вновь возстановилось на основаніи акордныхъ пунктовъ 4 іюля 1710 года, коими возвращались дворянству всѣ его бывшія привилегіи и даже тѣ, которыя уничтожены въ послѣдніе годы XVII столѣтія королемъ Карломъ XI. Это возстановленіе коллегіи санкціонировано было резолюціями Императора Петра I отъ 12 октября 1710 г.²⁾ и 1 марта 1712 года, причемъ Императоръ, не считая возможнымъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла вновь завоеванной, въ высшей степени своеобразной и мало ему извѣстной провинціи, опредѣлилъ кругъ дѣятельности и компетенціи коллегіи въ самыхъ общихъ чертахъ³⁾. Вслѣдствіе неопредѣленности этихъ указаній и установившейся традиціонной политики послѣдующихъ монарховъ не нарушать извѣстной и притомъ весьма значительной автономіи прибалтійскаго края, вновь возобновленная ландратская коллегія, лишенная отнынѣ иноземныхъ постороннихъ элементовъ, стала пріобрѣтать все большее и большее вліяніе какъ на правительство, такъ и на страну. Подъ конецъ она образовала изъ себя совершенно самостоятельное, весьма мало зависимое отъ мѣстной правительственной власти и неимѣвшее гдѣ-либо и когда-либо подобнаго себѣ учрежденіе. Коллегія эта стала какъ бы дворянскимъ органомъ, завѣдующимъ всѣми безъ исключенія отраслями гражданскаго управленія, органомъ, дѣйствовавшимъ параллельно съ органами правительственными. Это было

1) Резолюція короля Карла XI 20 декабря 1694 г. и. I.

2) Полное собр. зак. 1710 г. № 2304.

3) Лифляндское дворянство въ 1712 г. просило о допущеніи ландратовъ къ участию во всѣхъ дѣлахъ управленія Лифляндіи. Императоръ Петръ I положилъ на этомъ прошеніи слѣдующую резолюцію: „Когда земскія будутъ случаться дѣла, тогда имѣютъ всегда ландраты, противъ ихъ привилегіи, къ тому допущены быть, равно какъ въ шведскія времена въ обыкновеніи было. А чтобы онимъ судить и опредѣленія въ дѣлахъ чинить, того имъ позволить не можно.“ (Полн. собр. зак. 1712 г. № 2496.)

какъ бы второе правительство, съ той же сферой дѣятельности и если не *de jure*, то *de facto*, съ тою же, а иногда и большею властью, нежели та, которая предоставлена была генераль-губернаторамъ и губернаторамъ, но руководствовавшееся при управленіи страню особыми принципами, имѣвшими очень часто весьма мало общаго съ принципами правительства центрального.

Такое въ высшей степени своеобразное значеніе ландратской коллегіи, созданное политикой русскаго правительства, не имѣло никакой законодательной санкціи до начала нынѣшняго столѣтія. Лишь послѣ 1796 г., когда, упраздненная вторично Императрицей Екатериной II, ландратская коллегія была вновь восстановлена лаконическимъ, невдававшимся въ какія-либо подробности Высочайшимъ повелѣніемъ Императора Павла I¹⁾, приступлено было къ составленію статута, долженствовавшаго ближайшимъ образомъ опредѣлить назначеніе и кругъ дѣятельности этого учрежденія. Это и было исполнено въ 1827 году. Ландтагомъ выработано было, на основаніи всѣхъ предыдущихъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій, положеніе о ландратской коллегіи, которое и было утверждено прибалтійскимъ генераль-губернаторомъ маркизомъ Пауличчи²⁾, подъ названіемъ „инструкціи для дворянскихъ чиновниковъ“. По весьма понятнымъ причинамъ въ новомъ законѣ не представлялось возможности съ полной откровенностью высказать дѣйствительное значеніе ландратской коллегіи, каковымъ оно создано попустительствомъ правительства. А посему въ вышеупомянутой инструкціи значеніе это опредѣлено было нѣсколько иносказательно. Такое опредѣленіе назначенія ландратской коллегіи и круга ея дѣятельности, въ той же почти редакціи, нашло себѣ мѣсто въ изданномъ въ 1845 году первомъ сводѣ мѣстныхъ узаконеній, гдѣ оно изложено слѣдующимъ образомъ: „Назначеніе ландратской коллегіи есть бдительное отеческое попеченіе объ охраненіи правъ и преимуществъ учреждений и постоян-

---

1) Высочайшее повелѣніе Императора Павла I ограничивается словами, что ландратская коллегія восстанавливается. (Полн. собр. зак. 1796 г. № 17564.)

2) Указъ лифл. губ. правленія 17 августа 1827 г. № 3465.

нымъ обычаемъ установленныхъ правилъ дворянскаго общества“¹⁾. Охранять же эти права и преимущества приходилось во всѣхъ отрасляхъ управленія губерніей; почему ландратамъ и предоставленъ былъ доступъ къ весьма вліятельному участию въ каждомъ отдѣлѣ провинціального управленія.

Такъ, по части управленія духовными дѣлами — одинъ изъ ландратовъ назначался президентомъ лифляндской евангелическо-лютеранской консисторіи, и всѣ мѣста главныхъ церковныхъ попечителей занимаютъ ландратами.

По части школьнаго управленія — четыре ландрата, главныхъ церковныхъ попечителя, составляютъ высшій комитетъ для управленія народными школами (Ober-Land-schulbehörde).

По части управленія судебнаго дѣла — ландраты были непремѣнными и пожизненными членами лифляндскаго гофгерихта (соединенной уголовной и гражданской палаты).

По части управленія земскими дѣлами — всѣ двѣнадцать ландратовъ состоятъ членами дворянскаго конвента, составляя половину общаго числа его членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ ландратовъ избирается дворянствомъ въ очередные ландраты²⁾ (residirende Landrath), сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю исполнительную власть по распоряженію губернскими земскими повинностями.

Наконецъ, если принять въ соображеніе, что, пользуясь огромнымъ значеніемъ на ландтагѣ, ландраты имѣли рѣшительное вліяніе при выборахъ дворянскихъ чиновниковъ на мѣста полицейскія, судебныя, крестьянскія и пр., то высказанное выше положеніе, что въ дѣлахъ общаго управленія губерніей вліяніе ландратской коллегіи часто было сильнѣе вліянія губернатора, едва ли можно считать преувеличеннымъ. Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что ландратская коллегія никогда не была тѣмъ, что принято называть земскимъ учрежденіемъ. Это было учре-

---

1) Сводъ мѣстн. узак. для губ. остз. ч. II ст. 563.

2) По закону (ст. 559 II части свода мѣстн. узак.) двѣнадцать ландратовъ поочередно въ теченіи одного мѣсяца въ году управляютъ текущими дѣлами, но такъ какъ такое управление сопряжено съ большими неудобствами, то на основаніи второй части вышеназванной статьи съ 1896 года принято правиломъ очереднаго ландрата избирать на три года.

ждение правительственное, имѣвшее дѣйствительно значительное вліяніе на земскія дѣла лишь потому, что оно имѣло столь же сильное вліяніе во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго управленія. Вліяніе это основано было не на текстѣ закона, а на подробностяхъ существовавшаго устройства прибалтійскаго края и на извѣстной политической программѣ русскаго правительства по отношенію къ этому краю. Съ измѣненіемъ этихъ подробностей путемъ реформъ, произведенныхъ въ краѣ въ послѣдніе годы, съ измѣненіемъ правительственной программы, вліяніе ландратской коллегіи быстро сокрушилось. Едва 5 лѣтъ прошло съ начала преобразованій. Въ числѣ этихъ преобразованій ни одно не было прямо направлено противъ ландратской коллегіи. А между тѣмъ учрежденіе это нынѣ потеряло почти всякое значеніе, обратившись въ нѣчто въ родѣ совѣта при очередномъ ландратѣ для составленія докладовъ, вносимыхъ на разсмотрѣніе ландтага. Нынѣ президентомъ евангелическо-лютеранской консисторіи состоитъ не ландратъ, а лицо по назначенію правительства. Съ преобразованіемъ судебныхъ учреждений не можетъ быть и рѣчи о вліяніи ландратской коллегіи на ходъ правосудія. Не можетъ быть рѣчи и о вліяніи ея на дѣла полицейско-административныя, ибо всѣ чиновники по этому вѣдомству назначаются правительствомъ. Одного земскаго устройства не коснулась еще преобразовательная дѣятельность русскаго правительства. Но и здѣсь, вслѣдствіе измѣненія въ политической программѣ правительства, вліяніе ландратской коллегіи значительно парализовано тою весьма важной статьей существующаго земскаго устройства, которая даетъ право губернатору останавливать каждое положеніе земскихъ собраній.

Ландратская коллегія была не земскимъ, какъ выше сказано, а дворянскимъ учрежденіемъ, какъ бы специально устроеннымъ для обезпеченія вліянія дворянства на общее управленіе краемъ. Она имѣла свой смыслъ, пока дворянство молчаливымъ соглашеніемъ самого правительства признавалось правящимъ странюю классомъ. Нынѣ, съ измѣненіемъ этого взгляда, она является отжившимъ, почти разрушеннымъ учрежденіемъ. Въ силу этихъ причинъ, даже функціи ея, какъ исполнительнаго земскаго органа, также исчезли, тѣмъ болѣе, что по свойству работъ

исполнительнаго характера коллегіальное учрежденіе является для этой цѣли непригоднымъ. Въ этомъ обстоятельстве и заключается причина, почему исполнительнымъ органомъ земскаго управленія слѣдуетъ нынѣ считать не ландратскую коллегію, а очереднаго ландрата, дѣятельность котораго по земскому дѣлу дѣйствительно весьма обширна. Она заключается:

- 1) въ завѣдываніи, подъ ближайшимъ руководствомъ губернскаго правленія, такими земскими повинностями, которыя, не будучи вызваны мѣстною насущною потребностью приходоу, имѣютъ значеніе для всей губерніи, или же возложены на страну правительственною властью, какъ напр. содержаніе государственныхъ шоссейныхъ дорогъ, содержаніе почтовыхъ станцій и т. п., а равно и взиманіе губернскаго земскаго сбора на содержаніе воинскихъ присутствій, губернскаго статистическаго комитета, на полицію и т. п., — такими однимъ словомъ повинностями, которыя изложены въ ст. 12 и 13 уст. о земск. пов. (св. зак. т. IV изд. 1857 г.);
- 2) въ составленіи раскладки по землѣ всѣхъ губернскихъ денежныхъ земскихъ повинностей, съ представленіемъ ея на утвержденіе губернскаго правленія;
- 3) въ веденіи для этой цѣли подробныхъ земельныхъ и окладныхъ книгъ;
- 4) въ управленіи многочисленными почтовыми станціями и вообще конными почтами, и
- 5) въ исполнительныхъ работахъ по такимъ предметамъ земскаго хозяйства, которые, по свойству своему, по обширности требующихся для выполненія ихъ средствъ и по значенію ихъ для данной мѣстности, не могутъ быть поручены приходскимъ попечителямъ и вообще силамъ прихода. Сюда относятся: постройка и ремонтъ большихъ мостовъ, устройство и ремонтъ первоклассныхъ дорогъ, требующихъ большихъ расходовъ и имѣющихъ значеніе для всей или по крайней мѣрѣ для большей части губерніи, содержаніе шоссейныхъ дорогъ и т. д.

Изъ числа этихъ функцій особенную дѣятельность вызываютъ обозначенныя въ п. п. 3 и 4.

Составленіе ежегодной раскладки въ 180—190 тыс.

рублей денежных губернскихъ земскихъ сборовъ, падающихъ на губернію, съ разсылкой по имѣніямъ окладныхъ листовъ, не представляетъ особыхъ затрудненій, такъ какъ въ эту сумму входятъ преимущественно такъ называемые обязательные расходы, производимые по заранѣ опредѣленнымъ штатамъ и потому изъ года въ годъ не мѣняющіеся, а исполнительная часть заключается въ передачѣ собранныхъ суммъ въ соотвѣтствующія расходующія учрежденія. На оборотъ чрезвычайно много труда требуетъ исполненіе обязанностей, упомянутыхъ въ п. 3, т. е. составленіе подробныхъ земельныхъ и окладныхъ книгъ, въ виду раздробленности поземельной собственности вслѣдствіе существованія въ Лифляндіи подворнаго владѣнія. Поземельныя книги или такъ называемые Grundbücher составляютъ 27 огромныхъ фоліантовъ, гдѣ съ величайшей подробностью и точностью регистрируются всѣ поземельныя недвижимости, находящіяся въ губерніи, съ подробной оцѣнкой этихъ недвижимостей по существующей талерной системѣ, и съ точнымъ до сотыхъ долей лофштеля обозначеніемъ свойства земли въ каждой хозяйственной единицѣ. Книги эти, въ которыхъ своевременно отмѣчаются всѣ измѣненія, происходящія въ составѣ каждой изъ 50 слишкомъ тысячъ хозяйственныхъ единицъ губерніи, составляютъ полную, образцово веденную статистику поземельной собственности, веденіе которой требуетъ дѣятельныхъ исполнителей и значительныхъ денежныхъ расходовъ, изъ коихъ, впрочемъ, на счетъ земскихъ суммъ не относится ни копѣйки, ибо всѣ они падаютъ исключительно на дворянскую кассу.

Точно такъ же весьма сложную хозяйственную операцію представляетъ управленіе конными почтами, содержащими по Лифляндской губерніи въ образцовомъ порядкѣ. Особенность Лифляндской и Эстляндской губерній заключается между прочимъ въ томъ, что содержаніе всѣхъ безъ исключенія почтовыхъ станцій относится не на казенный счетъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ прочихъ губерніяхъ, а на счетъ земскихъ; для каковой цѣли установлены особыя, такъ называемыя почтовыя повинности. Повинности эти заключаются въ постройкѣ и ремонтированіи станціонныхъ домовъ и доставленіи на нихъ фуража и дровъ. Таковое отнесеніе государственной повинности

на земскій счетъ является, съ одной стороны, большою выгодною для казны, избавляя ее отъ расходовъ по содержанію конныхъ почтъ, а съ другой — немаловажною несправедливостью относительно названныхъ губерній, несущихъ такія повинности, отъ которыхъ всѣ остальные губерніи освобождены. Такимъ образомъ лифляндское земство содержитъ 24 почтовыхъ станцій, и сверхъ того 45 станцій земскихъ (*Fahrgelegenheiten*), на которыхъ всего содержится 819 лошадей¹⁾.

Изъ вышеизложеннаго не трудно вывести характеристическія черты существующаго земскаго устройства Лифляндской губерніи. Вся губернія состоитъ изъ множества мелкихъ территоріальныхъ земскихъ единицъ (на материкѣ Лифляндіи 108 приходовъ), представляемыхъ учрежденіями, въ рукахъ которыхъ находится вполнѣ самостоятельное завѣдываніе всѣми земско-хозяйственными мѣстными потребностями. Церковное и школьное дѣло, дорожная и врачебная часть, устройство сельской почты и т. д. — все это сосредоточено въ приходсахъ, которые сами совершенно самостоятельно изыскиваютъ средства для удовлетворенія этихъ потребностей и сами, собственными силами, приводятъ свои предположенія въ исполненіе. Въ приходсахъ сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ земская дѣятельность по отношенію къ губерніи и лишь небольшая ея доля выполняется губернскими земскими учрежденіями. Надъ многочисленными приходскими управленіями, въ качествѣ наблюдающаго и объединяющаго органа, стоитъ губернское правленіе, дающее санкцію каждому распоряженію приходскаго собранія, безъ которой ни одно распоряженіе не приводится въ исполненіе.

Посредствующихъ инстанцій между губернскимъ и приходскими земскими учрежденіями почти не существуетъ. Хотя въ числѣ провинціальныхъ учреждений, основанныхъ на мѣстномъ законѣ, находятся и уѣздныя учрежденія, а именно: главныя церковныя попечительства и уѣздныя дворянскія собранія, но на практикѣ земская ихъ дѣятельность оказывается совершенно ничтожною. Главныя церковныя попечительства, учрежден-

---

¹⁾ Кромѣ того, въ городахъ Ригѣ и Черновѣ содержатся почтовые станціи на городской счетъ.

ныя еще въ 1671 году, существованіе которыхъ санкціонировано ст. 632, 637—639 1 ч. XI т. св. зак. 1857 г., собственно по управленію земскими дѣлами имѣютъ значеніе апелляціонной инстанціи для разбора жалобъ на постановленія приходскихъ конвентовъ, окончательно разрѣшаемыхъ губернскимъ правленіемъ, и сверхъ того посредствующаго органа при сообщеніяхъ между губернскимъ начальствомъ и приходскими учрежденіями, органа въ этомъ отношеніи весьма полезнаго въ виду большаго числа лифляндскихъ приходоу. При полной самостоятельности, приданной лифляндскимъ земскимъ устройствомъ приходскимъ управленіямъ, главныя церковныя попечительства не имѣютъ ни надобности, ни возможности вмѣшиваться въ дѣятельность приходоу, тѣмъ болѣе, что канцелярскія средства этихъ попечительствъ крайне ограничены. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ школьное дѣло, которое, по специальности своей, а главное по важности его значенія для будущности страны, правившіе въ прежнее время страной классы не рѣшались довѣрить приходскимъ управленіямъ. Всѣ постановленія по дѣламъ этого рода проходятъ черезъ цензуру главнаго церковнаго попечительства и не иначе получаютъ силу, какъ по его утвержденію. Засимъ хотя по мѣстнымъ положеніямъ¹⁾ главный церковный попечитель и является управляющимъ (Director) уѣзда, но такъ какъ на ландтагѣ, вмѣстѣ съ церковными попечителями, присутствуютъ и съ одинаковымъ правомъ голоса представляютъ уѣздъ всѣ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, то это званіе директора въ сущности лишь почетное званіе, заключающееся въ весьма общемъ наблюденіи или вѣрнѣе сказать — созерцаніи дѣятельности приходскихъ конвентовъ и попечителей.

Столь же малое значеніе для земскаго хозяйства имѣютъ и уѣздныя дворянскія собранія. По закону²⁾ вѣдѣнію этихъ собраній подлежитъ разсмотрѣніе дѣлъ, касающихся пользы и нужды всего уѣзда, но издавна сосредоточившаяся въ приходахъ земская жизнь мѣстнаго населенія на практикѣ совершенно уничтожила значеніе

1) Рецессъ лифляндскаго ландтага 1805 года.

2) Статья 167 II ч. св. мѣстн. узак.

этой статьи. Разсматривая за многіе годы постановленія дворянскихъ уѣздныхъ собраній, нельзя не убѣдиться, что всѣ почти постановленія касались назначенія и раскладки дворянскихъ уѣздныхъ складокъ, каковыя сборы въ прежнее время исключительно шли на прибавку къ содержаніямъ, получаемымъ различными дворянскими чиновниками, какъ то: ордунгерихтерами, ландрихтерами, крейсрихтерами и т. п. Собственно же земскими дѣлами, за рѣдкими исключеніями¹⁾, уѣздныя собранія не занимаются.

Ближайшее знакомство съ земскою жизнью Лифляндской губерніи не можетъ, впрочемъ, не убѣдить, что разъ приходскія управленія облечены полной въ дѣйствіяхъ своихъ самостоятельностью, здѣсь нѣтъ мѣста для дѣятельности уѣздныхъ учреждений. Въ какихъ-либо посредствующихъ органахъ между губернскими и приходскими земскими учреждениями страна не нуждается. Засѣдающіе въ приходскихъ конвентахъ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ поголовно съѣзжаются на обыкновенные и чрезвычайные ландтаги, внося въ дѣятельность ландтага тѣ же принципы, тѣ же взгляды, которыми руководствуется дѣятельность приходовъ. Ландтагъ и приходскія собранія неминуемо дѣлаются такимъ образомъ вполне между собою солидарными. Этой организаціи земскихъ собраній и слѣдуетъ преимущественно приписать ту замѣчательную стройность и единообразіе въ дѣйствіи сотни нисколько повидимому между собой не связанныхъ и вполне децентрализованныхъ приходскихъ учреждений.

Для полноты этого описанія земскаго устройства Лифляндской губерніи необходимо присовокупить, что города не принимаютъ никакого участія въ общемъ земскомъ хозяйствѣ губерніи и не несутъ никакихъ земскихъ повинностей, каковая особенность объясняется историческимъ развитіемъ этихъ городовъ, а равно и тѣмъ, что значительная часть городовъ имѣетъ свои патримоніальные округа, въ которыхъ городскія управленія содержатъ

---

¹⁾ Таковыми исключеніями слѣдуетъ назвать работы уѣздныхъ собраній въ 1858 году по общей таксаціи дорогъ, а равно и работы по дорожной части, имѣвшія мѣсто въ послѣдующіе годы и продолжающіяся понинѣ по составленію сѣти земскихъ дорогъ съ полнымъ ихъ кадастромъ. Всѣ таковыя работы исполнены весьма хорошо и съ большою для страны пользой.

дороги, мосты и т. п., то есть выполняют повинности, по существу своему считающіяся земскими. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ нѣкоторыя лишь статьи губернскаго земскаго бюджета, касающіяся общихъ всей губерніи нуждъ, какъ то: содержаніе губернскаго статистическаго комитета, разъѣздныя и квартирныя судебнымъ слѣдователямъ и т. п., каковыя расходы относятся на общій счетъ городовъ и земства, причемъ распределеніе этихъ расходовъ между городами и земствомъ производится губернскимъ правленіемъ особо по каждой статьѣ расхода. Въ большей части случаевъ принято нормою расходы эти распределять такимъ образомъ, что $\frac{1}{3}$ расходовъ уплачиваютъ города пропорціонально оцѣнкѣ городскихъ недвижимостей, а остальные $\frac{2}{3}$ — земство.

Вышеизложенный краткій очеркъ формъ земскаго устройства, исторически создавшагося въ Лифляндской губерніи, требуетъ еще дополненія характеристикой тѣхъ необходимыхъ для земскаго управленія элементовъ, которые нынѣ въ состояніи представить мѣстное населеніе.

По установившимся въ прибалтійскомъ краѣ началамъ, исключившимъ города отъ участія въ земскомъ управленіи, въ управленіи этомъ могутъ принимать участіе лишь владѣльцы культурной земли. Владѣльцами этими являются: съ одной стороны — мѣстное дворянство, которому принадлежитъ почти вся мызная земля и нѣкоторая часть крестьянской — право распоряженія которой ограничивается однако же существующими аграрными законами¹⁾, — съ другой — крестьянское сословіе, которому принадлежитъ большая часть земли повинностной.

Характеристическія черты лифляндскаго дворянства, какъ элемента для самоуправленія, достаточно извѣстны, чтобы стоило о нихъ распространяться. Не касаясь политическаго направленія этого класса населенія, справедливость требуетъ признать за лифляндскимъ дворянствомъ многія весьма хорошія качества, какъ то: трудолюбіе, экономность, участливое отношеніе къ общественнымъ дѣламъ,

1) По закону помѣщикъ не властенъ ни въ какомъ случаѣ и ни подь какимъ предлогомъ, ни непосредственно, ни инымъ способомъ пользоваться крестьянской землей иначе, какъ посредствомъ отдачи ея въ арендное содержаніе или продажи членамъ крестьянскихъ обществъ. Ст. 101 крест. полож. 1860 г.

рѣдкая привязанность къ своему краю, глубокое пониманіе его потребностей и вообще серьезное отношеніе къ его интересамъ. До послѣдняго времени (1885 г.) земское управленіе страной находилось всецѣло въ рукахъ дворянства, и достигнутые, — не смотря на нѣкоторыя крайне невыгодныя для дѣятельности мѣстныхъ земскихъ учрежденій условія, о которыхъ изложено будетъ ниже, — собственно въ экономическомъ отношеніи результаты служатъ достаточнымъ ручательствомъ въ умѣлости дворянства вести земское дѣло. Всѣ вышеупомянутыя качества дѣлаютъ это сословіе, при надлежащемъ контролѣ со стороны правительства, чрезвычайно полезнымъ матеріаломъ для земскаго управленія.

Гораздо менѣе извѣстенъ другой изъ этихъ элементовъ: сословіе лифляндскихъ крестьянъ. По отношенію къ этому сословію въ русскомъ обществѣ существуютъ крайне неопредѣленныя и смутныя понятія, благодаря, во-первыхъ, перенесенію на крестьянъ прибалтійскаго края мнѣній, выработавшихся на основаніи наблюденій надъ жизнью крестьянъ губерній внутреннихъ, а главное вслѣдствіе большой страстности, которая постоянно вносима была въ обсужденіе крестьянскаго вопроса въ прибалтійскомъ краѣ. Вопросъ этотъ обсуждался въ русской печати преимущественно съ политической точки зрѣнія. Надлежащаго же изслѣдованія экономическаго положенія крестьянъ до настоящаго времени не было, если не считать изданныхъ въ періодъ времени съ 1881 до 1885 г. лифляндской ландратской коллегіей: „матеріаловъ къ изученію аграрныхъ условій Лифляндской губерніи“¹⁾.

Огромное число безземельныхъ крестьянъ въ прибалтійскомъ краѣ, каковое явленіе устранимое можетъ быть при системѣ общиннаго землевладѣнія, составляетъ неизбежное и неотвратимое послѣдствіе установившагося въ прибалтійскомъ краѣ владѣнія подворнаго, — породило въ средѣ русской публики убѣжденіе въ томъ, что положеніе крестьянскаго сословія въ этихъ губерніяхъ —

---

¹⁾ Изданіе это, въ основаніе котораго положены труды извѣстнаго статистика Юнга-Штилинга, заслуживаетъ особеннаго вниманія по полнотѣ помещенныхъ въ немъ данныхъ. Къ сожалѣнію, изданіе это очень мало извѣстно въ русской публикѣ.

самое жалкое. Прибалтійскіе крестьяне выставялись сословіемъ, находящимся въ сильнѣйшей экономической зависимости отъ помѣщиковъ и потому лишеннымъ всякой самостоятельности. При воображаемомъ такимъ образомъ угнетенномъ положеніи этого класса населенія, очевидно, нельзя было разсчитывать найти въ немъ сколько-нибудь надежный элементъ для земскаго управленія страной, которое засимъ всецѣло предоставлено было бы одному дворянству, а посему и пріобрѣло бы исключительно дворянскій, тѣсно сословный, несоотвѣтствующій видамъ правительства характеръ. На сколько справедливо мнѣніе о приниженности и подавленности безземельнаго крестьянства въ прибалтійскихъ губерніяхъ, объ этомъ не можетъ быть рѣчи въ настоящемъ изслѣдованіи, посвященномъ земскому устройству страны, такъ какъ очевидно безземельные крестьяне никакого участія въ земскомъ управленіи принимать не могутъ. Но при рѣшеніи вопроса о возможности участія крестьянъ въ земскомъ управленіи прибалтійскихъ губерній дѣлается постоянно одна капитальная ошибка — именно не принимается въ соображеніе классъ крестьянъ - землевладѣльцевъ, крестьянъ - хозяевъ (Wirth), ошибка весьма естественная, такъ какъ ничего подобнаго этому классу въ русскомъ крестьянствѣ не существуетъ. Между тѣмъ, въ Лифляндіи въ настоящее время считается слишкомъ 40,000 такихъ крестьянъ, которые собственно и составляютъ главную массу уѣзднаго населенія, образуя собой крестьянское землевладѣніе. О степени самостоятельности этого класса и о способности его къ земскому управленію можетъ дать понятіе слѣдующій краткій историческій очеркъ экономического развитія лифляндскаго крестьянства¹⁾.

Вся крестьянская земля Лифляндской губерніи заключаетъ въ себѣ 1,414,466²⁾ десятинъ удобной земли, раздѣ-

---

1) Всѣ цифры, приведенныя ниже, относятся лишь къ материковой части губерніи. Островъ Эзель (Аренбургскій уѣздъ) не взятъ въ разсчетъ, ибо соотвѣтствующія данныя для этого уѣзда не обследованы. Къ сему необходимо присовокупить, что около половины эзельскихъ вотчинъ принадлежатъ казнѣ. Казенные же крестьяне на основаніи закона 12 іюня 1886 года обязательно выкупили свои земли.

2) Изъ числа 3,155,311 десят., составляющихъ общую площадь удобной земли въ Лифляндіи.

ленной на 32,916 полноправныхъ крестьянскихъ усадебъ¹⁾. Крестьяне освобождены были въ Лифляндіи отъ крѣпостной зависимости въ 1819 году, причемъ освобожденіе ихъ послѣдовало безъ земельного надѣла. Хотя правила, опредѣляющія порядки выкупа крестьянской земли, установлены были впервые крестьянскимъ положеніемъ 1849 г. и отчасти даже положеніемъ 1804 г., но въ дѣйствительности выкупъ земли этой въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ начался лишь съ шестидесятыхъ годовъ, такъ что до этой эпохи всѣ почти крестьяне губерніи были безземельные. Съ начала выкупной операціи прошло такимъ образомъ съ небольшимъ 30 лѣтъ. Между тѣмъ аграрная статистика показываетъ, что въ настоящее время помѣщичьи крестьянами выкуплено по вольной цѣнѣ 993,890 десятинъ крестьянской земли, заключающейся въ 19,865 усадьбахъ. Кромѣ того, на мызной землѣ выкуплено 2874 крестьянами 116,635 десятинъ, и наконецъ по закону 10 марта 1869 г., а большею частью по закону 12 іюня 1886 года (т. е. обязательно) 6489 крестьянъ-хозяевъ казенныхъ имѣній выкупили 254,610 десятинъ. Въ результатѣ выходитъ, что за этотъ сравнительно небольшой промежутокъ времени крестьянами выкуплено 1,365,135 десятинъ на сумму 62,088,164 рублей²⁾. Въ счетъ этой покупной суммы они уже выплатили 45,182,877 рублей³⁾. Слѣдуетъ припомнить, что въ теченіи этихъ 30 лѣтъ крестьяне выплачивали сверхъ того значительные арендные платежи, не урегулированные никакимъ положеніемъ и вполне зависящіе отъ усмотрѣнія помѣщиковъ. Они же несли большую часть всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ земскихъ повинностей, уплачивали весьма значительные въ Лифляндской губерніи волостные сборы, а также казенный подушный

---

1) Не включаются въ число крестьянскихъ усадебъ участки земли маломѣрные — менѣе 10 талеровъ, которыхъ также считается нѣсколько тысячъ преимущественно на земляхъ казенныхъ имѣній, а также на мызной землѣ въ имѣніяхъ частныхъ.

2) Въ эту цифру не включена выкупная сумма, слѣдующая съ крестьянъ казенныхъ имѣній, ибо выкупъ земли въ имѣніяхъ этихъ производится посредствомъ ежегодныхъ взносовъ платежей (30% прибавки къ платимымъ крестьянами аренднымъ платежамъ).

3) Въ эту сумму также не включена сумма, уплаченная крестьянами казенныхъ имѣній.

налогъ до его упраздненія. Трудно, конечно, опредѣлить точную цифру всѣхъ этихъ платежей, такъ какъ значительная часть ихъ (напр. поземельная аренда и волостные сборы) мѣнялась изъ года въ годъ, но по самому умѣренному расчету всѣ эти платежи составляли въ суммѣ около 4½ миллионѣвъ рублей въ годъ¹⁾. Если прибавить сюда натуральныя повинности, т. е. исправленіе слишкомъ десяти тысячъ верстъ искусственныхъ дорогъ, содержаніе 126 приходскихъ школъ и 108 пасторатовъ, реальныя повинности на содержаніе лютеранскаго духовенства, цѣнность которыхъ, при переводѣ на деньги, составитъ также около ста тысячъ въ годъ²⁾, то въ полномъ смыслѣ этого слова слѣдуетъ назвать изумительнымъ, какимъ образомъ 334,799 ревизскихъ душъ материковой части Лифляндской губерніи, исполнивъ въ 30 лѣтъ разныхъ повинностей на сумму свыше ста миллионѣвъ руб., могли накопить еще болѣе 45 миллионѣвъ на покупку земель. Да и эта цифра далеко не представляетъ количество всѣхъ сбереженій, которыя умѣлъ накопить этотъ трудолюбивый, экономный и характерный классъ. Въ теченіе почти этого же періода времени крестьянское сословіе сумѣло сформировать богатыя волостныя правленія. Къ настоящему времени имущество волостей Лифляндской губерніи составляетъ:

а. волостныхъ строеній различнаго рода, какъ то: волостныхъ домовъ школъ, магазиновъ, общественныхъ земель и пр. на сумму	4,800,000 руб.
б. волостныхъ капиталовъ	3,279,340 „
в. хлѣба въ продовольственныхъ магазинахъ на сумму	4,265,000 „
Итого	12,344,340 руб.

1) Эта сумма въ 4½ миллионѣ получается слѣдующимъ образомъ:

а. казенный подушный налогъ, нынѣ отмѣненный	557,195 руб.
б. арендная плата за невыкупленную землю (цифры эти опредѣлены особымъ разслѣдованіемъ, произведеннымъ за 1879, 1880 и 1881 г.)	1,492,802 „
в. волостныхъ сборовъ около	800,000 „
г. земскіе сборы вмѣстѣ съ фуражной повинностью, не включая сюда сборовъ приходскихъ	230,000 „
д. проценты за неуплаченную еще выкупную сумму по 5% годовыхъ приблизительно	1,500,000 „

2) Особой комиссіей, учрежденной на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 30 іюля 1862 года, вычислено, что постоянныя церковныя (реальныя)

Если прибавить къ сему значительныя сбереженія, накопленныя крестьянами и положенныя вкладами въ многочисленныя, существующія въ губерніи сберегательныя кассы, сумма каковыхъ вкладовъ по изслѣдованіямъ, произведеннымъ еще въ 1883 году, достигала 6 милліоновъ¹⁾, — то окажется, что, не смотря на чувствительное отягощеніе ихъ земли земскими и прочими повинностями, не смотря на высокую арендную плату за помѣщичью землю и прочія повидимому неблагоприятныя условія, общее количество сбереженій, сдѣланныхъ лифляндскими крестьянами за 30 лѣтъ, достигаетъ огромной суммы свыше 60 милліоновъ.

Цифры эти достаточно краснорѣчиво говорятъ о безпримѣрной силѣ, устойчивости и характерности лифляндскаго крестьянства, представляющаго такимъ образомъ всѣ ручательства къ тому, что въ земскомъ управленіи они могутъ играть весьма замѣтную роль. Кромѣ этихъ 29,228 хозяевъ-собственниковъ, Лифляндская губернія можетъ выставить около двадцати тысячъ крестьянъ хозяевъ-арендаторовъ²⁾, изъ которыхъ большая часть владѣтъ усадьбами на основаніи арендныхъ контрактовъ, заключенныхъ на продолжительные сроки (12 лѣтъ и даже 24 года). Огромное большинство этихъ арендаторовъ можетъ быть также отнесено къ классу людей вполне обеспеченныхъ и вполне самостоятельныхъ.

Отъ правительства зависитъ еще болѣе усилить самостоятельность крестьянскаго элемента. Согласно постановленію общаго собранія членовъ, лифляндское дворянское кредитное общество вошло въ министерство финансовъ съ ходатайствомъ объ измѣненіи своего устава въ томъ смыслѣ, чтобы обществу предоставлено было право выдавать крестьянамъ ссуды подъ залогъ выкупаемой ими земли изъ 4% роста, съ выдачей притомъ покупщику на руки накопив-

---

повинности, нынѣ существующія въ Лифляндской губерніи, при перечисленіи на деньги составляютъ сумму въ 127,025 рублей въ годъ, изъ которыхъ 91,727 руб. падаетъ на крестьянское населеніе.

1) Сумма эта конечно опредѣлена приблизительно, ибо не всегда возможно правленію кассы опредѣлить сословіе вкладчика. Во всякомъ случаѣ она далеко ниже дѣйствительной, такъ какъ въ означенную сумму вошли тѣ только вклады, которые несомнѣнно принадлежатъ крестьянамъ.

2) Изъ числа этихъ крестьянъ 5757 находятся арендаторами на крестьянской, остальные на мѣзной и квотной землѣ.

нагоса отъ залога крестьянскихъ земель въ этомъ обществѣ погасительнаго фонда, доля каковаго фонда, падающая собственно на крестьянскія земли, составляетъ свыше 7 милліоновъ рублей. Столь выгодныя условія выкупа земли едва ли когда-либо предоставлены были крестьянскому сословію. Нѣтъ сомнѣнія, что, какъ только лифляндское кредитное общество получить надлежащее разрѣшеніе правительства на производство вышеупомянутыхъ ссудъ, операція выкупа крестьянскихъ земель въ губерніи сильно подвинется и по всей вѣроятности въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ окончена. Для той же цѣли, т. е. для усиленія экономической самостоятельности крестьянъ-хозяевъ, могутъ быть правительствомъ употреблены и другія мѣры. Согласно закону 1886 г. всѣ крестьяне-хозяева казенныхъ имѣній нынѣ обязательно выкупили свою землю. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ крестьяне 11 имѣній Высочайше пожалованныхъ лифляндскому и эзельскому дворянству. Такъ какъ названныя имѣнія въ сущности такія же казенныя имѣнія, какъ и прочія, съ тою лишь разницей, что пользованіе ими верховною властью предоставлено лифляндскому и эзельскому дворянству для специальныхъ цѣлей, то казалось бы совершенно послѣдовательнымъ распространить обязательный выкупъ также на пожалованныя дворянству имѣнія, на условіяхъ особо для сей цѣли выработанныхъ. Наконецъ, совершенно правильнымъ казалось бы установить обязательный выкупъ крестьянской земли 73 пасторатскихъ имѣній, снабженныхъ этою землею, а равно и всѣхъ городскихъ имѣній. Въ результатъ такихъ правительственныхъ распоряженій, къ осуществленію которыхъ никакихъ препятствій не видится, ибо они истекаютъ изъ общаго историческаго хода аграрнаго законодательства, было бы образованіе сильнаго сословія въ 40 слишкомъ тысячъ крестьянъ-собственникововъ, сословія совершенно самостоятельнаго, отъ какихъ бы то ни было экономическихъ давленій вполне независимаго, которое вслѣдствіе природныхъ своихъ качествъ въ высшей степени способно къ завѣдыванію отдѣльными отраслями земскаго хозяйства, ручательствомъ чему служить какъ образцовое веденіе собственнаго хозяйства, такъ и испытанное его участіе въ существующихъ земскихъ учрежденіяхъ: церковныхъ и приходскихъ конвентахъ.

Вышеприведенный очеркъ можетъ дать достаточно данныхъ, чтобы судить, возможно ли переносить понятія, почерпнутыя изъ наблюденія надъ жизнью крестьянъ внутреннихъ губерній, на крестьянъ лифляндскихъ. На сколько различны были судьбы этихъ двухъ группъ населенія Имперіи, на столько же различны и получившіеся результаты. Лифляндскій крестьянинъ нисколько не похожъ на русскаго крестьянина. Старинное, вѣковое, исторически развивавшееся аграрное законодательство постояннымъ, продолжительнымъ своимъ воздѣйствіемъ положило рѣзкія черты на его фізіономію. Основанная на законодательствѣ этомъ недѣлимость крестьянскихъ усадебъ способствовала увеличенію ихъ размѣра¹⁾, что въ свою очередь дало крестьянамъ-хозяевамъ столь высокую степень благосостоянія, о которой не можетъ и думать крестьянинъ внутренней губерніи. Пройдя суровую школу бароновъ-помѣщиковъ, собственнымъ безъ всякой посторонней помощи тяжелымъ трудомъ и продолжительными лишеніями пріобрѣтшій свой земельный надѣлъ, принужденный выдерживать постоянную конкуренцію болѣе совершенной хозяйственной системы крупныхъ землевладѣльцевъ, лифляндскій крестьянинъ привыкъ сосредоточивать все свои силы на матеріальныхъ интересахъ. Отсутствіе общиннаго землевладѣнія, никогда не имѣвшаго примѣненія въ прибалтійскомъ краѣ, воспитало въ крестьяншѣ убѣжденіе, что ни на кого онъ надѣяться не долженъ, кромѣ самого себя, способствуя такимъ образомъ, съ одной стороны, развитію въ немъ индивидуальности и эгоистическихъ наклонностей, съ другой — возвысивъ его самостоятельность. Уровень его образованія, ограничивающійся волостной, рѣдко приходской школой (лифляндскій крестьянинъ обыкновенно читать умѣетъ, но писать по большей части, за недостаткомъ практики, разучивается), весьма невысокъ. Этотъ невысокій уровень образованія тѣмъ не менѣе вполне законченъ и потому не позволяетъ ему сосредоточиваться на чемъ-либо иномъ, кромѣ своей пашни и своего крестьянскаго двора. Лифляндскіе крестьяне-землевладѣльцы суть именно тѣ трудолюбивые, алчные до наживы,

---

1) Средній размѣръ крестьянской усадьбы въ Лифляндіи составляетъ около 40 десятинъ.

экономные, неспособные къ отвлеченнымъ стремленіямъ, а исключительно сосредоточивающіеся на матеріальныхъ интересахъ люди, кругозоръ которыхъ не простирается далѣе предѣловъ своего прихода, — тотъ, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, консервативный элементъ, участіе котораго наиболѣе важно для матеріальнаго устройства страны. Никто лучше, непосредственнѣе (безъ всякихъ мудрствованій) не пойметъ потребности своего уголка; никто лучше крестьянина не изыщетъ средствъ, какъ удобнѣе, проще и дешевле удовлетворить этой потребности; а главное, ни чей личный интересъ такъ сильно, видимо и понятно не связанъ съ интересами благосостоянія прихода, какъ интересъ крестьянина. Само собою разумѣется, что для предоставленія крестьянскому элементу наиболѣе активнаго участія въ земскихъ учрежденіяхъ необходимымъ условіемъ является сосредоточеніе земскаго хозяйства въ мелкихъ земскихъ единицахъ, каковыми въ Лифляндской губерніи являются существующіе въ теченіе столѣтій, исторически образовавшіеся приходы.

Глава II.

Критическое изслѣдованіе достоинствъ и недостатковъ существующаго земскаго устройства Лифляндіи. Достоинства существующей системы. Связь между приходскими и губернскимъ земскими учрежденіями. Зависимость земства отъ мѣстной правительственной власти. Отсутствіе сословнаго начала въ организациі земскаго управленія. Ограниченность примѣненія выборовъ въ организациі земскихъ учрежденій. Бесплатная служба органовъ земскаго управленія. Удачный выборъ земской единицы.

Критически относясь къ изложенной въ предыдущей главѣ организациі земскаго устройства Лифляндской губерніи, слѣдуетъ признать, что въ этой весьма оригинальной и въ то же время крайне простой организациі есть свои очень хорошія стороны, причемъ, однако, немало и сторонъ дурныхъ.

Исходя изъ точки зрѣнія, изложенной въ началѣ этого изслѣдованія, а именно: что органическій законъ долженъ воздерживаться отъ импровизацій, что нельзя мѣнять складъ земской жизни, установившейся въ теченіе вѣковъ, — задача переформированія земскаго устройства Лифляндской губерніи должна заключаться въ отстраненіи изъ существующей системы земскаго управленія всего того, что дурно, съ сохраненіемъ, по возможности, ея хорошихъ сторонъ. Новый законъ призывается не ломать существующее земское устройство, а лишь внести въ него порядокъ, котораго тамъ нынѣ не существуетъ, и отстранить тѣ уклоненія отъ государственныхъ, правовыхъ и экономическихъ принциповъ, которыя въ теченіе долгаго времени, когда прибалтійскій край былъ, такъ сказать, безъ призора правительства, постепенно проникли въ нынѣ дѣйствующую систему управленія.

Это соображеніе обуславливаетъ необходимость выяснить ближайшимъ образомъ всѣ какъ хорошія, такъ и дурныя стороны существующей земской организациі.

Хорошими ея сторонами слѣдуетъ признать:

I.

Искусное установленіе надлежащей связи между приходскими и высшимъ губернскимъ земскими учрежденіями, каковая связь обезпечиваетъ: единство и стройность въ управленіи земскимъ дѣломъ. Достигается эта связь, какъ подробно изложено на страницѣ 27, тѣмъ, что всѣ представители мызной земли, состоя одновременно членами и приходскихъ и губернскаго (ландтагъ) земскихъ собраній, вносятъ въ нихъ одни и тѣ же взгляды, одни и тѣ же цѣли и стремленія. Въ столь же значительной степени эта связь обезпечивается однородностью личнаго состава земскаго представительства. Огромное большинство въ этомъ представительствѣ состоитъ изъ лифляндскихъ дворянъ. Принадлежа къ одной и той же корпораціи, воспитанные въ однихъ и тѣхъ же традиціяхъ, даже въ однихъ и тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, они естественно одинаково смотрятъ на земское дѣло.

II.

Подчиненіе дѣятельности земскихъ учреждений сильнѣйшему контролю губернскаго начальства, откуда вытекаетъ полная зависимость земства отъ мѣстной правительственной власти. Какъ сказано въ предыдущей главѣ, губернское правленіе разсматриваетъ каждое постановленіе какъ ландтага, такъ и приходскихъ собраній, каждую ихъ раскладку, и ни одно распоряженіе по земской части не можетъ быть приведено въ дѣйствіе безъ согласія и утвержденія губернатора, которому, при отсутствіи закона, опредѣляющаго должнымъ образомъ его отношенія къ земству, равно какъ и кругъ дѣятельности и предѣлы компетенціи земскихъ учреждений, въ дѣйствительности предоставлено дискреціонное право утверждать или не утверждать это распоряженіе.

Столь сильное подчиненіе лифляндскихъ земскихъ учреждений власти губернатора по первому взгляду покажется весьма страннымъ въ виду установившагося въ русскомъ обществѣ неправильнаго убѣжденія въ совершенной независимости земства прибалтійскихъ губерній отъ власти губернскаго начальства и полной свободы, закономъ якобы предоставленной мѣстнымъ земскимъ,

преимущественно дворянскимъ учрежденіямъ въ устройствѣ своихъ внутреннихъ дѣлъ. Таковое убѣжденіе произошло отъ незнакомства трактовавшихъ по этому предмету съ мѣстнымъ земскимъ правомъ, которое, какъ это видно изъ вышеизложеннаго, подчиняетъ земство прибалтійскихъ губерній губернскому начальству въ такой сильной степени, въ которой, конечно, губернатору не подчинено ни одно земство гдѣ бы то ни было. Законъ, ставящій дѣйствительность постановленій ландтага въ зависимость отъ согласія губенатора — не новый. Онъ фигурируетъ еще въ первомъ положеніи о ландтагахъ 1647 г. Шведское правительство ясно понимало необходимость сильнѣйшаго контроля черезъ правительственныхъ органовъ дѣятельности земства, состоящаго изъ иноплеменныхъ элементовъ; посему во время шведскаго владычества не только никогда не была ослабляема сила этого закона, но объ исполненіи его постоянно напоминалось генераль-губернаторамъ¹⁾. Съ покореніемъ Лифляндіи Россіей законъ этотъ также никогда отмѣняемъ не былъ, и если на практикѣ лифляндскія земскія учрежденія въ прежнее время высвобождались изъ-подъ вліянія правительства, то причину этого надо искать никакъ не въ законѣ и не въ лифляндскомъ земскомъ правѣ, а въ совершенно постороннихъ условіяхъ. Таковыхъ условій было не мало. Главными изъ нихъ слѣдуетъ считать прежде всего незнаніе правителями мѣстнаго земскаго права, познакомиться съ которымъ дѣйствительно трудно, ибо право это не только никогда кодифицировано, но даже приведено въ систему не было, и изучить его возможно лишь попутно съ изученіемъ исторіи Лифляндіи и развитія ея земскихъ учреждений.

Другой причиной слѣдуетъ считать издавна, съ Петра Великаго, усвоенную русскимъ правительствомъ систему невмѣшательства во внутреннія дѣла прибалтійскаго края, съ предоставленіемъ управленія его внутренней жизнью исключительно мѣстнымъ элементамъ. Послушные этой программѣ, представители мѣстной власти дѣйствительно удерживались отъ какого-либо вмѣшательства, и брошенная генераль-губернаторами власть подобрана была ландратской коллегіей, причемъ естественно настоящимъ хозяиномъ

1) См. королевскую резолюцію Карла XI отъ 20 дек. 1694 г.

губерніи сталь, вопреки закону, не губернаторъ, а очередной ландратъ.

Наконецъ, третьей причиною этого противозаконнаго явленія была организація губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учреждений, ставившая губернатора въ совершенно безпомощное состояніе, такъ какъ въ губерніи у него не было ни одного не только исполнительнаго, но даже наблюдательнаго органа. Для веденія земскаго дѣла въ странѣ, гдѣ такъ сильно бьется пульсъ земской жизни, гдѣ надо просматривать по существу постановленія 242 церковныхъ и приходскихъ конвентовъ, гдѣ окладныя книги составляютъ 27 толстыхъ фоліантовъ, гдѣ оцѣночныя карты дорогъ составляютъ нѣсколько сотъ саженъ листовъ, — нужно не мало средствъ. Между тѣмъ лифляндскій губернаторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь губернское правленіе такой же силы, какъ и губернскія правленія внутреннихъ губерній, а канцелярію по составу даже меньшую, нежели канцелярія самой покойной, напр. Псковской губерніи. Естественно, что управленіе земскимъ дѣломъ перешло къ очередному ландрату, который, имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя суммы, собираемыя при помощи такъ называемыхъ дворянскихъ складокъ, въ состояніи былъ справиться съ такими сложными работами. Къ тому же всё безъ исключенія полицейскія и по крестьянскимъ дѣламъ должности въ уѣздахъ замѣщались по выбору отъ дворянства, платившаго имъ и значительную долю содержанія. При столь сильной зависимости отъ дворянства мѣстныхъ чиновниковъ, какое бы распоряженіе ни дѣлалъ губернаторъ, — если оно противорѣчило взгляду ландратской коллегіи, привыкшей въ теченіи долговременнаго періода системы невмѣшательства смотрѣть на свою незаконную власть какъ на присвоенное ей и освященное обычаемъ право, — распоряженіе это вовсе не исполнялось, о чемъ губернаторъ, не имѣя своихъ органовъ въ уѣздѣ, даже и не зналъ. Впрочемъ еслибы губернаторъ и замѣтилъ по какой-нибудь случайности эту неисполнительность *de jure*, но не *de facto* подчиненныхъ ему исполнительныхъ чиновниковъ, то онъ ничего не могъ сдѣлать. Уволить такого чиновника было крайне затруднительно, а въ большей части случаевъ и невозможно. Да еслибы наконецъ этотъ

чиновникъ и былъ уволенъ, то на мѣсто его выбирался дворянствомъ другой, который столь же сильно зависѣлъ отъ дворянства и въ матеріальномъ, и въ служебномъ отношеніяхъ. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ законъ, представлявшій губернатору столь большую власть по отношенію къ земскимъ дѣламъ, оставался мертвою буквою. Въ настоящее время положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. По державной волѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III прежняя политическая относительно прибалтійскаго края программа оставлена. Способъ и порядки управленія прибалтійскими губерніями въ значительной мѣрѣ подведены подъ общіе порядки управленія внутренними губерніями. Съ преобразованиемъ въ 1888 и 1889 году полицейскихъ и крестьянскихъ учреждений, губернское начальство получило въ свое распоряженіе достаточное число какъ наблюдательныхъ, такъ и исполнительныхъ органовъ, вполнѣ ему подчиненныхъ. И еслибы нынѣ, при такихъ условіяхъ, земство высвободилось изъ-подъ вліянія губернской правительственной власти, то явленіе это свидѣтельствовало бы лишь о бездѣйствіи власти или слабости губернатора.

III.

Отсутствіе сословнаго начала въ организаціи земскихъ учреждений. Таковое увѣреніе такъ же, какъ и предыдущее, покажется страннымъ по сопоставленію его съ господствующимъ убѣжденіемъ, что въ области земскихъ дѣлъ прибалтійскихъ губерній дворянскому сословию закономъ предоставлено полное верховенство сравнительно съ прочими сословіями. При ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, это послѣднее мнѣніе окажется далеко не вполнѣ правильнымъ. Какъ видно изъ вышеннеложенаго, въ приходяхъ, гдѣ главнѣйшимъ образомъ сосредотчивается земское хозяйство, законъ поставилъ условіемъ равенство голосовъ представителей мызной и крестьянской земли, такъ что тамъ о рѣшительномъ преобладаніи дворянства, при той весьма значительной самостоятельности крестьянскаго элемента, о которой упомянуто въ предыдущей главѣ, не можетъ быть и рѣчи. Но и въ губернскихъ, такъ называемыхъ дворянскихъ учрежденияхъ если и замѣчается преобладаніе дворянскаго сословія, то явле-

ніе это случайное, образовавшееся вслѣдствіе побочныхъ причинъ. Преобладаніе это не лежитъ, такъ сказать, въ корнѣ, въ основаніи земскаго устройства. Напротивъ, проникнувшее искусственнымъ путемъ, оно противно основнымъ началамъ земскаго и аграрнаго устройства Лифляндіи. Лифляндское земское право и основанное на немъ земское устройство совсемъ не признаетъ сословія. Оно знаетъ лишь землю. Земля, а не люди, пользуется представительствомъ въ лифляндскомъ земствѣ. Землѣ, а не людямъ, лифляндское земское право предоставляетъ тѣ или другія права. — Земля же въ Лифляндской губерніи, для предоставленія ей земскаго представительства, можетъ быть сформирована лишь въ двухъ типахъ хозяйственныхъ единицъ: дворянской вотчины (Rittergut) и крестьянской усадьбы (Bauergesinde). Разъ какъ земля не подходитъ ни къ тому, ни къ другому типу, разъ что она не совмѣщаетъ въ себѣ условій, требуемыхъ закономъ отъ дворянскихъ вотчинъ и крестьянскихъ усадебъ, никакимъ представительствомъ она въ земскихъ учрежденіяхъ пользоваться не можетъ, каково бы ни было положеніе и сословіе ея владѣльца.

Незнакомые съ духомъ лифляндскаго аграрнаго законодательства и подробностями внутренняго устройства страны очень часто, будучи не въ состояніи отрѣшиться отъ терминологіи и понятій, господствующихъ во внутреннихъ губерніяхъ, придаютъ терминамъ „мызная и крестьянская земля“ (Hofland und Bauerland) то же самое значеніе, которое имѣютъ термины: помѣщичья и крестьянская земля во внутреннихъ губерніяхъ. Въ этомъ смѣшеніи понятій кроется много недоразумѣній, вносящихъ величайшую путаницу въ толки о земскихъ учрежденіяхъ Лифляндской губерніи. Не распространяясь о специфическихъ свойствахъ помѣщичьей и крестьянской земли во внутреннихъ губерніяхъ (общинное пользованіе крестьянской земли и т. п.), совершенно чуждыхъ губерніямъ прибалтійскимъ, въ данномъ случаѣ слѣдуетъ установить характеристическія черты, отличающія мызную и крестьянскую землю въ Лифляндской губерніи.

Что такое лифляндская мызная земля или лучше сказать дворянская вотчина (Rittergut)? Это вовсе не есть участокъ земли, долженствующій непременно принадле-

жать дворянину, какъ многіе думаютъ. Нѣтъ, это есть такая земля, которая можетъ принадлежать дворянину, крестьянину, мѣщанину — безразлично, но которая по закону (ст. VI и VII крест. полож. 1860 г.) не можетъ быть сформирована въ хозяйственныя единицы меньшія 900 лофштелей (300 десятинъ), не считая водъ, болотъ и иныхъ неудобныхъ земель, и изъ коихъ по крайней мѣрѣ 300 лофштелей должны быть подъ пашней; причемъ при каждой вотчинѣ должно находиться соотвѣтствующее количество крестьянской земли. Ни одна изъ существующихъ дворянскихъ вотчинъ, гласитъ законъ, не можетъ быть раздробляема посредствомъ продажи или раздѣла далѣе размѣра, указаннаго выше, а потому всякій актъ, клонящійся къ отдѣленію какой-либо доли отъ дворянской вотчины, уже достигшей по пространству своему указаннаго наименьшаго размѣра, признается недѣйствительнымъ¹⁾. Сколько бы ни купило себѣ земли въ Лифляндіи то или другое лицо, земля эта не даетъ этому лицу представительства въ мѣстныхъ земскихъ учрежденіяхъ, пока она не будетъ зачислена установленнымъ порядкомъ въ дворянскія вотчины.

Если поставить такимъ же образомъ вопросъ: что такое лифляндская крестьянская земля? то мы увидимъ, что и крестьянская земля прибалтійскихъ губерній вовсе не то, что крестьянская земля губерній внутреннихъ. Между тѣмъ какъ въ послѣднихъ отличительная черта крестьянской земли заключается въ принадлежности ея непременно крестьянскому сословію и состояніи ея въ составѣ общиннаго владѣнія, свойства крестьянской земли въ прибалтійскихъ губерніяхъ опредѣляются ст. 221 крест. полож. 1860 г., на основаніи которой земля эта, такъ же какъ и земля мызная, безразлично, можетъ принадлежать лицу какого бы то ни было сословія, причемъ однако участокъ земли этой, одному лицу на правахъ полной и неограниченной собственности въ предѣлахъ одной и той же волости принадлежащій, не долженъ превышать одного гака. Размѣръ этотъ долженъ быть возстановленъ даже и въ томъ случаѣ, когда собственнику крестьянскаго участка достанется по наслѣдству въ той же самой

¹⁾ Ст. VIII крест. пол. 1860 года.

волости другое недвижимое имущество и вслѣдствіе того принадлежащая ему поземельная собственность превзойдетъ въ сложности указанную мѣру. Въ такомъ случаѣ собственникъ обязанъ продать въ теченіе двухъ лѣтъ излишекъ, образовавшійся противъ узаконеннаго крайняго высшаго размѣра. Съ другой стороны, на основаніи 114 ст. того же положенія, крестьянская земля ни въ какомъ случаѣ, ни для отдачи въ аренду, ни для продажи не можетъ быть раздробляема на участки менѣе $\frac{1}{8}$ доли гака. Засимъ, нѣтъ закона, возбраняющаго лицу какого бы то ни было сословія (также и дворянамъ) приобрѣтать въ свою собственность крестьянскую землю. При этомъ однако покушникъ, кто бы онъ ни былъ, обязанъ вступить въ волостной союзъ и подчиняться по владѣнію землею условіямъ, изложеннымъ выше, подобно тому какъ и крестьянинъ имѣетъ право купить дворянскую вотчину, которая съ переходомъ въ собственность крестьянина пользуется тѣми же правами и несетъ тѣ же обязанности, какъ еслибы она принадлежала дворянину.

Изъ всего вышеизложеннаго не трудно видѣть коренную разницу въ аграрномъ и земскомъ устройствѣ прибалтійскихъ и внутреннихъ губерній. Во внутреннихъ губерніяхъ сословныя права владѣльца опредѣляютъ характеръ и права земли, ему принадлежащей, а равно и право владѣльца на земское представительство. Въ прибалтійскихъ, на оборотъ, права землѣвладѣльца на это представительство опредѣляются характеромъ и правами земли ему принадлежащей. Сословными правами, если такъ можно выразиться, по отношенію къ земскому представительству пользуется такимъ образомъ въ Лифляндіи не землевладѣлецъ, а сама земля. Дворянинъ, купившій крестьянскую усадьбу, тѣмъ самымъ становится членомъ крестьянскаго общества. Крестьянинъ, купившій дворянскую вотчину, тѣмъ самымъ получаетъ право голоса на ландтагъ, считающемся дворянскимъ собраніемъ. Такимъ образомъ, мызная земля въ Лифляндской губерніи есть какъ бы воплощеніе принципа крупнаго землевладѣнія, а крестьянская земля представляется воплощеніемъ принципа мелкаго землевладѣнія. Но дворянскаго и крестьянскаго землевладѣнія въ значеніи внутреннихъ губерній въ прибалтійскомъ краѣ нѣтъ и по духу мѣстнаго аграрнаго законодатель-

ства и земскаго права быть не можетъ. Если же на практикѣ замѣчается, что крупное землевладѣніе перешло въ дворянскія руки и стало дворянскимъ землевладѣніемъ, а мелкое — крестьянскимъ, то явленіе это слѣдуетъ объяснить частью исторіей страны, а частью причинами политическими и во всякомъ случаѣ стоящими внѣ земскаго устройства. Пока Лифляндія принадлежала Швеціи, о захватѣ мѣстнымъ дворянствомъ землевладѣнія не могло быть и рѣчи. Не смотря на постоянныя и усиленныя домогательства лифляндскаго дворянства передъ шведскимъ правительствомъ о пріобрѣтеніи себѣ привилегіи исключительнаго владѣнія землями въ Лифляндіи, домогательства эти постоянно были отклоняемы, и во времена шведскаго правительства не только всѣмъ шведскимъ подданнымъ безразлично, но и рижскимъ бюргерамъ предоставлено было право безпрепятственно покупать имѣнія въ Лифляндіи¹⁾. Стѣсненіе дворянства въ его правахъ и притязаніяхъ на землевладѣніе, систематически проводимое шведскимъ правительствомъ за все время его управленія Лифляндіей, имѣло началомъ не политическія, а чисто соціальныя соображенія. Свидѣтельствомъ этому служитъ то обстоятельство, что всѣ эти мѣры прилагались не къ одному только лифляндскому, но едва ли не въ большей степени и къ дворянству шведскому. Еще задолго до покоренія шведами Лифляндіи три, кромѣ дворянскаго, сословія Швеціи: духовенство, городскіе обыватели и крестьянство, успѣли пріобрѣсти значительное вліяніе на правительство, сообщивъ его внутренней политикѣ демократическое направленіе. Подъ вліяніемъ этихъ идей въ Швеціи еще въ 1604 году²⁾ начались со стороны шведскаго правительства стѣсненія дворянскаго на шведской территоріи землевладѣнія. Только въ концѣ XVII столѣтія это демократическое направленіе перенесено было³⁾ и на покоренныя Швеціей страны, и между прочимъ на Лифляндію, гдѣ съ 1681 года приняты были самыя рѣ-

1) Грамата Густава Адольфа городу Ригѣ 25 сентября 1621 г. п. 26; королевская резолюція, данная г. Ригѣ 31 октября 1662 г. п. 4—6. Другія резолюціи того же года и числа на просительные пункты дворянства п. 18.

2) Постановленія норчепингскаго сейма 1604 г. п. 14.

3) Постановленія стокгольмскаго сейма 1681 года.

шительныя и крайнія въ этомъ направленіи мѣры, выразившіяся въ такъ называемой редукаціи, въ силу которой ⁵/₆ всѣхъ дворянскихъ имѣній должны были перейти въ казну, такъ какъ дворянство владѣло этими имѣніями не по вотчинному, а по ленному праву.

Система эта рѣзко перемѣнилась съ переходомъ Лифляндіи подъ владычество Россіи, которой демократическія доктрины въ то время были совершенно чужды. Еще Петромъ Великимъ были сдѣланы нѣкоторыя весьма значительныя уступки по вышеозначеннымъ домогательствамъ дворянства¹⁾. Съ каждымъ новымъ царствованіемъ уступки эти становились все болѣе и болѣе значительными. Въ особенности же большія привилегіи получило прибалтійское дворянство въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, незадолго до изданія перваго свода мѣстныхъ узаконеній для губерній остзейскихъ и одновременно съ окончательнымъ сформированіемъ корпоративнаго устройства кореннаго (матрикулованнаго) дворянства²⁾. Такъ, появился законъ, на основаніи котораго дворянскія вотчины не могли быть приобрѣтаемы лицами, не принадлежащими къ дворянскому сословію (ст. 1493 II ч. св. мѣстн. уз. губ. остз.). Мало того, на основаніи 876 ст. той же части даже потомственные дворяне, если они не записаны въ матрикулу, ограничивались въ правахъ собственности дворянскими вотчинами, потому что матрикулованнымъ дворянамъ предоставлялось право выкупать всякое поступившее къ незаписанному въ мѣстную матрикулу дворянину имѣніе въ теченіи одного года шести мѣсяцевъ и трехъ дней, считая со дня судебного объявленія о продажѣ онаго. Законъ этотъ отмѣненъ лишь въ 1866 году³⁾, менѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, причемъ нельзя не указать на тотъ весьма знаменательный фактъ, что отмѣна этого закона послѣдовало вслѣдствіе ходатайства лифляндскаго дворянства по постановленію ландтага 1866 года. Мудрено

1) Резолюція Императора Петра I 1 января 1712 г. (Полн. собр. зак. № 2496 пп. 9 и 10.)

2) Наибольшія привилегіи по землевладѣнію остзейское дворянство получило на основаніи Высочайше утвержденаго 1841 года іюня 20 доклада II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

3) См. Высочайшія повелѣнія 18 февраля 1866 г. (43031), 5 ноября 1866 г. (43817) и 30 мая 1869 г. (47152).

ли, что, при существованіи законовъ, подобныхъ выше-приведеннымъ, лифляндское крупное землевладѣніе стало дворянскимъ землевладѣніемъ, и стоитъ ли послѣ этого примѣра приводить еще множество другихъ примѣровъ такихъ дѣйствій правительства, которые клонились къ отождествленію крупнаго землевладѣнія съ землевладѣніемъ дворянскимъ.

IV.

Слѣдующимъ, весьма важнымъ преимуществомъ лифляндскаго земскаго устройства надлежитъ признать крайне ограниченное примѣненіе выборнаго начала въ организациіи земскихъ учрежденій. Члены главныхъ распорядительныхъ земскихъ собраній, а именно: приходскихъ конвентовъ и ландтаговъ, участвуютъ въ нихъ не по выбору, а по своему личному праву. Въ приходскихъ конвентахъ членами состоятъ всѣ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ и всѣ волостные старшины. Въ ландтагѣ — всѣ владѣльцы дворянскихъ вотчинъ. Таковой организациіи нельзя не приписать рѣшающаго значенія, и къ ней въ значительной степени слѣдуетъ отнести весьма удовлетворительное состояніе земскаго хозяйства въ Лифляндской губерніи.

Нерѣдко случается встрѣчаться съ мнѣніемъ, будто самоуправленіе и управленіе черезъ выборныхъ и уполномоченныхъ въ сущности одно и то же; но это едва ли справедливо. Самоуправленіе и управленіе черезъ выборныхъ суть вещи весьма различныя и иногда даже трудно совмѣстимыя. Весьма часто одно исключаетъ другое. Гдѣ общія дѣла повѣрены выборнымъ, тамъ далеко не всегда можно найти хозяйскаго отношенія къ общему дѣлу, а слѣдовательно трудно достигнуть и хорошаго самоуправления. Съ выборами на муниципальныя должности, а въ особенности на должности оплачиваемыя, всегда почти соединены искательства и интриги, на которыхъ обыкновенно основывается пріобрѣтеніе общей благосклонности — такъ называемой популярности. Но чѣмъ достойнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе одаренъ онъ свойствами искательства. Трудно ожидать какого-либо прока отъ учрежденія, которое допустить слишкомъ широкое, не вызываемое предѣлами крайней необходимости, развитіе

выборнаго начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и столь же широкое развитіе сопутствующаго ему искательства. Не только само учрежденіе подвергается тогда коренной и существенной порчѣ, — оно и вокругъ себя распространяеть заразу. Вообще сомнительно, можно ли назвать самоуправленіемъ такую систему, гдѣ органами его служатъ люди не въ силу своего хозяйскаго права, какъ въ Лифляндіи, а въ качествѣ делегатовъ и уполномоченныхъ. Исключенія изъ этого правила можно ожидать развѣ лишь въ средѣ особенно развитой, въ которой воспитаніемъ и культурой въ сильной степени развиты чувства патриотизма и преданности общему дѣлу.

Въ силу этихъ соображеній ограниченность выборовъ въ лифляндскомъ земскомъ устройствѣ слѣдуетъ признать большимъ для страны благодѣяніемъ и огромнымъ преимуществомъ, которое при будущемъ переустройствѣ земской части желательно по возможности сохранить. Конечно, при обширности губернной систему эту невозможно провести во всей чистотѣ. Часть должностей, въ особенности исполнительныхъ, неминуемо придется замѣщать посредствомъ выборовъ. И нынѣ въ Лифляндіи есть таковыя выборныя должности. Достаточно, если при проведеніи земской реформы участіе въ общемъ управленіи земскими дѣлами по личному праву будетъ принято за правило, а управленіе черезъ выборныхъ — какъ исключеніе, подобно тому, какъ это имѣетъ нынѣ мѣсто въ Лифляндіи.

V.

Вышеизложенное преимущество лифляндской земской организаціи еще усиливается другимъ непосредственно изъ перваго вытекающимъ, а именно существованіемъ правила, въ силу котораго большинство земскихъ органовъ никакого содержанія не получаютъ, а служатъ земству даромъ. Не говоря уже о членахъ конвентовъ и ландтага, содержанія не получаютъ ни приходскіе, ни церковныя попечители, ни члены главныхъ церковныхъ попечительствъ, ни ландраты, ни уѣздные депутаты, на которыхъ очередной ландратъ возлагаетъ иногда весьма сложныя порученія по земскому дѣлу. Такимъ образомъ земская организація въ Лифляндіи не стоитъ земской кассѣ ни копѣйки. Лишь губернское земское управленіе,

а именно: очередной ландратъ и его обширная канцелярія, въ которой ведутся поземельныя книги, окладныя листы, дорожныя карты съ оцѣнкой всеѣхъ дорогъ и т. д., т. е. вся въ высшей степени сложная земская статистика, а равно и управление почтовыми станціями, содержатся на деньги, причѣмъ однако содержаніе ландрата и его канцеляріи относится не на земскій, а на дворянскій счетъ. Эта сторона лифляндскаго земскаго устройства составляетъ весьма важное достоинство существующей земской организаціи. Только при существованіи системы бесплатной службы въ земскихъ учрежденіяхъ возможно экономное веденіе хозяйства. Въ Лифляндіи къ земскому дѣлу, въ особенности въ приходскихъ учрежденіяхъ, привлекаются сотни дѣятелей изъ числа лицъ, живущихъ на мѣстѣ, личный интересъ которыхъ непосредственно и тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ благосостояніемъ земской единицы. Самое дѣло организовано приэтомъ такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ, живя въ своемъ имѣніи, занимаясь собственнымъ хозяйствомъ, не нарушая слѣдовательно своихъ личныхъ интересовъ, всегда имѣетъ возможность употребить на земскую службу нѣсколько часовъ въ недѣлю. При большомъ числѣ лицъ, привлеченныхъ къ земской дѣятельности, при сильномъ общеніи ихъ между собою, поддерживаемомъ конвентами, въ суммѣ составляетъ огромная масса въ высшей степени плодотворнаго труда, который земству ничего не стоитъ. Въ Лифляндіи, совершенно правильно, жалованіе получаютъ такія только участвующія въ общественномъ управленіи лица, которыя по причинѣ сложности и множества занятій по этому управленію совершенно лишены возможности заниматься собственными своими дѣлами. Система эта, при которой успѣхъ земской дѣятельности основанъ на числѣ дѣятелей, которыхъ можетъ выставить само земство (при высококомъ уровнѣ образованія лифляндскихъ землевладѣльцевъ число это весьма велико), — на каковое число не можетъ рассчитывать правительство, платящее жалованіе каждому служащему, — и есть система наиболѣе подходящая и едва ли не единственно возможная для правильнаго веденія земскаго дѣла. При существующихъ экономическихъ условіяхъ нашихъ земствъ, расходы, необходимые для содержанія наемной земской администраціи,

слишкомъ обременительны для ихъ бюджетовъ. Основанное на дѣятельности выборно-платныхъ чиновниковъ управленіе земскимъ хозяйствомъ никогда не будетъ настоящимъ земскимъ управленіемъ. Лучше вовсе не устраивать земства, нежели устраивать земство съ такимъ бюрократическимъ характеромъ. Разъ что успѣхъ дѣла обезпечивается не непосредственною связью между интересами исполнительныхъ органовъ и интересами самого земства, а размѣромъ содержанія, получаемого этими органами, нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы чиновники, содержаемые земствомъ, вели дѣло лучше, нежели чиновники, содержаемые правительствомъ, только потому, что первые получаютъ содержаніе изъ земскаго сундука, а послѣдніе — изъ казеннаго. Очевидно, что засимъ вся разность между этими двумя родами исполнителей будетъ лишь въ способѣ ихъ назначенія. Въ предыдущемъ параграфѣ указано, какія вредныя послѣдствія неминуемо поведетъ за собой широкое развитіе выборнаго начала, въ особенности при существованіи оплачиваемыхъ должностей, и если при такихъ условіяхъ поставить вопросъ, — какіе чиновники представляютъ больше гарантій въ своей благонадежности, выборные или назначаемые отъ правительства, — то едва ли не слѣдуетъ признать, что при сильномъ, самостоятельномъ, независящемъ отъ политическихъ партій правительствѣ въ большей части случаевъ преимущества въ этомъ отношеніи останутся за правительственными чиновниками, какъ зависящими отъ одной правительственной воли, а не отъ цѣлой массы вліяній, коими обусловливаются всякіе выборы. Въ Лифляндской губерніи, при существующей организаціи земскихъ учреждений, успѣхъ земской дѣятельности основано не на размѣрѣ содержанія, получаемого исполнительными органами, а на той непосредственной связи, которая существуетъ между личными интересами исполнителей и интересами земства. Эта связь представляетъ, конечно, несравненно больше гарантій для благосостоянія земства, чѣмъ размѣръ содержанія, уплачиваемого изъ земской кассы.

VI.

Наконецъ, послѣднимъ и притомъ наиболѣе заслуживающимъ вниманія преимуществомъ лифляндскаго зем-

скаго устройства слѣдуетъ считать удачный выборъ земской территоріальной единицы (приходъ). Въ этомъ выборѣ заключается одно изъ главнѣйшихъ различій въ формахъ организаціи лифляндскаго земства и земства внутреннихъ губерній, гдѣ таковой единицей является уѣздъ. Въ выборѣ этомъ нельзя въ то же время не видѣть наиболѣе существенной причины процвѣтанія земства въ Лифляндской губерніи и вѣрнѣйшаго залога дальнѣйшаго его преуспѣянія. Всѣ вышеизложенныя достоинства системы земскихъ учреждений Лифляндской губерніи находятся въ тѣснѣйшей связи съ размѣромъ существующей земской единицы. При всякомъ другомъ размѣрѣ они едва ли достижимы.

Во внутреннихъ губерніяхъ уѣздъ сталъ земской единицей совершенно случайно. Въ эпоху введенія земскихъ учреждений въ Россіи существовали земскія повинности, но онѣ взымались преимущественно для удовлетворенія потребностей, признаваемыхъ правительствомъ государственными, очень мало касаясь прямыхъ надобностей населенія. Было организовано управленіе и земскими повинностями, посредствомъ особаго съ правительственнымъ характеромъ органа, но управленія земскимъ хозяйствомъ не было, потому что не было самого земскаго хозяйства. Такимъ образомъ, когда въ шестидесятыхъ годахъ правительство рѣшило ввести земскія учрежденія съ предоставленіемъ имъ обязанностей самимъ заботиться о нуждахъ населенія, готовой земской единицы въ наличности не оказалось, почему правительство и принуждено было приурочить ее къ существовавшей административной и полицейской единицѣ — уѣзду, случайно такимъ образомъ принявшему роль единицы земской.

Въ Лифляндской губерніи видимъ совершенно иное. Здѣсь искони земская жизнь предоставлена была естественному своему развитію. Здѣсь никогда она не нарушалась какими-либо внѣшними насильственными вліяніями и вмѣшательствами. Въ то же время, вслѣдствіе историческихъ условій, о которыхъ упомянуто выше, нашла она почву весьма благоприятную для своего развитія, и задолго до образованія сколько-нибудь твердыхъ административныхъ и полицейскихъ единицъ самую силу вещей образовалась земская единица — приходъ. Но и помимо

условія происхожденія земскихъ единицъ въ Лифляндіи, представляющихъ немаловажное ручательство въ раціональности земско-приходскаго устройства, какъ явленія историческаго, превосходство таковаго устройства замѣчается при ближайшемъ разсмотрѣніи всѣхъ почти подробностей дѣятельности его органовъ.

Имѣя въ своихъ рукахъ компетенціи по всѣмъ отраслямъ земскаго управления, приходское управленіе вѣдаетъ лишь небольшую по пространству территорію (средній размѣръ прихода около тридцати тысячъ десятинъ и около восьми тысячъ жителей), и потому управленіе это находится въ наиболѣе непосредственной связи съ населеніемъ, зная потребности котораго, органы приходскаго управления являются и вѣрнѣйшими его представителями. Въ приходскихъ конвентахъ каждый членъ конвента видитъ причины, вызвавшія ту или другую раскладку, и пользу, которую тотъ или другой расходъ приноситъ. Каждый членъ таковаго собранія имѣетъ возможность съ полной сознательностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла рѣшить вопросъ о томъ, нужно ли или не нужно и какъ нужно ремонтировать то или другое приходское зданіе, тотъ или другой приходскій мостъ, рѣшить вопросъ о наймѣ повивальной бабки, фельдшера, письмоносца и всѣ вообще тому подобныя мелочи (*intérêts du clocher*), которыя, наиболѣе затрагивая интересы населенія, въ дѣйствительности и составляютъ существо земскаго хозяйства. Всѣ вышеозначенныя условія дѣятельности приходскаго управленія особенно благоприятствуютъ развитію въ обществѣ способности къ самообложенію, каковое качество слѣдуетъ считать наиболѣе драгоценнымъ и наиболѣе трудно достигаемымъ. — Только при столь маломъ размѣрѣ земской единицы земскія учрежденія, сильно заинтересованныя въ удовлетвореніи потребностей, вызвавшихъ расходъ, относятся къ нему сочувственно. Только при такомъ размѣрѣ земской единицы выработанныя земствомъ положенія по школьному, дорожному, врачебному и т. п. дѣламъ получаютъ ту жизненность, которая способствуетъ дѣйствительному преуспѣянію страны. Къ удовлетворенію, состоящихъ исключительно изъ мелочей, земскихъ потребностей естественнымъ образомъ привлекаются тысячи дѣятелей, исполняющихъ эту мелочную, кропотливую, скучную работу,

съ тѣмъ интересомъ и напряженіемъ, которые свойственны людямъ, самостоятельно работающимъ свое личное дѣло, работающимъ на самихъ себя. Именно этой, какъ бы муравьиной работѣ слѣдуетъ приписать плодотворность дѣятельности земскихъ учреждений Лифляндской губерніи и удовлетворительное состояніе большаго числа отраслей земскаго хозяйства.

Не то оказывается въ губерніяхъ, имѣющихъ уѣздную земскую организацію. Вслѣдствіе обширности такой земской единицы, обыденныя нужды каждой мѣстности уѣзда не могутъ быть хорошо знакомы всѣмъ гласнымъ, которые естественно относятся къ нимъ часто крайне равнодушно. Въ особенности нельзя требовать участливаго отношенія къ этимъ нуждамъ со стороны гласныхъ-крестьянъ. Будучи въ состояніи очень хорошо дѣйствовать въ той сферѣ, подробности которой они ощущаютъ непосредственно, по малому образованію своему крестьяне не въ состояніи составить себѣ правильнаго понятія о нуждахъ мѣстности, лежащей въ 60—80 и больше верстахъ отъ ихъ мѣста жительства, въ такой мѣстности, однимъ словомъ, гдѣ они никогда не бывали. Во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ уѣздныя земства существуютъ около 30 лѣтъ, уѣздная организація мало нашла себѣ популярности. Много разъ въ литературѣ нашей появлялись заявленія о необходимости учрежденія болѣе мелкихъ земскихъ единицъ, напр. всесловныхъ волостей, которыя въ сущности были бы ничто иное какъ лифляндскій земскій приходъ. Заявленія эти прямо указываютъ на то, что тамъ земская единица слишкомъ крупна, что тамъ земскіе дѣятели поставлены слишкомъ далеко отъ всѣхъ мелочей обыденной жизни страны. Не въ этомъ ли отдаленіи отъ мѣстныхъ нуждъ населенія слѣдуетъ искать причины довольно часто появлявшихся нареканий на наши земскія собранія, заключающихся въ томъ, что собранія эти иногда обращаются въ какіе-то парламенты — говорильни, гдѣ вмѣсто того, чтобы заботиться объ удовлетвореніи прямыхъ потребностей земской жизни, обсуждаются различные вопросы, не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ земскимъ нуждамъ. Несостоятельность уѣздныхъ земскихъ учреждений еще недавно высказалась во время постигнувшаго внутреннія губерніи послѣдняго неурожая. Когда при-

шлось кормить многочисленное голодающее население и заботиться объ организованіи для нихъ запасовъ, въ высшей степени почувствовалась потребность мелкихъ хозяйственныхъ единицъ, которыя непосредственно завѣдывали бы удовлетвореніемъ нуждъ населенія. Потребность эта вызвала въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сознаніе о необходимости въ моментъ бѣдствія импровизировать такія мелкія единицы въ видѣ волостныхъ попечительствъ, причемъ попечители назначались уѣздными земскими собраніями изъ числа гласныхъ, а когда оказалось, что число гласныхъ не соотвѣтствуетъ числу требующихся попечителей, то изъ числа постороннихъ лицъ, иногда даже и не владѣвшихъ лично землей, но по роду своихъ занятій стоявшихъ болѣе близко къ крестьянству, напр. управляющихъ имѣніями и т. д. Вслѣдствіе необходимости произвести эту реорганизацію въ разгарѣ дѣла, очевидно, новая организація не могла быть вполне удачной. Тѣмъ не менѣе дѣятельность даже этихъ далеко несовершенныхъ органовъ оказалась настолько полезной, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ установилось убѣжденіе въ необходимости сохраненія этихъ попечительствъ навсегда, ибо только такія мелкія хозяйственныя единицы могутъ хорошо и дешево завѣдывать многоразличными отраслями земскаго хозяйства, какъ то: попеченіемъ о народномъ продовольствіи, попеченіемъ о неимущихъ, о народномъ здравіи, о постройкѣ и ремонтѣ дорогъ и т. п.

Существованіе приходской организаціи въ Лифляндской губерніи слѣдуетъ считать причиной, почему въ губерніи этой при удовлетвореніи земскихъ потребностей до настоящаго времени имѣютъ столь большое примѣненіе натуральныя повинности, каковыя, обратно, примѣняются весьма рѣдко въ земскомъ хозяйствѣ внутреннихъ губерній, гдѣ земства перешли по большей части на повинности денежныя, крайне невыгодныя для страны съ весьма незначительнымъ денежнымъ обращеніемъ, каковой слѣдуетъ признать Россію. Въ Лифляндіи до настоящаго времени большая часть приходскихъ повинностей — натуральныя. Не говоря о дорожной повинности, которая, заключааясь въ содержаніи 11,000 верстъ искусственныхъ дорогъ, въ сущности представляетъ огромную хозяйственную операцію, — на натуральныя повинности въ значи-

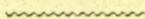
тельной степени отнесена постройка и содержаніе многочисленныхъ земскихъ зданій, какъ то: пасторатовъ, приходскихъ школъ, докторатовъ (лечебный пунктъ), почтовыхъ станцій и т. д. Большая часть этихъ зданій до настоящаго времени строится и ремонтируется на основаніи ст. 519 крест. пол. 1849 и ст. 550 крест. пол. 1860 г., въ силу коихъ помѣщики обязаны ставить весь матеріаль, а крестьяне ставятъ рабочихъ. Такимъ образомъ, и матеріаль и работу земство получаетъ по настоящей, дѣйствительно въ данную минуту существующей въ губерніи цѣнѣ, не приплачивая комиссіонныхъ расходовъ, расходовъ на рискъ по операціи и т. п., каковыми постоянно сопровождаются подобныя операціи при исполненіи ихъ на деньги, т. е. подряднымъ способомъ. Чтобы убѣдиться, какой огромный расчетъ составляетъ примѣненіе натуральной повинности вмѣсто денежной, достаточно обратить вниманіе на дорожную повинность. Для ежегоднаго ремонта 11,000 верстъ лифляндскихъ дорогъ, каковой ремонтъ производится помощью подсыпки на полотно дороги гранта два раза въ годъ, очищенія канавъ и выравниванія колеи, требуется по приблизительному, самому умѣренному расчету 380,000 конныхъ и 660,000 пѣшихъ рабочихъ дней. При переводѣ этой повинности на денежную, полагая минимальную цѣну рабочему дню: конному 60, а пѣшему 30 копѣекъ — стоимость этой повинности, не считая исправленія мостовъ, выразится огромною суммою въ слишкомъ 400,000 руб., уплата которой наличными деньгами была бы непосильна крестьянамъ. Между тѣмъ, натурою дорожная повинность выполняется сравнительно легко, потому что исправленіе дорогъ по существующему положенію производится въ такой періодъ времени, когда рабочія лошади крестьянъ стоятъ безъ дѣла, когда конный рабочий день крестьянина ему самому почти ничего не стоитъ.

То же самое явленіе наблюдается и при исполненіи строительной повинности по постройкѣ и ремонту пасторатовъ, докторатовъ, школъ и прочихъ многочисленныхъ приходскихъ зданій. Здѣсь также матеріалы эти, поставляемые вотчинникомъ въ настоящей, дѣйствительной цѣнѣ ихъ, подвозятся въ такой періодъ времени, когда подвода крестьянину ничего не стоитъ. И работу, и матеріаль

земство получаетъ такимъ образомъ по настоящей, минимальной и притомъ совершенно безобидной для поставщиковъ цѣнѣ. Практика натуральныхъ повинностей до такой степени вкоренилась въ Лифляндской губерніи, что, помимо различныхъ сооружений, натуральныя повинности въ большомъ размѣрѣ примѣняются и къ удовлетворенію другихъ земскихъ потребностей, напр. къ отопленію земскихъ зданій и даже къ уплатѣ содержанія лицамъ, по земству служащимъ, напр. пасторамъ, кистерамъ, приходскимъ учителямъ, приходскимъ врачамъ и т. д. Лица эти, кромѣ денежнаго содержанія, получаютъ содержаніе или, какъ его называютъ въ Лифляндіи, „депутатъ“ — различными припасами, какъ то: хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ, соломой, дровами и пр., причемъ пропорціонально количеству ставимыхъ припасовъ уменьшается денежное содержаніе. Приэтомъ точно такъ же получается выгода какъ для служащихъ лицъ, приобретающихъ эти необходимыя для нихъ припасы, которые они все равно должны были купить по настоящей минимальной цѣнѣ, такъ и для плательщиковъ, которые, избавляясь отъ денежныхъ уплатъ, по совершенно безобидной для себя цѣнѣ отдають произведенія своего хозяйства. Система натуральныхъ повинностей представляетъ такимъ образомъ огромную экономію для земства.

Не трудно убѣдиться, что этотъ способъ отбыванія повинностей можетъ найти столь широкое примѣненіе, какое онъ имѣетъ въ Лифляндіи, лишь при мелкихъ земскихъ единицахъ. Можно построить вышесказаннымъ способомъ приходскій, напр., докторатъ, когда поставщики матеріала и работы живутъ на небольшомъ отъ него разстояніи, но едва ли возможно, безъ нарушенія справедливости въ обложеніи, примѣнить этотъ способъ къ узднымъ земскимъ постройкамъ. Поставка столь тяжелыхъ матеріаловъ, какъ матеріалы строительныя, а равно и сельскихъ припасовъ (хлѣба, овса, сѣна, дровъ и пр.), будучи вовсе не обременительна для крестьянъ, когда она производится на малыхъ разстояніяхъ, въ предѣлахъ прихода, станетъ для нихъ невыгодной, если эти матеріалы нужно доставить на разстояніи 60—80 верстъ, когда хозяину приходится отпускать подводу съ рабочими изъ дома на 2 или на 3 дня, оставляя ее безъ всякаго призора.

Опытъ Лифляндской губерніи неоднократно доказывалъ справедливость такого предположенія. Примѣромъ тому можетъ служить, между прочимъ, 1892 годъ, когда по поводу появленія въ губерніи холерной эпидеміи поднятъ былъ вопросъ объ усиленіи института приходскихъ врачей и докторатовъ. Всѣ безъ исключенія земскіе органы высказались за постройку докторатовъ, на основаніи 519 ст. крест. пол. 1819 г. Относительно же почтовыхъ станцій, которыя расположены не въ каждомъ приходѣ, а напротивъ разсѣяны по приходамъ крайне неравномѣрно, наблюдается обратное явленіе. Здѣсь ясно замѣчается стремленіе превратить искони отправляемую натуральнымъ порядкомъ строительную и фуражную повинность на деньги, что по всей вѣроятности въ самомъ скоромъ времени и будетъ выполнено. При крупныхъ земскихъ единицахъ примѣненіе натуральныхъ повинностей невыгодно уже потому, что раскладка ихъ представляетъ огромныя затрудненія, ибо при этомъ приходится принимать въ соображеніе разстоянія, свойства дорогъ и прочіе факторы, трудно поддающіеся точной оцѣнкѣ, каковая между тѣмъ необходима для производства справедливой раскладки повинности между плательщиками.

Глава III.

Недостатки существующаго земскаго устройства. Нераціональность системы обложенія земель. Способъ оцѣнки земли по шведской системѣ на талеры. Привилегированность мызныхъ земель въ отношеніи отбыванія земскихъ повинностей. Двойственность органовъ губернскаго земскаго обложенія. Существованіе двухъ земскихъ кассъ. Почтовая касса. Существованіе церковныхъ повинностей какъ повинностей земскихъ. Неопредѣленность и неполнота законодательства, устанавливающаго организацію земскихъ учреждений. Роль губернскаго правленія. Неправильность состава дворянскаго конвента. Отсутствіе на ландтагѣ представителей мелкаго землевладѣнія.

Изложивъ въ предыдущей главѣ достоинства существующаго земскаго устройства Лифляндской губерніи, необходимо обратиться къ изслѣдованію и его недостатковъ, насколько они выяснились практикой управленія губерніей за послѣдніе годы, т. е. за тотъ періодъ времени, когда управленіе прибалтійскимъ краемъ было кореннымъ образомъ переформировано, когда отстранены были незаконныя вліянія мѣстныхъ элементовъ на ходъ управленія земскими дѣлами, и теченіе этихъ дѣлъ предоставлено было исторически выработавшемуся земскому законодательству подъ сильнѣйшимъ контролемъ правительственной власти. Таковыхъ недостатковъ также не мало, причѣмъ въ числѣ ихъ есть настолько важныя, что существованіе ихъ парализуетъ почти всѣ хорошія стороны настоящаго земскаго устройства Лифляндской губерніи, поставляя непреодолимыя преграды къ дальнѣйшему развитію благосостоянія страны.

Критическій разборъ этихъ недостатковъ долженъ составить существеннѣйшую часть настоящаго изслѣдованія, ибо устраненіе ихъ въ дѣйствительности и составляетъ главную, едва ли не единственную задачу при переформированіи прибалтійскаго земскаго устройства.

Недостатки эти слѣдующіе:

I.

Неправильность системы обложения земли. Падающіе на землю земскіе сборы въ Лифляндской губерніи взимались до сихъ поръ лишь съ культурной земли, оцѣниваемой по старинной шведской системѣ, выработанной еще въ XVII столѣтіи. Оцѣнка всей земли приведена къ одной единицѣ — „талеру“, т. е. такому количеству земли, которое по обработкѣ даетъ чистой прибыли, за выключеніемъ сѣмянъ, прокормленія рабочихъ, уплаты публичныхъ повинностей и т. п., одну бочку ржи¹⁾. Критеріумомъ земельной оцѣнки служатъ такимъ образомъ одни лишь геологическія свойства земли. Лучшая земля, дающая большій урожай, оцѣнена дороже, худшая — дешевле. Въ старинныя времена, когда не было путей сообщенія, когда не было организованной торговли хлѣбомъ и доходъ съ земли служилъ непосредственно для прокормленія населенія, система эта была совершенно правильной, такъ какъ лишь одна хлѣбородность земли опредѣляла ея доходность, а слѣдовательно и цѣнность. Но въ настоящее время, съ усовершенствованіемъ путей сообщенія, съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, съ развитіемъ хлѣбной торговли, свойства почвы имѣютъ иногда меньшее значеніе въ смыслѣ цѣнности земли, нежели другія условія, какъ то: большая или меньшая близость ея къ большимъ торговымъ центрамъ, большая или меньшая близость къ желѣзнодорожной станціи и т. п. Въ прежнее время талеръ земли по всей губерніи имѣлъ одинаковую цѣнность. Нынѣ, если прослѣдить покупныя цѣны на землю, то легко убѣдиться, что иногда талеръ земли продается по 150 руб., а иногда по 300—400 и даже 600 рублей. Сѣнокосы и перелогі, при помощи перевода цѣнъ собираемаго съ нихъ сѣна на цѣны ржанья, также оцѣнены на талеры; но выгоны, лѣса, рыбныя ловли и тому подобныя угодыя оцѣнкѣ не подвергались, да при существующей системѣ и оцѣнены быть не могутъ, потому что ни одного фунта ржи произвести они не въ состояніи. За невозможностью оцѣнить ихъ по существующей въ Лифляндіи талерной системѣ оцѣнки, угодыя эти вовсе не оцѣнивались и вслѣдствіе того никакими земскими сборами не облагались и до на-

¹⁾ По старинной шведской мѣрѣ бочка ржи равнялась двумъ лофамъ, составляя приблизительно $\frac{2}{3}$ четверти ржи.

стоящаго времени не облагаются. Точно такъ же по существующей системѣ нельзя оцѣнить и другія дающія иногда весьма большой доходъ владѣльцу недвижимости. Большой и богатый заводъ, напримѣръ, или фабрика, или другой какой-либо центръ, около котораго случайно образовалось болѣе или менѣе многолюдное поселеніе, несомнѣнно въ значительной степени возвышаетъ доходность земли, на которой поселеніе это построено. Между тѣмъ, дорогая земля эта никакихъ повинностей не платитъ, потому что на талеры ее оцѣнить нельзя. Напротивъ, земля эта является источникомъ разоренія для земской кассы, ибо съ усиленіемъ населенія въ такихъ пунктахъ требуется со стороны земства увеличеніе расходовъ, какъ то: постройка новыхъ дорогъ, усиленный ремонтъ ихъ, усиленіе полиціи и т. п. Это же замѣчаніе въ равной степени относится къ подгороднымъ землямъ, за которыя платятся самыя высокія аренды; но такъ какъ земли эти обращаются обыкновенно подъ постройки, а не подъ пашни, то и онѣ оцѣнкѣ подлежать не могутъ, а потому освобождаются отъ земскихъ сборовъ. Наиболѣе разительнымъ, безъ выбора взятымъ изъ многихъ другихъ, примѣромъ въ высшей степени несправедливаго освобожденія отъ обложенія земскими повинностями весьма доходныхъ недвижимостей можетъ служить, пользующееся большой извѣстностью во всей Россіи, расположенное въ Рижскомъ уѣздѣ такъ называемое рижское взморье, куда каждымъ лѣтомъ стекаются десятки тысячъ дачниковъ. На протяженіи слишкомъ 14 верстъ морскаго берега, взморье сплошь застроено дачами, дающими весьма значительный доходъ ихъ владѣльцамъ, такъ какъ нѣкоторыя дачи стоятъ по 40, 50 и 60 тысячъ рублей. Тѣмъ не менѣе владѣльцы земель и недвижимостей рижскаго взморья въ земскую кассу не платятъ ни копѣйки. При шведской системѣ оцѣнки земель, въ обложеніи ихъ является, такимъ образомъ, величайшая несправедливость, ибо такія дорогія угодыя, какъ лѣса на сплавленныхъ рѣкахъ, случайныя поселенія и т. п., ускользаютъ отъ обложенія, и всю тяжесть земскихъ повинностей несетъ исключительно культурная земля. Въ Лифляндской губерніи, слѣдовательно, земскими сборами обложена не столько земля, сколько земледѣліе. Въ провинціи, принадлежащей земледѣльческому русскому государству,

такая система обложения исключительно земледельческаго труда должна быть признана совершенно нераціональной и крайне невыгодной въ экономическомъ отношеніи. Не-сообразность таковой системы обложения станетъ еще очевиднѣе, если принять въ соображеніе, что хотя всѣ земли Лифляндской губерніи и оцѣнены по шведской системѣ, но оцѣнка эта производилась разновременно и притомъ съ большими промежутками времени, такъ что нѣкоторыя имѣнія оцѣнены еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Съ теченіемъ времени, въ данномъ имѣніи, когда-либо оцѣненномъ, угоды перемѣняются свой видъ, неудобныя земли распахиваются и превращаются въ культурную землю, и дѣйствительное число талеровъ въ имѣніи значительно увеличивается противъ обозначеннаго въ земскомъ спискѣ. Но такъ какъ переоцѣнка производится на счетъ владѣльца, такъ какъ она вообще весьма часто для него невыгодна въ томъ отношеніи, что съ увеличеніемъ числа талеровъ ему приходится платить больше земскихъ сборовъ, то безъ особенной надобности (напримѣръ, для продажи имѣнія или для залога его въ кредитное общество) никто къ переоцѣнкѣ своей земли не приступаетъ. Въ то же время не существуетъ закона, который бы обязывалъ владѣльца въ извѣстные сроки переоцѣнивать свое имѣніе, а вслѣдствіе этого постоянно бывають случаи, что, по одному и тому же земскому списку, большее и болѣе доходное, но ранѣе оцѣненное имѣніе заключаетъ въ себѣ меньшее число талеровъ, нежели другое, хотя и менѣе доходное, но оцѣненное позже. Отсутствіе обязательной періодической переоцѣнки земель въ особенности ощутительно относительно казенныхъ имѣній, которыя оцѣнены были лишь одинъ разъ, именно въ 1832 году, и съ тѣхъ поръ никогда не переоцѣнивались. Съ 1832 года въ хозяйствѣ имѣній этихъ произошли существенныя перемѣны, и вакенбухъ 1832 года такого имѣнія иногда вовсе не даетъ понятія о количествѣ культурной земли, существующей тамъ нынѣ; тѣмъ не менѣе, за невозможностью произвести переоцѣнку таковыхъ имѣній, они платятъ земскія повинности по оцѣнкѣ 1832 года, между тѣмъ какъ значительная часть прочихъ (частныхъ) имѣній облагаются сборами по позднѣйшимъ спискамъ 1878, 1881 и 1891 годовъ. Всѣ натуральныя повинности въ губерніи и по-

нынѣ раскладываются по списку 1832 г.; а принимая въ соображеніе, что, согласно вышесказанному, большая часть земскихъ повинностей, отправляемыхъ Лифляндской губерніей — натуральныя, оказывается, что въ настоящее время главнымъ основаніемъ для раскладки земскихъ повинностей въ губерніи принята оцѣнка, произведенная въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что производство оцѣнки земли по шведской системѣ обходится весьма дорого; ибо стоимость этой операціи зависитъ отъ наличности свободныхъ техническихъ землемѣрныхъ силъ въ губерніи. Принимая въ соображеніе, что оцѣнка эта обыкновенно обходится отъ 45 до 60 коп. съ десятины, едва ли не слѣдуетъ признать ее наиболѣе дорогою изъ всѣхъ существующихъ способовъ оцѣнки.

II.

Несправедливость въ системѣ раскладки земскихъ повинностей значительно усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что, вслѣдствіе эгоистическаго стремленія дворянства, владѣвшаго крупной земельной собственностью, влияние котораго на законодательную власть было въ прежнее время весьма сильно, нарушилась равномѣрность въ производствѣ раскладки земскихъ повинностей между мызной и крестьянской землей и въ область ихъ отправленія проникла привилегія, въ силу которой значительная часть земли стала свободной отъ земскихъ повинностей. Этотъ второй недостатокъ, который слѣдуетъ признать едва ли не самымъ существеннымъ, коренится вовсе не въ лифляндскомъ земскомъ правѣ, не въ старинномъ аграрномъ законодательствѣ, зорко слѣдившемъ за охраненіемъ правъ крестьянскаго сословія, а въ причинахъ случайныхъ: въ уступчивости правительства давленіямъ мѣстныхъ правящихъ классовъ, а главное — въ недостаточномъ знакомствѣ законодательныхъ органовъ съ условіями мѣстной аграрной жизни. Привилегированность земель по отношенію къ отправленію земскихъ повинностей появилась въ Лифляндіи сравнительно очень недавно. Въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ и даже на островѣ Эзелѣ, — основы земскаго устройства которыхъ весьма сходны съ таковыми же основами, существующими для губерніи

Лифляндской — никогда не было и до сихъ поръ нѣтъ привилегированныхъ земель.

Для выясненія, какимъ образомъ въ Лифляндіи появилась эта привилегія, необходимо обратиться къ исторіи ея аграрнаго законодательства. Въ прежнія времена не было сколько-нибудь рѣзкаго раздѣленія между повинностями государственными, земскими и общественными. Всѣ онѣ смѣшивались между собой подъ общимъ названіемъ повинностей публичныхъ¹⁾, разумѣя подъ словомъ этимъ всѣ повинности, возлагаемыя на населеніе правительственной властью, т. е. или общимъ государственнымъ закономъ или мѣстными узаконеніями. Такъ какъ первоначально, еще во времена шведскаго владычества, количество крестьянской земли въ каждомъ имѣніи опредѣлено было въ зависимости отъ численности принадлежащаго къ имѣнію крестьянскаго населенія, то безземельныхъ крестьянъ въ то время почти не было, почему не могло и существовать разности между подушнымъ и поземельнымъ обложеніемъ. Всѣ публичныя повинности и даже тѣ, которыя нынѣ принято называть волостными, налагались такимъ образомъ въ дѣйствительности на землю. Ограничиваясь самыми необходимыми потребностями, повинности эти были исключительно натуральныя и приводились къ тому или другому числу конныхъ или пѣшихъ рабочихъ дней или къ доставленію тѣхъ или другихъ матеріаловъ и припасовъ, производимыхъ землей. Денежныхъ публичныхъ повинностей въ то время никакихъ не было. При такомъ способѣ отправления земскихъ повинностей, очевидно, отправлять ихъ могли исключительно населенныя или, другими словами, крестьянскія земли. Мызныя же земли, какъ ненаселенныя и обрабатываемыя или барщиной или крѣпостными кнехтами, никакихъ публичныхъ повинностей нести не могли. Поэтому цѣнность имѣнія и размѣръ уплачиваемыхъ съ него повинностей опредѣля-

1) По формѣ вакенбуха¹⁾, приложенной къ крестьянскому положенію 1804 года, таковыми повинностями признавались: поставка рекрутъ, подушная подать, исправленіе дорогъ, поставка подводъ, препровожденіе арестантовъ, поставка матеріаловъ и рабочихъ для постройки и ремонта приходскихъ и вообще земскихъ зданій, поставка фуража и дровъ на почтовые станціи, повинности въ пользу пасторовъ и священно-служителей лютеранской церкви, повинности въ пользу школьнаго учителя и содержаніе общественнаго магазина.

лись исключительно количеством крестьянской земли, находящейся въ имѣніи. Такъ какъ вся земля, какъ мызная, такъ и крестьянская, принадлежала помѣщику, ибо сами крестьяне были крѣпостные, то податной единицей являлась дворянская вотчина, т. е. совокупность мызныхъ и крестьянскихъ земель, каковой единицей, по закону, она продолжаетъ считаться и по настоящее время¹⁾. При такихъ условіяхъ, въ регулированіи раскладки повинностей между мызной и крестьянской землей даннаго имѣнія не было никакой надобности. Повинности, строго говоря, отправлялъ одинъ помѣщикъ, который ставилъ какъ всѣ матеріалы, необходимые для той или другой земской потребности, такъ и крѣпостныхъ своихъ рабочихъ. Въ огражденіе же крестьянъ отъ излишнихъ притѣсненій со стороны помѣщика, во времена шведскаго владычества, учреждены были такъ называемые вакенбухи, фиксировавшіе арендную за землю плату; причемъ, чѣмъ больше рабочихъ дней требовалось отъ крестьянина для выполненія публичныхъ повинностей, тѣмъ меньше былъ размѣръ арендной платы или барщины, поставляемой крестьянскимъ дворомъ. Начала, положенныя шведскимъ правительствомъ въ основаніе аграрнаго устройства Лифляндіи, получили окончательное развитіе въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія — въ крестьянскомъ положеніи 1804 г., причемъ особой межевой ревизіонной комиссіей регулированы были всѣ почти дворянскія имѣнія Лифляндской губерніи и для каждаго имѣнія составлены вакенбухи²⁾.

1) См. ст. 51 крест. пол. 1860 года.

2) Направленное къ огражденію крестьянъ отъ произвола вотчинниковъ, учрежденіе вакенбуховъ слѣдуетъ признать въ высшей степени рациональной и исполненной съ величайшей добросовѣстностью и глубокимъ знаніемъ дѣла правительственной мѣрой. Вакенбухи, установленныя крестьянскимъ положеніемъ 1804 года, были ничто иное какъ книги, изображающія, такъ сказать, хозяйственный балансъ каждаго крестьянскаго двора. На лѣвомъ листѣ этой книги (отдѣлъ: „credit“) помѣщалось подробное описаніе земли каждой усадьбы съ оцѣнкой ея въ талерахъ и грошахъ. Напримѣръ, усадьба NN заключаетъ въ себѣ: столько-то лофштелей огородной земли, цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей; столько-то лофштелей пашни такого-то класса, цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей; столько-то лофштелей сѣнокоса, цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей и такъ далѣе — именованы всѣ угоды, заключающіяся въ усадьбѣ. А всего въ усадьбѣ состоитъ столько-то талеровъ и грошей земли. На правомъ листѣ (отдѣлъ: „debet“) точно такъ же помѣщено было

Положеніе дѣла мало измѣнилось съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, имѣвшемъ мѣсто въ 1819 году, ибо крестьяне отпущены были на волю безъ земли. Земской податной единицей, по прежнему, осталось дворянское имѣніе съ его мызой и крестьянской землей. По прежнему, падающія на имѣніе земскія повинности отправлялись крестьянами за землю, получаемую ими въ аренду (денежную или издѣльную) отъ помѣщиковъ, съ тою лишь разницей, что размѣръ этихъ повинностей закономъ отнынѣ болѣе не опредѣлялся. По прежнему, наконецъ, количество крестьянской земли или, лучше сказать, количество крестьянскаго въ данномъ имѣніи населенія служило мѣриломъ податной способности всего имѣнія. Когда же, съ цѣлью возстановленія правильно-

---

подробное описаніе всѣхъ повинностей, платимыхъ арендаторомъ. Такъ какъ повинности въ то время были исключительно натуральныя, то закономъ установлена была оцѣнка на талеры и гроши (другими словами — цѣны ржи) не только рабочаго (коннаго и пѣшаго) дня, но и всѣхъ безъ исключенія сельскихъ припасовъ и предметовъ сельскаго обихода, которые взиались съ арендатора, какъ то: хлѣба разнаго рода, льна, конопли, веревокъ, гусей, куръ, рыбы и проч. Такимъ образомъ въ отдѣлѣ „debet“ прописывалось: „за пользованіе дворомъ NN арендаторъ обязанъ ставить ежегодно: столько-то годовыхъ или на такой-то срокъ рабочихъ (конныхъ или пѣшихъ) дней цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей, столько-то четвертей ржи или овса, или другаго какого-либо хлѣба, или же столько-то пудовъ соломы, льна и т. п., цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей, столько-то штукъ куръ или цыплятъ, или рыбы и т. п., цѣнностью 00 талеровъ 00 грошей и т. д. Переписывались, однимъ словомъ, всѣ безъ исключенія предметы, которые, по условію съ помѣщикомъ, крестьянинъ обязанъ ставить за арендуемую имъ землю, со включеніемъ въ этотъ списокъ и публичныхъ повинностей. Такъ какъ во многихъ случаяхъ точное перечисленіе и оцѣнка этихъ послѣднихъ сопряжены были съ значительными затрудненіями, то въ старыхъ вакенбухахъ принималось правиломъ: со всѣхъ повинностей, платимыхъ помѣщику за землю, въ вознагражденіе за исправленіе публичныхъ повинностей сбавлять извѣстный процентъ (обыкновенно 8%). Засимъ подъ спискомъ повинностей подводился итогъ въ талерахъ и грошахъ. Сумма талеровъ и грошей, составляющая итогъ „credit“, должна была равняться суммѣ итога „debet“. Такимъ образомъ никакихъ излишнихъ повинностей вотчинникъ налагать на крестьянина не могъ. Впослѣдствіи, когда съ обнаруженіемъ крестьянскихъ положеній 1819, 1849 и 1860 годовъ размѣръ арендной платы за землю предоставленъ былъ добровольному соглашенію вотчинника и арендатора, второй отдѣлъ (debet) вакенбуха естественно долженъ былъ сократиться. Такимъ образомъ нынѣшніе вакенбухи содержатъ въ себѣ лишь описаніе земельныхъ угодій каждой крестьянской усадьбы, съ оцѣнкой ихъ на талеры и гроши.

сти въ раскладкѣ земскихъ повинностей по имѣніямъ губерніи, приступлено было въ 1819 году къ общему межеванію имѣній, то измѣренію и таксаціи подвергались лишь одні крестьянскія земли. Составленный, на основаніи этихъ работъ, первый земскій списокъ, опубликованный лишь въ 1832 году¹⁾, заключаетъ въ себѣ лишь оцѣнку крестьянской земли. Мызную же землю, какъ ненаселенную, по свойству существовавшихъ въ то время земскихъ повинностей не могущую ихъ выполнять, оцѣнивать и помѣщать въ земскій списокъ было излишне.

Въ 1849 году появилось новое крестьянское положеніе, которымъ вновь восстановлена была демаркаціонная черта между крестьянской и мызной землей, уничтоженная положеніемъ 1819 года; причемъ право собственности помѣщика на крестьянскую землю было ограничено на тѣхъ же почти основаніяхъ, на какихъ оно было ограничено шведскимъ крестьянскимъ положеніемъ и положеніемъ 1804 года²⁾. При ограниченіи правъ помѣщика на крестьянскую землю, при имѣвшемся на основаніи новаго положенія въ виду начатіи выкупной операціи и полного ликвидированія отношеній между помѣщиками и крестьянами, при восстановленіи вновь крестьянской земли, какъ опредѣленнаго контингента земель, размѣръ которыхъ отнынѣ никоимъ образомъ уменьшенію не подлежалъ, появилась необходимость разрѣшить наконецъ вопросъ о распредѣленіи повинностей, падающихъ на каждое имѣніе, между его мызной и крестьянской землей, — вопросъ первостепенной важности, потому что отъ разрѣшенія этого зависѣло хозяйственное развитіе крупнаго и мелкаго землевладѣнія въ губерніи. Вопросъ этотъ и разрѣшенъ былъ крестьянскимъ положеніемъ 1849 года, но къ сожалѣнію — съ явнымъ нарушеніемъ справедливости. Въ виду практики предыдущаго времени, когда земскія повинности, по причинамъ, изложеннымъ выше, исполнялись силами крестьянской земли, положеніе 1849 г. раздѣлило всѣ

1) Земскій списокъ 1832 года до настоящаго времени служитъ основаніемъ для распредѣленія между имѣніями всѣхъ натуральныхъ земскихъ повинностей, какъ то: дорожной, почтовой, подводной и пр.

2) Ограниченіе это, какъ изложено въ примѣчаніи на страницѣ 28, заключается въ томъ, что вотчинникъ лишался права пользоваться землей этой иначе какъ черезъ продажу или отдачу ея въ аренду лицу, принадлежащему къ крестьянскому обществу (ст. 101 крест. пол. 1860 года).

земли на двѣ категоріи: податныя и неподатныя. На основаніи 119 ст. неподатная земля (вся мызная, за исключеніемъ квотной), независимо отъ личности владѣльца, во всѣхъ случаяхъ и навсегда свободна отъ какихъ бы то ни было повинностей¹⁾. Напротивъ того, податная земля во всѣхъ случаяхъ подлежитъ повинностнымъ обязанностямъ. Покуда податная и неподатная земли принадлежали одинаково помѣщику, и крестьянинъ, заарендовывая землю, зналъ, какими земскими повинностями обременена его земля, и слѣдовательно могъ соразмѣрно съ долей лежащихъ на арендуемомъ участкѣ тягостей предложить и арендную плату, — таковое раздѣленіе не нарушало справедливости. Но оно стало въ высшей степени несправедливымъ съ того момента, когда усилилась выкупная операція и значительная часть крестьянской земли частныхъ имѣній перешла въ руки крестьянъ. Продавая крестьянину землю исключительно податную, помѣщикъ, такъ сказать, продавалъ и обязанность нести повинности, лежащія по закону на всемъ имѣніи, и притомъ не только тѣ, которыя существовали въ моментъ продажи, но и тѣ, которыя въ будущемъ могли быть возложены на землю распоряженіями правительства. Оставшаяся же въ его рукахъ доля вотчины, заключающаяся въ мызной землѣ, становилась затѣмъ навсегда свободною отъ какихъ бы то ни было земскихъ повинностей. Не мѣриломъ слѣдовательно обложенія повинностями данной вотчины стала крестьянская земля, какъ это установило историческое развитіе земскаго законодательства, а предметомъ обложенія. Освобожденіе крупнаго землевладѣнія отъ участія въ земскихъ расходахъ, съ перенесеніемъ этого обложенія на землевладѣніе мелкое, какъ оно ни было несправедливо въ принципѣ, не представляло, однако, практическихъ затрудненій въ то время, когда крестьянской земли продано было мало, да и самый земскій бюджетъ былъ крайне ограниченъ, тѣмъ болѣе, что, какъ изложено въ I

¹⁾ Эта статья повторена была и въ крестьянскомъ положеніи 1860 г. (ст. 93 и 94), причѣмъ она дополнена ст. 49, разъясняющей, что публичными повинностями, коими обременяется податная земля, признаются всѣ повинности, на основаніи общихъ законовъ имперіи налагаемыя и слѣдовательно, по точному смыслу закона, имѣющія быть и въ будущемъ наложены на губернію, подъ именемъ земскихъ, по распоряженію правительства.

главѣ, большая часть земскихъ потребностей удовлетворялась не на счетъ губернскаго земскаго сбора, а средствами приходоѡ. Но когда крестьяне выкупили большую часть крестьянской земли, когда правительство, въ особенности начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, стало налагать на земство многіе расходы, до сего времени удовлетворявшіеся изъ государственнаго казначейства, когда приступлено было къ преобразованію судебныхъ, крестьянскихъ и полицейскихъ учреждений и появилась необходимость въ новыхъ и весьма значительныхъ расходахъ со стороны земства на содержаніе этихъ дорогихъ учреждений, тогда и обнаружилась полная несостоятельность существующаго законодательства, устанавливающаго привилегированность мызныхъ земель. Возлагая новые и, какъ выше сказано, весьма значительные расходы на земскія средства, правительство, будучи мало знакомымъ съ аграрнымъ законодательствомъ страны, полагало, что расходъ этотъ будетъ нести вся губернія. Въ дѣйствительности же несла его лишь одна крестьянская земля, составляющая по протяженію съ небольшимъ $\frac{1}{3}$ всей площади земли.

Такое затруднительное положеніе заставило лифляндскаго губернатора предложить собравшемуся въ 1889 г. ландтагу на обсужденіе: не найдеть ли ландтагъ возможнымъ, въ виду столь стѣсненнаго положенія губерніи, отказаться за мызныя земли отъ привилегіи, предоставляемой этимъ землямъ закономъ, и при составленіи земской раскладки облагать мызныя земли губернскимъ земскимъ сборомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и податныя, т. е. по числу талеровъ земли той и другой категоріи. Предложеніе это встрѣчено было ландтагомъ съ большимъ сочувствіемъ, причемъ сдѣлано было и соотвѣтственное постановленіе¹⁾, пропущенное губернскимъ правленіемъ, такъ что съ 1890 года мызныя земли облагаются денежными земскими повинностями на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и крестьянскія, т. е. пропорціонально числу талеровъ, заключающихся въ этой землѣ.

Привилегія мызныхъ земель въ отправленіи губернскихъ земскихъ повинностей никогда не существовала

¹⁾ Постановленіе ландтага 23 октября 1889 г.

по отношенію къ повинностямъ приходскимъ, налагаемымъ на населеніе не правительственными распоряженіями, а постановленіями мѣстныхъ земскихъ учрежденій. Распре-дѣленіе это, впервые санкціонированное крестьянскимъ положеніемъ 1819 года ¹⁾, искони производилось согласно старинному принципу, въ силу коего мызная земля ста-вила всѣ матеріалы, за исключеніемъ соломы, а крестьяне должны были подвозить эти матеріалы, ставить солому и рабочихъ. Что же касается до денежныхъ расходовъ, вы-зываемыхъ удовлетвореніемъ земской повинности, то рас-ходы эти должны были дѣлиться пополамъ, изъ коихъ одну половину платили мызы пропорціоально числу га-ковъ ²⁾, заключающихся въ податной землѣ имѣнія, а дру-гую — крестьяне. Но какъ крестьяне въ то время земли въ своей собственности не имѣли, да и крестьянская земля въ строгомъ смыслѣ этого слова перестала существовать, ибо на основаніи положенія 1819 года помѣщикъ могъ пользоваться ею по своему произволу и даже цѣликовъ присоединять къ мызѣ, то доля денежныхъ приходскихъ повинностей, падающая на крестьянъ, распредѣлялась между имѣнія прихода пропорціоально числу ревиз-скихъ душъ каждаго имѣнія. Перенесеніе приходскихъ (земскихъ) повинностей на ревизскія души не предста-вляло особенныхъ практическихъ затрудненій въ то время, когда, согласно сказанному выше, всѣ почти крестьяне владѣли землею и ревизская душа представляла собой извѣстный крестьянскій дворъ. Но съ увеличеніемъ чи-сленности населенія и образованіемъ, вслѣдствіе поощряе-мой закономъ недѣлимости крестьянскихъ дворовъ, много-численнаго класса безземельныхъ крестьянъ, появилось весьма много неправильностей въ обложеніи крестьянъ приходскими повинностями. Раскладка повинностей этихъ, какъ и всѣхъ прочихъ, по закону возложена на волостныя общества, завися отъ усмотрѣнія сходовъ выборныхъ. Такимъ образомъ, въ однихъ волостяхъ сходы эти, руко-водствуясь стариннымъ обычаемъ, совершенно правильно налагали эти сборы лишь на однихъ дворохозяевъ; въ другихъ же волостяхъ, наоборотъ, приходскія денежныя

1) См. ст. 519 крест. пол. 1819 г.

2) Лифляндскій гакъ заключаетъ въ себѣ 80 талеровъ земли.

повинности вводились въ общую волостную раскладку и распредѣлялись на всѣхъ плательщиковъ волости, включая въ число ихъ и безземельныхъ крестьянъ. Столь несправедливое обложеніе земскими сборами безземельныхъ крестьянъ обратило на себя вниманіе губернскаго начальства, почему въ 1891 году и сдѣлано было распоряженіе¹⁾ объ исключеніи изъ волостныхъ раскладокъ всѣхъ сборовъ, возлагаемыхъ на волости по постановленіямъ приходскихъ конвентовъ, съ тѣмъ, чтобы сборы эти, по существу своему составляющіе сборы земскіе, взымались исключительно съ земли. Такимъ образомъ приходскія повинности раскладываются нынѣ исключительно между дворохозяевами пропорціонально величинѣ (числу талеровъ²⁾) принадлежащихъ имъ на правѣ аренды или собственности земель, съ освобожденіемъ отъ этихъ налоговъ крестьянъ безземельныхъ.

Вышеупомянутый способъ раскладки денежныхъ приходскихъ повинностей, — причемъ половина расходовъ возлагалась на мызы, а другая на волости, по точному смыслу крестьянскаго положенія 1819 года установленъ исключительно для возведенія и ремонта церковныхъ построекъ — единственной существовавшей въ то время земской повинности. Съ теченіемъ времени, однако, стали появляться въ приходахъ и другія потребности и, между прочимъ, такія, которыя, не заключааясь въ производствѣ построекъ, могли быть удовлетворены только денежными сборами, какъ напримѣръ содержаніе приходскихъ учителей, страхованіе зданій и т. п. За неимѣніемъ спеціальнаго закона относительно способа раскладки этихъ сборовъ, практика установила, что и эти повинности раскладываются такимъ же образомъ, какъ сказано выше. Въ крестьянскомъ положеніи 1849 года вновь возбужденъ былъ вопросъ о производствѣ земскихъ, или, какъ они тогда назывались, публичныхъ построекъ, причемъ 599 статьею этого положенія установлено было, что вышеупомянутый способъ раскладки, опредѣленный статьею 519 крест. пол. 1819 года, относится лишь къ церковнымъ постройкамъ.

1) Печатные указы лифляндскаго губернскаго правленія 1891 года №№ 117 и 158.

2) Въ казенныхъ имѣніяхъ — пропорціонально размѣру платимыхъ крестьянами выкупныхъ платежей.

Что же касается до прочихъ публичныхъ построекъ, то требующіеся для возведенія и ремонта ихъ наличные расходы должна нести одна лишь мызная земля. Статья эта, значительно облегчающая обложеніе мелкаго землевладѣнія, въ той же почти редакціи нашла себѣ мѣсто также и въ крестьянскомъ положеніи 1860 года¹⁾.

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ отношеніи раскладки денежныхъ земскихъ повинностей между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ въ Лифляндской губерніи существуетъ въ настоящее время два разныхъ способа: губернскія повинности раскладываются пропорціонально числу талеровъ, заключающихся въ мызной и крестьянской землѣ; приходскія же исполняются двояко — въ зависимости отъ свойства расхода: въ однихъ случаяхъ повинность дѣлится пополамъ, причемъ одну половину платятъ волости, а другую мызы, въ другихъ случаяхъ всѣ денежные расходы несетъ одна мызная земля.

Упомянутая на стр. 68 мѣра, вслѣдствіе которой упразднена привилегія мызныхъ земель по отношенію къ отправленію денежныхъ губернскихъ повинностей, въ значительной степени сглаживаетъ несправедливость въ земскомъ обложеніи, устанавливаемую мѣстными крестьянскими положеніями. Тѣмъ не менѣе надлежащей равномѣрности въ раскладкѣ губернскихъ повинностей между мызною и крестьянскою землею нѣтъ и понынѣ.

Изложенное въ предыдущемъ отдѣлѣ несовершенство системы земскаго обложенія (по талерамъ) отражается на обложеніи крестьянской земли гораздо чувствительнѣе, нежели на обложеніи земли мызной. Крестьянская земля, заключаая въ общей площади своей весьма мало выгоновъ и почти лишенная лѣса, по большей части вся культурная. Почти вся она оцѣнена на талеры и, слѣдовательно, почти

---

¹⁾ См. ст. 550 крест. пол. 1860 г. Печатнымъ указомъ губернскаго правленія 11 декабря 1870 г. за № 138 разъяснено, что правила выполненія строительной повинности, заключающіяся въ этой статьѣ относительно постройки и ремонта приходскихъ построекъ, распространяются также и на постройки церковныя. Но разъясненіе это до такой степени противорѣчитъ точному смыслу 550 ст., что законность этого указа нельзя не признать крайне сомнительной. Это противорѣчіе указа губернскаго правленія съ неотмѣненнымъ закономъ въ значительной степени затрудняетъ губернское начальство при утвержденіи приходскихъ раскладокъ.

вся она платитъ земскія повинности, между тѣмъ какъ мызная земля заключаетъ въ себѣ огромное количество неощенной, хотя и доходной земли, никакому обложенію не подвергающейся. Въ результатѣ выходитъ, что крестьянская земля частныхъ, пасторатскихъ и патримоніальныхъ имѣній материковой части Лифляндской губерніи, обнимая собою площадь въ 1,145,601 десятина, оцѣнена въ 513,419 талеровъ, а мызная съ площадью въ 1,587,587 десятинъ — всего въ 320,412 талеровъ¹⁾.

Наконецъ, постановленіемъ ландтага 1899 года уничтожена привилегія мызной земли только по отношенію къ денежнымъ повинностямъ. Но въ Лифляндіи, какъ выше сказано, въ значительной степени господствуютъ повинности натуральныя, изъ числа коихъ наиболѣе отяготительной для крестьянскаго населенія слѣдуетъ считать дорожную повинность по ремонту 11 тысячъ верстъ искусственныхъ дорогъ, содержимыхъ земствомъ. Эта повинность лежитъ преимущественно на крестьянской землѣ²⁾. Разъ какъ мызная и крестьянская земля уравниены, — по крайней мѣрѣ въ принципѣ относительно денежныхъ повинностей, казалось бы — нѣтъ основаній не уравниять ее относительно повинности дорожной³⁾. Справедливость требуетъ прибавить, что такому уравниенію повинностей лифляндское дворянство препятствій не дѣлало, и если бы губернаторъ далъ предложеніе ландтагу уравниять между мызной и

---

1) Въ это число десятинъ не вошли казенныя имѣнія, обнимающія площадь въ 422,124 десятины. Приведенное въ текстѣ число талеровъ взято изъ земскаго списка 1891 года.

2) Участіе мызной земли выражается лишь въ отпускѣ матеріаловъ для постройки мостовъ. Цѣнность этихъ матеріаловъ далеко, конечно, не можетъ быть приравнимаема къ цѣнности рабочихъ дней, которые крестьяне должны употребить на исправленіе дорогъ и мостовъ.

3) Подводная повинность постановленіемъ ландтага 1888 года (циркулярное предписаніе лифляндскаго губернатора 9 декабря 1888 г. за № 7567) переведена нынѣ на деньги и включена въ число губернскихъ земскихъ повинностей; слѣдовательно возложена также и на мызную землю. Фуражно-почтовая повинность нынѣ переводится на деньги, причемъ предполагается въ самомъ непродолжительномъ времени привлечь къ участію въ ней мызныя земли на общихъ основаніяхъ. Почтово-строительная повинность въ значительной степени также переведена на деньги и разложена на мызныя и крестьянскія земли по способу, принятому для раскладки приходскихъ повинностей.

крестьянской землей дорожную повинность точно такъ же, какъ уравниена повинность денежная, то ландтагъ несомиѣнно принялъ бы это предложеніе и выразилъ бы на него свое согласіе. Препятствія къ такому переложенію встрѣчались со стороны правительства и именно вслѣдствіе незнакомства съ аграрнымъ и земскимъ законодательствомъ Лифляндской губерніи и вслѣдствіе перенесенія на эту губернію условій жизни губерній внутреннихъ, каковыя условія Лифляндіи совершенно чужды. Говоря о натуральныхъ повинностяхъ въ Лифляндской губерніи — термину этому придають обыкновенно то же значеніе, которое онъ имѣетъ въ губерніяхъ внутреннихъ; между тѣмъ эти два понятія сходнаго имѣютъ очень мало. По смыслу императорскаго закона о земскихъ повинностяхъ¹⁾, натуральной повинностью называется такая, которая исполняется натурою по нарядамъ или очередямъ или иному установленному для того порядку. Натуральная повинность есть такимъ образомъ повинность личнаго труда, личной работы, напоминающая барщину, отправляемую населеніемъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Нужно напр. исправить дорогу — полиція наряжаетъ рабочихъ отъ волости, принимая въ случаѣ надобности принудительныя мѣры для привода этихъ рабочихъ и понужденія ихъ къ работѣ. Привилегированные классы (дворянство) по сословнымъ правамъ своимъ освобождены отъ такихъ нарядовъ, отъ такого принудительнаго личнаго труда, а потому естественно, что весь этотъ принудительный трудъ, вся тяжесть натуральныхъ повинностей падаетъ на крестьянское населеніе. Въ Лифляндіи наблюдается совсѣмъ иное. Хотя начало натуральныхъ повинностей и здѣсь также лежало въ принудительномъ крестьянскомъ трудѣ, но такъ какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости имѣло здѣсь мѣсто гораздо ранѣе, нежели во внутреннихъ губерніяхъ, то связь между сословными правами землевладѣльца и обязанностью его по исполненію натуральныхъ повинностей въ Лифляндіи давно уже исчезла. Подобно тому какъ въ отношеніи права представительства за землю сословныя права землевладѣльца не имѣютъ

---

¹⁾ См. ст. 2 т. IV св. зак. 1857 года (уставъ о земскихъ повинностяхъ).

никакого значенія, какъ это выяснено на стр. 44, точно такъ же не имѣютъ значенія эти сословныя права и по отношенію къ выполненію обязанностей (повинностей). Не сословіе землевладѣльца даетъ права представительства и налагаетъ обязанности на принадлежащую ему землю, а на оборотъ — сама земля по своимъ свойствамъ даетъ права землевладѣльцу и налагаетъ на него повинности. Крестьяне въ Лифляндіи несутъ натуральную повинность не потому, что они крестьяне, а потому, что они владѣютъ крестьянской землей (мелкое землевладѣніе). Дворяне освобождены отъ этихъ повинностей не потому, что они дворяне, а потому, что они владѣютъ дворянскими вотчинами (крупное землевладѣніе). Крестьянинъ, купившій дворянскую вотчину, какъ это случается отъ времени до времени, тѣмъ самымъ освобождается отъ натуральныхъ повинностей. Дворянинъ, приобретающій крестьянскую усадьбу, какъ это бываетъ весьма часто, тѣмъ самымъ налагаетъ на себя натуральную повинность. Большая часть такъ называемой квотной земли (земли податной) принадлежитъ и нынѣ дворянству, но эта принадлежность не избавляетъ квотную землю отъ исполненія натуральныхъ повинностей, которыя дворяне-землевладѣльцы исполняли съ 1849 года и понынѣ исполняютъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ исполняютъ ихъ крестьяне. Къ тому же связь между понятіемъ о барщинѣ и понятіемъ о натуральной повинности до такой степени исчезла въ Лифляндіи, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о томъ порядкѣ принудительнаго выполненія этихъ повинностей, какой имѣеть мѣсто во внутреннихъ губерніяхъ. Такая-то волость не выполнила своей доли дорожной повинности по исправленію участковъ приписаннаго къ волости дорожнаго контингента. Начальнику уѣзда или бывшему ордунгсрихтеру, на отвѣтственности котораго лежитъ исправное состояніе дорогъ, не могла и въ голову придти выгнать волость въ нарядъ для исправленія этихъ участковъ. Полиція ограничивается напоминаніемъ волостному старшинѣ о понужденіи крестьянъ къ выполненію своей обязанности, налагаетъ взысканія на старшину (въ Курляндіи до послѣдняго времени полиція имѣла право налагать денежные штрафы на неисправныхъ крестьянъ), и въ крайнемъ случаѣ ремонтъ дороги производится на счетъ

виновнаго¹⁾. Таковыя понудительныя мѣры прилагаются до настоящаго времени ко всѣмъ владѣльцамъ податныхъ земель, безразлично: принадлежатъ ли онѣ дворянамъ или крестьянамъ, и лифляндское дворянство черезъ это нисколько не чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ своихъ словныхъ правахъ.

Если послѣ подобнаго разъясненія поставить вопросъ: имѣется ли какое-нибудь основаніе къ освобожденію мызной земли отъ выполнения натуральныхъ повинностей, то, забывши о сословныхъ правахъ крестьянъ и дворянъ, слѣдуетъ поставить этотъ вопросъ такъ: есть ли основаніе, въ виду существующихъ аграрныхъ условій страны, давать какія-либо и притомъ особенно важныя преимущества и привилегіи крупному землевладѣнію? Всякій знакомый съ аграрными условіями Лифляндіи неминуемо дастъ отвѣтъ, что крупное землевладѣніе поставлено здѣсь столь самостоятельно и столь солидно, что оно не нуждается въ какихъ-либо привилегіяхъ. Посему нынѣ существующая привилегія мызной земли относительно отправления натуральныхъ повинностей не только есть несправедливость въ смыслѣ правственномъ, но и составляетъ положеніе невыгодное въ экономическомъ отношеніи. Такимъ образомъ уравненіе въ отношеніи исполненія натуральныхъ повинностей мызной и крестьянской земли является неотложной необходимостью; причемъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, никакихъ практическихъ затрудненій для осуществленія этой мѣры не предвидится, ибо она ни въ чемъ не противорѣчитъ духу лифляндскаго земскаго права.

III.

Третьимъ недостаткомъ существующаго земскаго устройства Лифляндіи слѣдуетъ считать двойственность въ порядкахъ взиманія и расходванія земскихъ суммъ. Въ Лифляндской губерніи существуютъ двѣ, независимыя другъ отъ друга, земскія кассы. Произошло это слѣдующимъ образомъ. До 1881 года, когда поднять былъ вопросъ о введеніи въ Лифляндіи мировыхъ учреждений, единственнымъ предметомъ зем-

¹⁾ Печатный указъ лифл. губ. правл. № 115 — 1867 г. Ст. 412 крест. пол. 1860 г.

скаго обложенія была земля, облагаемая какъ сказано выше. Изъ сборовъ, взимаемыхъ съ земли, удовлетворялись всѣ крайне ограниченныя губернскія земскія потребности, общая сумма которыхъ, вслѣдствіе существованія въ губерніи, въ большемъ масштабѣ, натурального способа выполненія этихъ повинностей, а равно и вслѣдствіе перенесенія удовлетворенія большей части земскихъ потребностей на приходскія учрежденія, была весьма ограничена. Она не превышала въ то время 150—170 тысячъ рублей въ годъ; выключая отсюда 16 тыс. руб., т. е. ту долю земскихъ повинностей, которая падаетъ на казенныя имѣнія, составляющія въ общей сложности приблизительно $\frac{1}{10}$ всѣхъ дворянскихъ имѣній, остальная сумма выразится цифрой 135—155 тысячъ руб. При раскладкѣ этой суммы на 620,000 талеровъ податной земли частныхъ имѣній, на каждый талеръ приходилось по 22—25 копѣекъ — налогъ нимало не обременительный для столь сравнительно богатой и культурной губерніи, какова Лифляндская. Смѣта на расходованіе этого сбора составлялась очереднымъ ландратомъ и утверждалась губернскимъ правленіемъ. Сборщикомъ земскихъ податей былъ тотъ же ландратъ, разсылавшій окладные листы по имѣніямъ и принимавшій сборы въ земскую кассу. Изъ этихъ денегъ удовлетворялись всѣ расходы по содержанію уѣздной полиціи, тюремъ, воинскихъ присутствій, квартирнаго и разѣзднаго довольствія судебныхъ слѣдователей, по пересылкѣ арестантовъ и пр. Такъ взимаются и расходуются эти деньги и понынѣ. Но когда зашла рѣчь о введеніи въ Лифляндіи мировыхъ учреждений, когда на земскій счетъ отнесено содержаніе этихъ учреждений, а также приказа общественнаго призрѣнія и помѣщеній для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей, — каковыя расходы требуютъ до 284,000 рублей въ годъ, — сумму эту очевидно не было возможности отнести на сборъ, собираемый съ одной лишь земли, въ особенности если принять въ соображеніе условія обложенія, т. е. что облагалась лишь культурная и притомъ одна только крестьянская земля. Посему и оказалась необходимымъ распространить на прибалтійскія губерніи правило, существующее для внутреннихъ губерній, въ силу котораго въ земскіе сборы поступаютъ также сборы съ торговли и промышленности,

съ патентовъ на продажу крѣпкихъ напитковъ, съ городскихъ недвижимостей и проч., на основаніяхъ, изложенныхъ въ прилож. къ ст. 6 положенія о земскихъ учрежденіяхъ (св. зак. т. II часть I по продолж. 1892 г.). Такъ какъ правительство не рѣшилось довѣрить эти послѣдніе сборы тѣмъ крайне неопредѣленнымъ и центральному правительству почти неизвѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ, которыя нынѣ существуютъ въ Лифляндской губерніи, то взиманіе и расходование этихъ сборовъ возложено на правительственныя учрежденія, а именно на особое присутствіе губернскаго правленія¹⁾ и на казенную палату. Такимъ образомъ, какъ сказано выше, въ Лифляндской губерніи имѣются двѣ земскія кассы и два способа взиманія и расходования земскихъ суммъ. Сборы съ торговли и промышленности взимаются по окладнымъ листамъ, разсылаемымъ казенной палатой, и поступаютъ въ казначейства, откуда и расходуются по трехъ-годичнымъ смѣтамъ, утверждаемымъ въ законодательномъ порядкѣ, на содержаніе мировыхъ учреждений, арестныхъ домовъ и приказа общественнаго призрѣнія, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ губерніяхъ, не имѣющихъ земскаго устройства. Сборы на удовлетвореніе прочихъ земскихъ потребностей взимаются съ культурной земли очереднымъ ландратомъ, поступаютъ въ особую, состоящую при ландратской коллегіи, земскую кассу и расходуются по годовымъ смѣтамъ, составляемымъ той же коллегіей и утверждаемымъ губернскимъ правленіемъ, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ губерніяхъ земскихъ.

Кромѣ этихъ двухъ кассъ существуетъ третья, почтовая касса, куда поступаютъ денежные сборы по отправленію почтовой: фуражной и строительной повинности, каковыя сборы также, какъ и общіе земскіе, взимаются и расходуются очереднымъ ландратомъ при посредствѣ особаго почтоваго управленія, содержамаго на счетъ дворянства. Отдѣленіе почтовой кассы отъ земской въ прежнее время имѣло основаніе. До 1851 года фуражная повинность отбывалась натуральной поставкой крестьянами овса, сѣна, соломы и дровъ въ разъ навсегда для каждаго

---

¹⁾ Прим. 4 къ ст. 27 устава о земскихъ повинностяхъ. Т. IV св. зак. по прод. 1893 года.

имѣнія установленномъ и не подлежащемъ измѣненію размѣръ, причемъ размѣръ этотъ¹⁾ опредѣленъ еще въ прошломъ столѣтіи, когда имѣнія въ Лифляндіи вовсе не были оцѣнены и не было никакихъ земскихъ списковъ, такъ что о равномерности этой раскладки не можетъ быть и рѣчи. Повинности эти считаются реальными²⁾. Фуражъ и строительные матеріалы ставились населеніемъ непосредственно на почтовые станціи, для чего всѣ имѣнія губерніи были росписаны по почтовымъ станціямъ, образуя особые почтово-строительные округа. Денежныхъ почтовыхъ повинностей въ то время вовсе не было, почему не могло быть и почтовой кассы. Въ 1860 году, т. е. съ постройкой Риго-Двинской желѣзной дороги, нѣкоторыя изъ почтовыхъ станцій были сняты, вслѣдствіе чего имѣнія, приписанныя къ этимъ станціямъ, во избѣжаніе перевозки фуражныхъ и строительныхъ припасовъ на станціи, находящіяся въ слишкомъ большомъ отъ нихъ разстояніи, были съ натуральной повинности переведены на денежную. Еще болѣе почтовыхъ станцій снято было съ открытіемъ движенія по недавно отстроенной Риго-Псковской желѣзной дорогѣ, почему, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, приходилось на этотъ разъ уже весьма большое число имѣній перевести съ натуральной на денежную повинность. Обстоятельство это, а равно и затруднительность для волостей перевозки фуража иногда на весьма большія разстоянія заставило губернское начальство въ 1890 году предложить мѣстнымъ

---

1) Общій размѣръ этихъ повинностей составлялъ 14,673 четверти овса, 146,942 пуда сѣна, 13,195 пудовъ соломы и 3696 сажень дровъ. Изъ этого числа мѣзы ставили 5764 четверти овса, 31,623 пуда сѣна и всѣ дрова, волости же — 8908 четвертей овса, 115,319 пудовъ сѣна и всю солому. Подвозъ всѣхъ этихъ припасовъ, какъ поставляемыхъ мѣзами, такъ и волостями, возлагался на крестьянскую землю (см. печ. ук. лифл. губ. правл. отъ 29 сентября 1851 г. за № 60/9612).

2) Реальная (поземельная) повинность (*onus reale*), — каковаго понятія въ русскомъ правѣ не существуетъ, — есть особый родъ повинностей, существо обязательности которыхъ изложено въ ст. 1297—1334 т. III св. мѣстн. узаконеній для губ. остр. Согласно 1297 ст. реальной повинностью называется лежащая на недвижимости обязанность постоянно отбывать въ чью-либо пользу извѣстныхъ денежныхъ, натуральныхъ или личныхъ тягости. Обязательность этой повинности мѣстное законодательство основываетъ на гражданскомъ, а не на публичномъ правѣ.

управленіямъ и сходамъ дворохозяевъ всей губерніи обсудить вопросъ: не пожелаютъ ли они всю слѣдующую съ нихъ фуражную повинность перевести на деньги по весьма выгоднымъ для нихъ цѣнамъ, именно: 3 руб. 30 к. за четверть овса, 30 коп. за пудъ сѣна, 15 коп. за пудъ соломы и 1 руб. 44 к. за сажень дровъ. Всѣ почти мызныя управления и многія волости изъявили на это свое согласіе, вслѣдствіе чего поставка фуража и дровъ на станціи замѣнена была для нихъ соотвѣтственнымъ денежнымъ сборомъ. Такимъ образомъ при управленіи почтовыми станціями образовалась почтовая касса, въ которую стало ежегодно поступать свыше 63,000 рублей. Такъ какъ въ Лифляндіи также, какъ и во внутреннихъ губерніяхъ, почтовая гоньба не даетъ дохода, а напротивъ требуетъ отъ почтоваго управленія значительныхъ приплатъ, то въ прежнее время, при большомъ числѣ и многоконности содержащихся дворянствомъ станцій, установленный сборъ на ихъ содержаніе оказывался недостаточнымъ, вслѣдствіе чего дворянство принуждено было приплачивать ежегодно изъ своей дворянской кассы отъ 10 до 12 тысячъ рублей въ годъ. Когда же число станцій, вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ, значительно уменьшилось, причемъ взимаемая съ имѣній фуражная повинность, какъ повинность реальная, не подверглась никакому измѣненію, поступленія въ почтовую кассу стали не только вполне достаточными для содержанія станцій безъ какихъ-либо приплатъ со стороны дворянства, но отъ фуражныхъ повинностей ежегодно оставался довольно значительный остатокъ, зачисляемый въ особый почтовый капиталъ. Это обстоятельство побудило въ 1893 году губернское начальство еще болѣе уменьшить оцѣнку стоимости припасовъ¹⁾, ставимыхъ имѣніями на станціи, вслѣдствіе чего нынѣ всѣ почти волости нашли для себя выгоднымъ перейти съ натуральной на денежную повинность. Разъ какъ фуражная повинность переведена на деньги, получается полная возможность сдѣлать вполне правильную раскладку этой по-

¹⁾ Нынѣ стоимость этихъ припасовъ опредѣлена: 2 руб. 88 к. за четверть овса, 25 к. за пудъ сѣна и 10 к. за пудъ соломы. Сравнивая эти цѣны съ дѣйствительно въ губерніи существующими цѣнами на фуражъ, легко убѣдиться, что въ настоящее время тягость фуражной повинности уменьшилась на 30 почти процентовъ.

винности по имѣніямъ и волостямъ, привлекая къ ея отправленію мызную землю на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ съ 1890 года привлечена эта земля къ отправленію общихъ губернскихъ земскихъ повинностей. Засимъ въ самомъ непродолжительномъ времени почтовую кассу предполагается вовсе упразднить, присоединивъ ее къ общей земской кассѣ, на счетъ которой и будетъ содержаться почтовая гоньба въ губерніи.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что приходскіе сборы и сборы на потребности лютеранской церкви взимаются (также исключительно съ культурной земли) приходскими и церковными попечителями, поступаютъ въ приходскую и церковную кассы и расходуются тѣми же попечителями по ежегодно составляемымъ смѣтамъ, утверждаемымъ губернскимъ правленіемъ.

IV.

Четвертый недостатокъ существующаго земскаго устройства Лифляндской губерніи состоитъ въ томъ, что въ число земскихъ повинностей включены и повинности въ пользу лютеранской церкви и лютеранскаго духовенства, которые до настоящаго времени содержались также землей. Эти повинности раздѣляются на два разряда: 1) постоянныя, уплачиваемыя приходами согласно такъ называемымъ регулятивамъ, которыя, будучи разъ навсегда опредѣлены для каждаго имѣнія, уплачиваются изъ года въ годъ мызами и волостями, и 2) годовыя, опредѣляемыя смѣтами, ежегодно составляемыми церковными конвентами. Въ эти смѣты входятъ, во-первыхъ, такъ называемая строительная повинность, т. е. повинность по содержанію пасторатскихъ и церковныхъ зданій, а засимъ и другіе расходы по удовлетворенію различныхъ потребностей лютеранскихъ церквей и приходскихъ школъ, какъ то: страхованіе зданій, очистка трубъ, жалованье приходскому учителю и т. д.

Въ прежнее время, когда всѣ обитатели Лифляндской губерніи поголовно были лютеране, это смѣшеніе земскихъ и церковныхъ повинностей не имѣло важныхъ неудобствъ. Вся земля была такъ сказать лютеранская. Лютеранская церковь была церковью земской. Она такъ и называлась *Landeskirche*. А потому, исходя изъ той точки зрѣнія, что

по лютеранскому вѣроученію церковь есть не столько духовный, сколько гражданскій институтъ, который населеніе обязано содержать такъ же, какъ обязано содержать оно полицію, мировой судъ и тому подобныя гражданскія учрежденія, вполнѣ правильно было и церковныя повинности наложить на землю, распредѣляя ихъ пропорціонально цѣнности поземельныхъ имуществъ и освобождая отъ этихъ повинностей безземельныхъ крестьянъ, какъ менѣе имущихъ. Но съ теченіемъ времени обнаружались важныя неудобства такого смѣшенія церковныхъ и земскихъ повинностей, усугубляемая значительными недостатками въ организациі взиманія этихъ повинностей, установившейся еще въ самыя отдаленныя времена и съ тѣхъ поръ не подвергавшейся какому-либо измѣненію.

Чтобы выяснитъ себѣ неудобства, сопряженныя со взиманіемъ постоянныхъ (регулятивныхъ) повинностей, необходимо бросить взглядъ на историческое происхожденіе этихъ повинностей.

Начало ихъ кроется въ самой глубокой древности, имѣя связь съ той десятиной, которая установлена была моисеевымъ закономъ. Во времена крѣпостнаго права члены прихода, т. е. владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, дѣлали между собой складки на содержаніе приходской церкви и ея священнослужителей. Складки эти заключались въ поставкѣ рабочихъ дней (конныхъ и пѣшихъ) въ тѣхъ пасторатахъ, которые не имѣли собственныхъ крестьянъ, а равно и въ поставкѣ хлѣба, дровъ, различныхъ съѣстныхъ припасовъ, живности, дичи, рыбы и пр., смотря по тому, какіе изъ этихъ припасовъ были въ распоряженіи вотчинниковъ; причемъ размѣръ этихъ поставокъ, начавшихся еще въ то время, когда никакихъ земскихъ списковъ не было, состоялъ, конечно, внѣ зависимости отъ размѣра поставлявшей ихъ вотчины, опредѣляясь исключительно доброй волей вотчинника и степенью его религіозности. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія приступлено было къ составленію устава евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи, причемъ, между прочимъ совершенно естественно, возбужденъ былъ вопросъ и о матеріальномъ обезпеченіи лютеранской церкви и духовенства. Такъ какъ условія жизни прибалтійскаго края законодательнымъ органамъ были вполнѣ неизвѣстны, и никакихъ,

носящихъ научный характеръ, изслѣдованій края въ то время произведено не было, то вопросъ объ обеспеченіи церкви и духовенства въ балтійскихъ губерніяхъ разрѣшенъ былъ тѣмъ способомъ, какимъ разрѣшались въ новомъ уставѣ все почти вопросы по разработкѣ различныхъ деталей церковнаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ, а именно: все оставлено по старому. Такимъ образомъ въ уставѣ этомъ появился § 463¹⁾, гласящій: „Сборы и даянія какого-либо рода въ пользу церкви, до 28 декабря 1832 года на основаніи законныхъ предписаній или древнихъ обычаевъ допускаяшіеся, не могутъ безъ Высочайшаго соизволенія быть ни увеличаемы, ни уменьшаемы или отмѣняемы.“

Неопредѣленность содержанія этой статьи была исправлена Высочайше утвержденнымъ 21 января 1836 г. мѣніемъ комитета министровъ, которымъ предписано прибалтійскому генераль-губернатору сдѣлать распоряженіе о регистраціи всѣхъ сборовъ, существовавшихъ до 28 декабря 1832 г., съ тѣмъ, чтобы засимъ получить возможность въ точности выполнить §463 уст. евангелическо-лютеранской церкви. Въ исполненіе такого порученія, по распоряженію генераль-губернатора составлены были особыми комиссіями списки этихъ повинностей, которые, получивъ утвержденіе главнаго начальника края, подъ названіемъ „регулятивовъ“²⁾, и служатъ до настоящаго времени единственнымъ основаніемъ ко взиманію постоянныхъ сборовъ въ пользу лютеранской церкви, напоминающихъ собой сборъ, существовавшій нѣкогда и въ пользу православнаго духовенства во внутреннихъ губерніяхъ подъ названіемъ „руги“. Во всемъ прибалтійскомъ краѣ повинностямъ въ пользу лютеранской церкви и пасторовъ по мѣстнымъ воз-

---

1) Св. зак. 1857 года т. XI ч. 1 ст. 608.

2) Полный для всѣхъ приходоѡ Лифляндской губерніи регулятивъ (списокъ повинностей въ пользу лютеранскихъ священно-служителей) былъ изданъ по распоряженію лифляндскаго губернатора въ 1888 году въ весьма небольшомъ количествѣ экземпляровъ, такъ какъ изданіе это (литографированное) предназначалось исключительно для пользованія лицъ и учрежденій крестьянскаго и земскаго управленія. Это весьма рѣдкое изданіе заключаетъ въ себѣ много чрезвычайно интересныхъ матеріаловъ для изслѣдованія бытовой стороны евангелическо-лютеранской церкви въ Лифляндіи.

зрѣніямъ придается реальный характеръ¹⁾, каковой характеръ, не будучи прямо опредѣленъ какимъ-либо положительнымъ закономъ, подтверждается однако многими правительственными распоряженіями²⁾. Заключая въ себѣ точный списокъ повинностей, установившихся еще въ прошломъ и предпрошломъ столѣтіяхъ, лифляндскіе регулятивы закрѣпляютъ такимъ образомъ порядки, существовавшіе въ столь отдаленныя времена. Между тѣмъ съ прошлаго столѣтія измѣнился весь строй существовавшихъ въ то время въ прибалтійскомъ краѣ отношеній, измѣнились аграрныя и экономическія условія, измѣнилась сущность земскихъ потребностей и даже измѣнилась производительность страны.

Не говоря уже о томъ, что при вышеописанномъ образованіи церковныхъ повинностей не можетъ быть и рѣчи о равномѣрности въ распредѣленіи ихъ между населеніемъ, выполненіе регулятивныхъ повинностей на практикѣ сопряжено съ величайшими затрудненіями.

Въ прежнее время, когда деньги были очень рѣдки и дороги, а трудъ, въ особенности крѣпостной, цѣнился, наоборотъ, очень низко, когда всѣ полевыя и хозяйственныя работы въ имѣніяхъ производились исключительно барщиной, большая часть церковныхъ повинностей заключалась въ поставкѣ для пастората извѣстнаго числа поденныхъ рабочихъ, при помощи которыхъ содержался въ исправности пасторатъ и обрабатывались пасторатскія поля. Въ общей массѣ регулятивныхъ повинностей поставка рабочихъ играетъ наиболѣе видную роль. Экономическія условія нынѣ измѣнились. Многія изъ современныхъ потребностей домашняго хозяйства нынѣ гораздо выгоднѣе удовлетворить наемнымъ, нежели обязательнымъ трудомъ. Многіе предметы выгоднѣе заказать, нежели изготовить своими рабочими. Между тѣмъ, значительное количество рабочихъ дней, которыми обязаны мызы и волости для выполненія регулятивныхъ повинностей, въ высшей степени

1) Понятіе о реальныхъ повинностяхъ разъяснено въ примѣчаніи 2 на страницѣ 78.

2) Резолюція прибалтійскаго генераль-губернатора 7 апрѣля 1773 г. Резолюція юстицъ-коллегіи 11 декабря 1769 г. Журналъ остзейскаго комитета отъ 4 апрѣля 1864 г. Сепаратный указъ правительствующаго сената (по Курляндской губерніи) 19 апрѣля 1863 года за № 21888 и другіе.

обременяетъ населеніе, принося въ то же время весьма мало пользы пастору, вслѣдствіе непроизводительности всякаго обязательнаго труда. Перевести же на деньги эту издѣльную повинность невозможно, ибо въ сложности общее число рабочихъ дней, упадающихъ на волости, переведенное на деньги по нынѣшнимъ высокимъ цѣнамъ, составитъ сумму непосильную для населенія; цѣны же, существовавшія въ моментъ составленія регулятивовъ, опредѣлить крайне затруднительно, а въ большей части случаевъ и невозможно.

Въ прежнее время, когда вотчиннику принадлежала вся земля, какъ мызная, такъ и крестьянская, да и сами крестьяне были крѣпостными, не могло быть и рѣчи о распредѣленіи регулятивныхъ повинностей между мызной и крестьянской землей имѣнія. Поэтому при составленіи регулятивовъ многихъ приходоу вотчинники, по показаніямъ которыхъ списки повинностей составлялись, ограничивались показаніемъ, что такую-то повинность пастору ставить имѣніе (т. е. совокупность мызной и крестьянской земли). Въ настоящее время между мызной и крестьянской землей проведена рѣзкая демаркаціонная черта. Связь между мызой и волостью во многихъ имѣніяхъ, гдѣ земля продана, совершенно уничтожилась, и когда возникъ вопросъ: какъ распредѣлить повинности, лежащія на всемъ имѣніи, между мызной и волостной землей, — въ законѣ не нашлось разрѣшенія по этому вопросу; вслѣдствіе чего лифляндскій губернаторъ, примѣняясь къ порядку отправленія церковныхъ повинностей, указанному въ 519 ст. крест. пол. 1819 года, вынужденъ былъ издать разъясненіе, что повинности въ такомъ случаѣ дѣлятся пополамъ: половину платитъ мыза, а половину — волость¹⁾.

По регулятивамъ нѣкоторыхъ приходоу, лежащихъ на побережьи Чудскаго или другихъ озеръ, имѣнія обязаны поставлать пасторамъ такое-то количество такого-то сорта рыбы. До сороковыхъ годовъ, т. е. до времени составленія регулятивовъ, рыба эта существовала во множествѣ въ озерахъ Лифляндской губерніи. Но нынѣ она въ значительной степени выловлена, и достать ее

---

¹⁾ См. циркулярное предписаніе лифляндскаго губернатора отъ 3 мая 1888 года за № 3597. Журналъ лифляндскаго губернскаго правленія 1 апрѣля 1888 г. № 267. (По Нитаускому приходу.)

можно лишь за весьма высокую цѣну, уплаты которой отъ населенія положительно невозможно требовать. Какъ поступить для того, чтобы не нарушить 608 ст. 1 ч. XI т. св. зак. 1857 г. о неизмѣнности доходовъ проповѣдника?

По регулятивамъ нѣкоторыхъ приходоу, прихожане обязаны доставлять пастору столько-то паръ обуви. Со времени составленія регулятивовъ типъ обуви перемѣнился. Возникаетъ вопросъ: какую обувь ставить — ту ли, которая ставилась во времена составленія регулятивовъ и которую нынѣ и достать нельзя, или современную, которая въ заготовленіи обходится значительно дороже?

Для устраненія этихъ и тому подобныхъ затрудненій и запутанностей, губернскимъ правленіемъ, въ случаѣ поступленія жалобъ, принимаются мѣры, но конечно паліативнаго характера, въ родѣ, напримѣръ, полюбовнаго соглашенія между заинтересованными лицами, изданія разъясненій, дополненій и даже новыхъ постановленій; но очевидно, что мѣръ этихъ недостаточно для разрѣшенія всѣхъ встрѣчающихся на практикѣ недоразумѣній, ибо невозможно наканунѣ XX столѣтія въ такомъ жизненномъ дѣлѣ, какъ дѣло земское, держаться законовъ XVIII и XVII вѣковъ¹⁾.

Въ Лифляндской губерніи въ послѣднее время неоднократно бывали случаи, что сами пасторы, не видя средствъ какъ помирить противорѣчіе между закономъ и условіями дѣйствительной жизни, тяготясь сложной процедурой, связанной со взысканіемъ нѣкоторыхъ регулятивныхъ повинностей, добровольно отъ нихъ отказывались, лишаясь законныхъ своихъ доходовъ вопреки 608 ст. 1 част. XI тома.

По отношенію къ повинностямъ втораго рода, т. е. налагаемымъ ежегодно по постановленіямъ церковныхъ

1) При примѣненіи на практикѣ старинныхъ законовъ, регулирующихъ церковныя повинности, случаются иногда комическіе эпизоды. Такъ, по регулятиву одного изъ приходоу Юрьевского уѣзда, пасторъ долженъ, въ числѣ прочихъ повинностей, получать съ крестьянъ ежегодно довольно значительное количество куръ. Потому ли, что пасторъ не требовалъ своевременнаго выполненія этой повинности, или же по неисправности плательщиковъ, на волостяхъ образовалась недоимка въ 700 куръ. Полицейскимъ чинамъ приходилось изыскивать особые приемы, какимъ образомъ собрать эту необычайную недоимку экзекуціоннымъ порядкомъ и доставить ее пастору.

конвентовъ, казалось, должно бы встрѣчаться менѣе затрудненій, ибо накладывающія эти повинности учрежденія естественно болѣе примѣняются къ условіямъ времени. Но и въ отправленіи этихъ повинностей является не малѣе затрудненій вслѣдствіе сохраненія за лютеранскою церковью характера земскаго учрежденія. Особенно много запутанности вноситъ въ отправленіе церковныхъ повинностей то обстоятельство, что съ 1840 и въ особенности съ 1845 года въ Лифляндіи возникло и стало быстро распространяться православіе. Охраняя достоинство православной церкви, правительство не могло, конечно, допустить, чтобы православные жители прибалтійскихъ губерній обложены были налогами въ пользу иновѣрной церкви. Послѣдовали многочисленныя Высочайшія повелѣнія, освобождающія православныхъ отъ такихъ налоговъ ¹⁾. Но примѣненіе на практикѣ новыхъ законовъ въ Лифляндіи встрѣтило величайшія затрудненія, не столько вслѣдствіе оппозиціи, оказываемой дворянствомъ и духовенствомъ такому уменьшенію доходовъ лютеранской церкви, сколько вслѣдствіе того, что законы эти въ корнѣ расходились съ неотмѣненными старинными земскими законами. На основаніи этихъ старинныхъ законовъ лютеранская церковь признавалась церковью земскою; церковныя повинности были также повинностями земскими и притомъ реальными, т. е. лежащими не на людяхъ, а на землѣ, обязательность которыхъ для земли этой истекаетъ изъ гражданскаго права. Нисколько не затрогивая этихъ общихъ положеній существующаго земскаго права, какъ бы игнорируя ихъ, новый законъ имѣлъ цѣлью разрѣшеніе лишь частнаго вопроса: объ обложеніи церковными повинностями лицъ православнаго исповѣданія. Разрѣшая этотъ вопросъ освобожденіемъ этихъ лицъ отъ вышеназванныхъ повинностей, законодательство тѣмъ самымъ устанавливало новый принципъ, діаметрально противоположный существовавшему прежде и донинѣ неотмѣненному, такъ какъ въ силу новаго принципа — церковныя повинности лежать не на землѣ, а на людяхъ. Этой двойственностью въ законодательствѣ только и можно объяснить то

---

¹⁾ Прим. къ ст. 608 н. 1 т. XI св. зак. изд. 1857 г. Высочайшія повелѣнія 14 декабря 1846 г., 29 декабря 1853 г. и 14 мая 1886 г.

чрезвычайно странное явленіе, что, не смотря на неоднократно Высочайшія повелѣнія о невзиманіи съ православныхъ повинностей въ пользу лютеранской церкви, даже высшія правительственныя учрежденія, какъ на примѣръ правительствующій сенатъ и остзейскій комитетъ — которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ оппозиціи —, тѣмъ не менѣе постановляли рѣшенія, несогласныя со смысломъ этихъ Высочайшихъ повелѣній¹⁾. Вслѣдствіе совмѣстнаго существованія двухъ нисколько между собой несогласованныхъ системъ отправленія церковныхъ повинностей возникаетъ, естественно, множество недоразумѣній. Положимъ, на примѣръ, существуетъ волость въ 40 крестьянскихъ дворовъ, которые по регулятиву обязаны платить мѣстному пастору 20 четвертей ржи. Изъ числа этихъ дворовъ 20 перешли въ собственность лицъ православнаго исповѣданія, на основаніи закона освобожденныхъ отъ какихъ бы то ни было налоговъ въ пользу лютеранской церкви и ея священнослужителей. Спрашивается — какъ поступить? По закону содержаніе пастору не можетъ быть уменьшено. Пасторъ, какъ получалъ прежде 20 четвертей ржи, такъ долженъ получать ихъ и нынѣ. Между тѣмъ, не только несправедливо было бы заставлять 20 дворохозяевъ платить то, что платили прежде 40 человекъ, но и противозаконно, ибо повинность въ 20 четвертей лежала по закону на всей волости, а не на половинѣ ея.

Въ Лифляндіи есть нѣсколько дворянскихъ вотчинъ, принадлежащихъ лицамъ православнаго исповѣданія. Какъ многократно въ настоящемъ изслѣдованіи упоминалось, церковныя, какъ и всѣ вообще земскія повинности сводятся, преимущественно, къ производству тѣхъ или другихъ строительныхъ работъ, причемъ матеріалы ставятся помѣщичьей землей, крестьяне же обязаны подвозить этотъ матеріалъ къ мѣсту постройки и поставить рабочихъ. Православный помѣщикъ освобождается отъ поставки матеріала. Тѣмъ самымъ крестьяне, не смотря на то, что они лютеранскаго исповѣданія, освобождаются отъ закономъ наложенной на нихъ обязанности по подвозкѣ матеріала, возбуждая справедливое неудовольствіе сосѣднихъ волостей, жители которыхъ не могутъ постигнуть, почему они обязаны

---

1) Рѣшенія эти приведены въ примѣчаніи на страницѣ 108.

исполнять такія повинности, отъ которыхъ единовѣрные имъ сосѣди освобождены только потому, что помѣщикъ принадлежитъ къ православному исповѣданію.

Не меньшія затрудненія встрѣчаются и при раскладкѣ повинностей по постановленіямъ церковныхъ конвентовъ. Повинности эти разлагаются между волостями по земскому списку 1832 года, пропорціонально числу талеровъ, считающихся по списку этому въ каждой волости. Между хозяевами же они разверстываются по вакенбуху или пропорціонально числу талеровъ каждой крестьянской усадьбы. Въ случаѣ если въ числѣ хозяевъ есть православные, не обязанные уплачивать лютеранскихъ церковныхъ повинностей, раскладка становится неправильной, ибо, естественно, на каждый талеръ хозяина такой волости падаетъ больше налоговъ, нежели на талеръ такой волости, гдѣ православныхъ нѣтъ. Обстоятельство это вынуждаетъ раскладывающія учрежденія прибѣгать къ такимъ ухищреніямъ, какъ снабженіе земли исповѣднымъ характеромъ, причемъ одни талеры считаются лютеранскими, а другіе православными, смотря по тому, принадлежатъ ли они православному или лютеранскому хозяину. Является такимъ образомъ новая категоризація земель, съ подраздѣленіемъ ихъ на земли лютеранскія и земли православныя. Положеніе очевидно нелѣпое, но нелѣпость эта логически истекаетъ изъ того кореннаго положенія лифляндскаго земскаго законодательства, которое включаетъ церковныя повинности въ число повинностей земскихъ.

Неправильность постановки вопроса о церковныхъ повинностяхъ неминуемо должна была весьма невыгодно отразиться и на организациі приходскихъ учреждений. Такъ въ дѣйствительности и случилось. Въ прежнее время, когда православныхъ въ Лифляндіи не было, земскимъ хозяйствомъ прихода, и между прочимъ и церковными дѣлами, завѣдывалъ одинъ конвентъ, называемый или приходскимъ (Kirchspiels-Convent) или церковнымъ (Kirchen-Convent), въ составъ котораго, какъ сказано на страницѣ 9, входили все владѣльцы дворянскихъ вотчинъ прихода и все волостные старшины. Съ распространеніемъ православія между лифляндскимъ крестьянскимъ населеніемъ въ составъ конвентовъ появились въ лицѣ волостныхъ старшинъ и члены православнаго исповѣданія,

которымъ, естественно, неудобно было поручить завѣдываніе дѣлами лютеранской церкви. Обстоятельство это послужило причиной тому, что въ 1870 г. прибалтійскій генералъ-губернаторъ, согласно съ постановленіемъ ландтага, вынужденъ былъ едѣлать распоряженіе¹⁾, въ силу котораго прежніе конвенты сельскихъ приходоѡ раздѣлились: на приходскіе конвенты, въ коихъ подлежатъ обсужденію земскія дѣла, не касающіяся лютеранскихъ церквей и школъ, и на церковно-училищные конвенты, предназначенные для завѣдыванія исключительно дѣлами, касающимися церквей и школъ. Составъ перваго изъ этихъ конвентовъ остался прежній, т. е. въ немъ принимаютъ участіе всѣ владѣльцы вотчинъ и всѣ волостные старшины. Въ церковно-училищныхъ же конвентахъ вмѣсто волостныхъ старшинъ членами назначаются особые, по одному на каждую волость, депутаты, выбираемые на три года волостями изъ числа дворохозяевъ лютеранскаго исповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждомъ приходѣ выбирается и по два попечителя: одинъ церковнымъ конвентомъ — церковный попечитель и одинъ приходскимъ конвентомъ — приходскій попечитель²⁾. Въ приходоѡ является такимъ образомъ два облагающихъ учрежденія. Конечно, въ виду вышеизложеннаго состава обоихъ конвентовъ, большая часть членовъ которыхъ (вотчинники) одни и тѣ же лица, между ними устанавливается значительная солидарность; тѣмъ не менѣе существованіе въ одной земской территоріальной единицѣ двухъ облагающихъ учрежденій нельзя не признать аномаліей.

Вопросъ о церковныхъ повинностяхъ пріобрѣтаетъ еще большее значеніе и еще болѣе усложняется влѣдствіе тѣсной связи, существующей въ прибалтійскомъ краѣ между церковью и школой. Исходя изъ той точки зрѣнія, что народныя школы не могутъ имѣть никакой другой основы, кромѣ основы религіозной, мѣстное законодательство, совершенно правильно, придало народнымъ школамъ конфессіональный характеръ. Всѣ народныя школы въ прибалтійскомъ краѣ — учрежденія церковныя³⁾. Школа

1) Печ. указъ лфл. губ. правл. 16 октября 1870 г. № 128.

2) На практикѣ въ большей части приходоѡ обѣ эти должности соединены въ одномъ лицѣ.

3) Крестьянское положеніе 1860 г. ст. 590 и 591.

есть, такъ сказать, часть церкви, а слѣдовательно и школьныя повинности суть повинности церковныя. Но земскими школами, казалось, должны бы были пользоваться и православные крестьяне губерніи. Между тѣмъ, освобождая лицъ православнаго исповѣданія отъ повинностей церковныхъ, приходится освобождать ихъ отъ повинностей школьныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишать возможности пользоваться земскою школою. Законъ, ограждающій православныхъ отъ сборовъ въ пользу лютеранской церкви, имѣющій цѣлью покровительство православнаго населенія, обращается ему во вредъ, лишая православныхъ возможности пользоваться средствами земли для своего школьнаго образованія и вынуждая правительство жертвовать значительными суммами на устройство и содержаніе православныхъ приходскихъ школъ.

Приведенныхъ выше примѣровъ достаточно, чтобъ убѣдиться, что старинный, исторически создавшійся принципъ, въ силу котораго церковнымъ учрежденіямъ въ прибалтійскомъ краѣ приданъ земскій характеръ, нынѣ, подточенный послѣдующими историческими событіями, отжилъ свой вѣкъ и рушился. Нельзя придавать церкви земскій характеръ въ странѣ, гдѣ существуютъ различныя исповѣданія. Лютеранская церковь, бывшая въ теченіи столѣтій земскою церковью (*Landeskirche*), нынѣ перестала быть таковою, почему и необходимо при переустройствѣ земскихъ учреждений прежде всего изъ общаго земскаго устройства края вывести устройство лютеранской церкви.

V.

Слѣдующимъ недостаткомъ земскаго устройства Лифляндской губерніи надлежитъ признать крайнюю неопредѣленность и неполноту законовъ, устанавливающихъ организацію существующихъ земскихъ учреждений. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что организація эта имперскимъ закономъ вовсе не опредѣлена. Въ теченіи столѣтій существуютъ въ Лифляндіи, живя полною жизнью и развивая огромную дѣятельность, подобную которой не развивало, конечно, ни одно земское учрежденіе въ мірѣ, и ландтагъ, и дворянскій конвентъ, и ландратская коллегія, но о порядкахъ земской собственно ихъ дѣятельности, о компетенціяхъ ихъ по земскому дѣлу и т. п. въ законѣ

упоминается лишь вскользь, ибо существуетъ положеніе о ландтагѣ, дворянскомъ конвентѣ и ландратской коллегіи, какъ объ учрежденіяхъ дворянскихъ, но нѣтъ положенія объ нихъ, какъ объ учрежденіяхъ земскихъ. Еще продолжительнѣе существованіе, еще ярче и всестороннѣе дѣятельность приходскихъ учреждений, но и объ ихъ организаціи, даже можно сказать, — объ ихъ существованіи имперскій законъ почти не упоминаетъ. Подробности всего, въ основаніяхъ своихъ весьма правильнаго, устройства земства Лифляндской губерніи опредѣляются такимъ образомъ не какими-либо писанными положеніями, а обычаемъ, практикой прежнихъ лѣтъ и распоряженіями исключительно административнаго характера. Такое ненормальное положеніе органическаго законодательства порождаетъ не мало затрудненій.

Въ прежнее время, когда вся земля принадлежала помѣщикамъ, неудобства отъ такой слишкомъ большой простоты законодательства были не особенно чувствительны. Вотчинники, связанные между собой единствомъ происхожденія и воспитанія, единствомъ взглядовъ на провинціальныя дѣла, а равно и корпоративными связями, дѣйствовали постоянно солидарно, и какія-либо несогласія въ земскихъ собраніяхъ, а въ особенности приходскихъ конвентахъ, улаживались сами собой, не будучи доводимы до губернскаго начальства. Ревниво оберегая самостоятельность земскихъ учреждений Лифляндіи, земскіе дѣятели того времени боялись вмѣшавать правительство въ свои внутреннія дѣла, что съ другой стороны вполнѣ устраивало и мѣстную правительственную власть, слѣдовавшую данной ей свыше программѣ: удерживаться отъ таковаго вмѣшательства. Крестьяне-депутаты, въ свою очередь, находясь въ сильнѣйшей экономической зависимости отъ вотчинниковъ, также не рѣшались противорѣчить на конвентахъ и подавать какія-либо жалобы на нарушеніе ихъ правъ конвентскими повинностями. Но въ послѣднее время, когда огромное большинство крестьянъ выкупило свою землю, когда крестьяне, образовавъ многочисленное и сильное сословіе, почувствовали свою независимость, они стали являться на конвенты съ самостоятельными голосами. Прежняя сильнѣйшая солидарность между членами конвента разрушилась. Въ средѣ кон-

вентовъ появились новыя стремленія, новыя требованія, истекающія изъ интересовъ вновь возникшаго мелкаго землевладѣнія, каковыя интересы не всегда сходились съ интересами землевладѣнія крупнаго, и потому въ прежнее время весьма часто отодвигались на второй планъ. На конвентахъ начались разногласія, а влѣдствіе этого, естественно, въ средѣ ихъ членовъ стали появляться стремленія оспаривать законность такихъ постановленій, которыя не удовлетворяли ту или другую партію. Стали подниматься вопросы, въ родѣ того: какое число членовъ должно участвовать на конвентѣ, чтобы оно считалось состоявшимся, какимъ большинствомъ голосовъ постановленія конвента приобрѣтаютъ законность, имѣютъ ли право члены конвента посылать за себя довѣренныхъ, сколько довѣренностей можетъ имѣть отдѣльный членъ конвента, кто можетъ быть довѣреннымъ, какіе поводы могутъ считаться достаточными для кассации постановленія конвента высшею властью и т. д., и т. д. На всѣ эти вопросы законъ, написанный въ предположеніи совершенно однороднаго состава членовъ конвента, отвѣта не давалъ. И когда стали поступать жалобы на постановленія конвентовъ въ губернское правленіе, — которому по закону принадлежитъ надзоръ за дѣятельностью мѣстныхъ земскихъ учреждений, — губернское правленіе для разрѣшенія ихъ не имѣло никакого органическаго закона о конвентахъ, кромѣ 683 ст. 1 ч. XI т. св. зак. 1857 г., гласящей, что обязанности приходскихъ попечителей, отношенія ихъ къ конвенту и высшему начальству во всемъ, что не измѣнено уставомъ евангелическо-лютеранской церкви, остаются на прежнемъ основаніи. Но такъ какъ всѣ существующія въ краѣ отношенія, въ силу естественнаго теченія вещей, измѣнились въ корнѣ, такъ какъ между отношеніями, существовавшими до введенія евангелическо-лютеранскаго устава, т. е. чуть ли не во времена крѣпостнаго права, и отношеніями, нынѣ существующими, общаго ничего нѣтъ, то и этотъ законъ прилагать было невозможно. Въ то же время земская жизнь края шла своимъ чередомъ. При высокой, быстро возрастающей культурѣ мѣстнаго населенія постоянно возрождались новыя вопросы и новыя потребности, требовавшіе неотложнаго рѣшенія и удовлетворенія. Между тѣмъ законодательная власть безмолвствовала, предоста-

вляя прибалтійскому краю, отдѣленному въ то время какъ бы китайской стѣной отъ остальной Россіи, самому разбираться въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. При такихъ условіяхъ волей или неволей губернскому начальству пришлось взять на себя роль законодательнаго учрежденія, причемъ губернскимъ правленіемъ издавались такъ называемые патенты или печатные (объявленные въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ) указы, служившіе основаніемъ какъ для упорядоченія дѣятельности земскихъ учреждений, такъ и для разрѣшенія всѣхъ возникающихъ вслѣдствіе отсталости и неполноты земскаго законодательства недоразумѣній. Подобные указы, регламентирующіе мѣстную земскую жизнь Лифляндіи, издавались губернскимъ начальствомъ при постоянномъ участіи мѣстныхъ земскихъ учреждений, ибо, на основаніи закона¹⁾, очередной ландратъ обязанъ принимать участіе въ засѣданіяхъ губернскаго правленія въ тѣхъ случаяхъ, когда на засѣданіяхъ этихъ разрѣшаются вопросы, съ которыми связаны интересы дворянства. На изданіе этихъ указовъ губернское начальство рѣшалось обыкновенно только тогда, когда необходимость ихъ вызывалась дѣйствительными и притомъ неотложными потребностями. Не навѣянные извиѣ какія-либо экономическія и соціальныя отвлеченныя доктрины, а явленія, выросшія на почвѣ реальной жизни населенія, вызывали эти распоряженія, которыя, въ большей части случаевъ, закрѣпляли собой то, что выработала самая жизнь провинціи. Являясь, такимъ образомъ, лишь дальнѣйшимъ, — насколько его вызывали вновь появляющіяся потребности страны, — органическимъ развитіемъ стариннаго земскаго права, это своеобразное, исходящее не отъ подлежащей власти, земское законодательство Лифляндіи никогда не опережало земской ея жизни, каковому обстоятельству въ значительной степени слѣдуетъ приписать благоустройство, наблюдаемое во многихъ отрасляхъ лифляндскаго земскаго хозяйства. Напротивъ, законодательство это постоянно шло, такъ сказать, позади жизни; причемъ, какъ это видно изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи, оно отставало отъ нея иногда слишкомъ сильно и даже во вредъ интересамъ

1) Ст. 567 II части св. мѣстн. узак. губ. остз.

края, какъ на примѣръ въ вопросѣ о церковныхъ лютеранскихъ повинностяхъ, о системѣ оцѣнки недвижимостей и тому подобныхъ. Передъ вопросами этими, въ виду особой ихъ важности, а главное въ виду того, что они затрогивали общегосударственные интересы, губернское начальство, естественно, останавливалось, поневолѣ сохраняя порядки, иногда совершенно несомвѣстныя съ положеніемъ вещей. Всѣ вышеизложенныя условія образованія земскаго законодательства въ Лифляндіи придавали теченію земскихъ ея дѣлъ особое, въ высшей степени консервативное направленіе. Являясь, какъ выше сказано, естественнымъ развитіемъ мѣстнаго земскаго права, тщательно избѣгая рѣзкихъ поворотовъ и потрясеній въ установившемся вѣкахъ порядкѣ земской жизни, всегда неблагопріятно отзывающихся на экономическихъ условіяхъ страны, — патенты лифляндскаго губернскаго правленія встрѣчались обыкновенно мѣстнымъ населеніемъ съ полнымъ сочувствіемъ. Компетентность этихъ указовъ никогда почти не оспаривалась, и, вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, признавать ее вынуждены были даже высшія правительственныя учрежденія, какъ на примѣръ правительствующій сенатъ и министерство внутреннихъ дѣлъ.

Въ послѣднее время однако положеніе дѣлъ въ прибалтійскомъ краѣ измѣнилось настолько, что едва ли представляется цѣлесообразнымъ сохранить существующій порядокъ въ развитіи земскаго законодательства, предоставленнаго до нынѣ исключительно мѣстнымъ элементамъ и мѣстнымъ правительственнымъ учрежденіямъ. Съ появленіемъ самостоятельнаго и могущественнаго мелкаго землевладѣнія, съ появленіемъ новыхъ фазисовъ въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ, съ развитіемъ новыхъ, кромѣ земледѣлія, сельскихъ промысловъ, съ общимъ, наконецъ, развитіемъ страны и ея потребностей на сцену выступило множество новыхъ факторовъ, весьма сильно вліяющихъ на теченіе земскихъ дѣлъ. Всѣ эти факторы настолько осложнили различныя отношенія, существующія въ краѣ, что прежній способъ управленія земскими ея дѣлами лишь на основаніи обычая, практики прежнихъ лѣтъ и распорядженій административнаго характера становится крайне затруднительнымъ. Посему полный пересмотръ всѣхъ

земскихъ установленій и изданіе компетентною законодательною властью положенія о земскихъ учрежденіяхъ прибалтійскаго края, точно опредѣляющаго порядки дѣятельности этихъ учреждений, становится нынѣ дѣломъ крайней необходимости.

VI.

Весьма важный недостатокъ лифляндскаго земскаго устройства составляетъ неправильность въ составѣ членовъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ органовъ губернскаго земства, а именно дворянскаго конвента. Недостатокъ этотъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что въ немъ нельзя не видѣть уклоненія отъ кореннаго, исторически установившагося начала въ устройствѣ земскихъ учреждений прибалтійскихъ губерній, заключающагося въ непризнаніи земствомъ какихъ-либо сословныхъ преимуществъ. Какъ выше было сказано, во всѣхъ земскихъ учрежденіяхъ губерній представительствомъ пользуется лишь земля. Принципъ этотъ проведенъ съ большою строгостью въ приходскомъ устройствѣ. Совершенно не завися отъ сословія землевладѣльцевъ, приходскій конвентъ являетъ представительство мызнаго (крупнаго) и крестьянскаго (мелкаго) землевладѣнія. Этотъ же принципъ проведенъ и въ учрежденіи ландтага, гдѣ имѣютъ представительство всѣ дворянскія вотчины, къ какому бы сословію владѣльцы ихъ ни принадлежали. Лишь въ учрежденіи дворянскаго конвента замѣчается отступленіе отъ этого начала. Дворянскій конвентъ состоитъ изъ двѣнадцати ландратовъ, двѣнадцати уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ, двухъ депутатовъ дворянской кассы и губернскаго предводителя дворянства, т. е. изъ лицъ, принадлежащихъ непременно къ матрикулованному лифляндскому дворянству и выбранныхъ на свои должности также матрикулованными дворянами. Въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія изложены были обстоятельства, при которыхъ образовалось это учрежденіе. Вызвавшія его къ жизни причины были политическаго свойства, а именно: сначала репрессивныя мѣры, принятыя шведскимъ правительствомъ противъ дворянскаго землевладѣнія, а засимъ — быстро воспослѣдовавшее покореніе Лифляндіи Петромъ Великимъ, возстановившимъ огульно всѣ старинныя привилегіи лиф-

ляндскаго дворянства. Въ этотъ смутный періодъ жизни провинціи, въ средѣ дворянства появилось стремленіе къ образованію корпораціи, съ цѣлью защиты соихъ — съ начала имущественныхъ, а потомъ и политическихъ правъ. Воспользовавшись этими историческими событіями для обезпеченія своего вліянія на управленіе страной, дворянство образовало новое, несуществовавшее прежде, земское распорядительное собраніе. Не естественное, спокойное развитіе мудрыхъ началъ, положенныхъ шведскимъ правительствомъ въ основаніе земскаго устройства Лифляндіи въ первой половинѣ XVII вѣка, а коренной переворотъ, произведенный королемъ Карломъ XI въ социальномъ вопросѣ (вопросѣ о землевладѣніи), и еще болѣе сильный переворотъ въ политическомъ положеніи Лифляндіи, перешедшей изъ шведскаго въ русское подданство, были причинами образованія лифляндскаго дворянскаго конвента. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ въ Лифляндіи образовалось учрежденіе, столь противорѣчащее общимъ началамъ, положеннымъ въ основаніе ея земскаго устройства. Нѣтъ спору, что въ практическомъ отношеніи учрежденіе это представляетъ нѣкоторыя немаловажныя выгоды. Существованіемъ его устраняется необходимость частаго созыванія ландтага. А главное, учрежденіе дворянскаго конвента, въ составъ котораго входятъ лица, замѣщающія извѣстныя должности — слѣдовательно принимающія участіе въ конвентѣ по личному праву, даетъ возможность обойтись безъ особыхъ земскихъ выборовъ, которыхъ лифляндское земское устройство, совершенно основательно, съ большой тщательностью постоянно избѣгало. Тѣмъ не менѣе, выгоды эти не въ состояніи исправить кореннаго недостатка, таящагося въ этомъ случайно образовавшемся учрежденіи. Посему вполне правильно было бы установить, чтобъ замѣняющее ландтагъ, въ періодъ времени отъ одной сессіи до другой, учрежденіе составлено было изъ тѣхъ же элементовъ, изъ коихъ состоитъ и самый ландтагъ, т. е. изъ представителей той земли, которую ландтагъ представляетъ, а не изъ представителей сословія.

Этотъ недостатокъ въ составѣ дворянскаго конвента вполне сознается въ прибалтійскихъ губерніяхъ, свидѣтельствомъ чему служить примѣръ Курляндіи, гдѣ подѣ

названіемъ дворянскаго комитета существуетъ учрежденіе, вполнѣ соотвѣтствующее лифляндскому конвенту. Въ составъ этого комитета, по закону¹⁾, входятъ губернской и всѣ десять уѣздныхъ предводителей дворянства. Лица эти, такъ же какъ и дворянскіе чиновники (ландраты и уѣздные депутаты) Лифляндской губерніи, въ прежнее время избирались одними только дворянами²⁾. Подобное противорѣчіе въ составѣ дворянскаго комитета и основными принципами прибалтійскаго земскаго устройства заставило курляндское дворянство, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, ходатайствовать передъ высшею властью объ измѣненіи порядка дворянскихъ выборовъ вообще и въ томъ числѣ выборовъ предводителей. Нынѣ всѣ предводители избираются не одними только дворянами, но и лицами другихъ сословій, владѣющими на правѣ собственности дворянскими вотчинами³⁾, а слѣдовательно составъ комитета является уже не сословнымъ, а земскимъ. Избраніе предводителей дворянства лицами, не принадлежащими къ дворянскому сословію, представляется вопіющей несообразностью по понятіямъ внутреннихъ губерній. Въ прибалтійскихъ же губерніяхъ, гдѣ сословными преимуществами пользуется земля, а не люди, гдѣ сформированная въ крупныя хозяйственныя единицы земля (дворянская вотчина) — сама, такъ сказать, дворянинъ, этотъ порядокъ въ дворянскихъ выборахъ является вполнѣ послѣдовательнымъ, и о примѣненіи его къ Лифляндіи не разъ поднимался вопросъ мѣстными дворянами. Вышеупомянутая характеристическая черта прибалтійскаго дворянскаго и земскаго устройства, о которой многократно говорено было въ настоящемъ изслѣдованіи, весьма ярко выражается и въ Лифляндіи, между прочимъ, той особенностью, что здѣсь существуетъ какъ бы два губернскихъ предводителя дворянства. Кромѣ лица, носящаго этотъ титулъ (ландмаршалъ), есть еще очередной ландратъ. На очереднаго ландрата ранѣе всѣхъ возлагается, какъ сказано въ законѣ⁴⁾, бдительное, отеческое попеченіе объ охра-

1) Ст. 768 II части св. мѣст. узак. губ. остр.

2) Ст. 276 той же части, того же свода.

3) Высочайшее повелѣніе 27 мая 1870 г. ст. 1. Полн. собр. зак. № 48424.

4) Ст. 563 II части св. мѣст. узак. губ. остр.

неніи правъ, преимуществъ, учреждений и правилъ дворянскаго общества. Ему въ губерніи, какъ главному представителю интересовъ лифляндскаго дворянства, предоставлено закономъ первое, послѣ губернатора, мѣсто²⁾. Параллельное существованіе этихъ двухъ должностей является совершенно непонятнымъ для незнакомыхъ съ внутреннимъ устройствомъ Лифляндской губерніи. Между тѣмъ, оно истекаетъ изъ исторически выработавшихся началъ этого устройства. Очередной ландратъ есть предводитель дворянства, какъ дворянскаго (крупнаго) землевладѣнія, т. е. того дворянства, которому статьею 32 II части св. мѣст. узак. губ. остз. предоставлены весьма важныя политическія права и значительная роль въ управленіи земскими дѣлами губерніи, — того дворянства, однимъ словомъ, которое въ старинныя времена называлось: *Ritterschaft und Landschaft*. Ландмаршалъ — есть предводитель дворянства, какъ корпораціи (матрикулованнаго дворянства — *Ritterschaft*). Вслѣдствіе непониманія этихъ особенностей мѣстнаго законодательства, недостаточно отгнанныхъ въ довольно плохо составленной II части св. мѣст. узак., наше законодательство послѣдняго времени по отношенію къ Лифляндской губерніи впадало въ постоянныя ошибки. Такъ, при учрежденіи въ Лифляндіи губернскихъ по городскимъ и по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, членомъ отъ дворянства въ эти присутствія назначень губернской предводитель (ландмаршалъ), каковое назначеніе, по духу лифляндскаго устройства, лишено всякаго смысла, подобно тому, какъ не имѣло бы смысла назначеніе въ лифляндское губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, вмѣсто рижскаго городского головы, — альтермановъ большой и малой гильдіи г. Риги. Назначеніемъ этимъ законодательство, руководствуясь сходствомъ названій, желало, повидимому, обезпечить большее однообразіе въ составѣ лифляндскихъ смѣшанныхъ присутствій съ подобными же присутствіями внутреннихъ губерній. На дѣлѣ же вышло обратное, ибо характеръ должности очереднаго ландрата гораздо ближе подходитъ къ характеру должности губернскаго предводителя дворянства внутреннихъ губерній, нежели характеръ ландмаршала. Во

1) Сравни ст. 560 и 604 II части св. мѣст. узак. губ. остз.

внутреннихъ губерніяхъ дворянскихъ корпорацій не существуетъ, а потому, естественно, тамъ не можетъ быть и должности, соотвѣтствующей должности лифляндскаго губернскаго предводителя дворянства¹⁾.

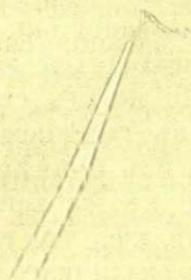
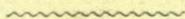
VII.

Наконецъ, можно признать недостаткомъ и отсутствіе, при существующей организаціи земскихъ лифляндскихъ учреждений, представительства мелкаго землевладѣнія въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, т. е. на ландтагахъ, гдѣ таковымъ представительствомъ пользуется лишь крупное землевладѣніе. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, слѣдуетъ признать въ нѣкоторой степени гадательнымъ. По свойству предметовъ занятій губернскаго земскаго собранія, обнимающихъ потребности всей губерніи, мелкое землевладѣніе въ дѣлахъ этихъ мало заинтересовано, тѣмъ болѣе, что, при настоящей организаціи земскаго устройства въ Лифляндіи, большая часть отраслей земскаго хозяйства сосредоточена въ приходахъ; губернскимъ же учреждениямъ предоставлено преимущественно завѣдываніе обязательными земскими повинностями. Что же касается до наблюденія за правильностью распредѣленія тяжести губернскихъ повинностей между крупными и мелкими собственниками, то такъ какъ это распредѣленіе во всякомъ благоустроенномъ земствѣ опредѣляется законами обложенія — законы эти достаточно обезпечиваютъ мелкое землевладѣніе отъ излишнихъ налоговъ. Представители мелкаго землевладѣнія суть преимущественно крестьяне. По сферѣ своихъ потребностей, по уровню своего образованія они мало способны судить о земскихъ дѣлахъ, касающихся всей губерніи. Въ дѣлахъ этихъ едва ли они могутъ сказать свое компетентное слово, и роль ихъ въ губернскомъ земскомъ собраніи, какъ это видимъ мы изъ примѣровъ внутреннихъ губерній, приводится часто къ жалкой роли какихъ-то безмолвныхъ статистовъ или же, что еще хуже, къ роли матеріала для составленія различнаго рода партій. По этимъ причинамъ, отсутствіе представителей мелкаго землевладѣнія въ

¹⁾ Замѣчаніе это не относится до Курляндской и Эстляндской губерній, гдѣ очередныхъ ландратовъ нѣтъ и обѣ должности ландмаршала и очереднаго ландрата соединены въ одномъ лицѣ.

губернскомъ земскомъ собраніи не слѣдовало бы считать недостаткомъ существующаго земскаго устройства Лифляндіи.

Гораздо правильнѣе защиту интересовъ мелкаго землевладѣнія, если есть поводъ опасаться возможности нарушенія ихъ постановленіями губернскаго земскаго собранія, основать на надзорѣ правительственнаго учрежденія, поставленнаго во главѣ земства, какъ это имѣетъ мѣсто нынѣ, когда защита интересовъ мелкаго землевладѣнія предоставлена губернской администраціи. Приведенныя въ настоящемъ изслѣдованіи многочисленныя распоряженія лифляндскаго губернскаго начальства въ періодъ времени съ 1885 года достаточно ясно показываютъ, какъ много можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи въ Лифляндіи мѣстная правительственная власть, если она не уклоняется отъ закономъ предписанной ей обязанности сильной рукой входить во всѣ подробности земскихъ распоряженій.

Глава IV.

Общіе выводы. Причины неуспѣшности работъ, предпринятыхъ правительствомъ по переустройству земскихъ учреждений прибалтійскаго края. Порядокъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться при организованиіи этихъ работъ. Изытіе изъ вѣдомства земскихъ учреждений дѣлъ конфессіональнаго характера. Упраздненіе привилегій мызныхъ земель. Измѣненіе системы оцѣнки недвижимостей.

Въ предыдущихъ главахъ настоящаго изслѣдованія изложенъ критическій разборъ достоинствъ и недостатковъ существующаго, вѣками создавагоса земскаго устройства Лифляндской губерніи, насколько они выясняются практикой современнаго управленія губерніей. Резюмируя все изложенное выше относительно этихъ достоинствъ и недостатковъ и сопоставляя ихъ между собой, мы видимъ слѣдующее.

Хорошими сторонами въ земскомъ устройствѣ слѣдуетъ считать:

- а) искусное организование надлежащей связи между низшими (приходскими) и высшими (губернскими) земскими учреждениями, обеспечивающее единство и стройность въ дѣятельности всего земства;
- б) сильное подчиненіе дѣятельности земства правительственному надзору;
- в) правильность представительства въ земскихъ собраніяхъ, предоставленнаго лишь одной землѣ, т. е. крупному и мелкому землевладѣнію, причемъ словіе землевладѣльца никакого значенія не имѣетъ;
- г) незначительное примѣненіе выборнаго начала въ земскомъ представительствѣ, ограничивающее возможность какой-либо выборной агитаціи и связанныхъ съ нею злоупотребленій;
- д) въ значительной степени проведенный въ земствѣ принципъ бесплатной службы, путемъ привлеченія

къ земскому дѣлу большаго числа лицъ, въ сильнѣйшей степени заинтересованныхъ въ правильномъ теченіи дѣлъ, и проистекающая оттуда дешевизна содержанія земскаго управленія;

- е) удачный выборъ земской территоріальной единицы въ лицѣ прихода.

Съ другой стороны, недостатками лифляндскаго земства слѣдуетъ признать:

- а) неправильность системы земскаго обложенія по старинному шведскому, выработанному въ XVII столѣтіи, способу оцѣнки земли на талеры, вслѣдствіе чего значительная часть весьма доходныхъ земель ускользаетъ отъ обложенія, другая же часть облагается крайне неравномѣрно;
- б) несправедливая привилегія, предоставленная крупному землевладѣнію посредствомъ освобожденія его отъ обложенія губернскими земскими повинностями, существующая, впрочемъ, de facto нынѣ лишь относительно натуральныхъ повинностей и то не всѣхъ;
- в) двойственность въ порядкѣ обложенія, расходованія и отчетности земскихъ сборовъ, выражающаяся въ существованіи двухъ независимыхъ другъ отъ друга земскихъ кассъ и нѣсколькихъ системъ и органовъ обложенія, дѣйствующихъ одновременно въ одной и той же земской территоріальной единицѣ;
- г) существованіе, въ числѣ земскихъ повинностей, повинностей на содержаніе лютеранской церкви и ея служителей;
- д) отсутствіе органическаго законодательства, регламентирующаго въ достаточной степени порядки дѣятельности органовъ существующаго земскаго устройства;
- е) неправильность состава дворянскаго конвента, какъ губернскаго земскаго учрежденія, каковою неправильностью нарушается принципъ бессословности въ составѣ земскихъ учреждений, послѣдовательно проведенный во всѣхъ прочихъ учрежденіяхъ подобнаго рода; наконецъ,
- ж) недостатокъ — нѣсколько гадательный, — отсутствіе представительства мелкаго землевладѣнія въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.

Задача устройства земскаго дѣла въ какой-либо странѣ распадается на двѣ главныя задачи, а именно:

- а) задача, такъ сказать, административнаго характера, заключающаяся въ учрежденіи органовъ, завѣдующихъ земскими повинностями и земскимъ хозяйствомъ, и
- б) задача характера экономическо-финансоваго, заключающаяся въ установленіи системы, порядковъ и способовъ земскаго обложенія.

Изъ вышеприведеннаго сопоставленія достоинствъ и недостатковъ существующаго въ Лифляндіи земскаго устройства не трудно убѣдиться, что всѣ почти замѣченные недостатки этого устройства относятся къ выполненію второй задачи, т. е. къ финансовой сторонѣ земскаго дѣла. Эта сторона земскаго дѣла въ Лифляндіи дѣйствительно не выдерживаетъ критики. Неустройство (существованіе двухъ земскихъ кассъ и двухъ органовъ земскаго обложенія, какъ губернскаго, такъ и приходскаго), несправедливость (привилегія мызной земли), нераціональность (существованіе церковныхъ повинностей въ числѣ земскихъ), несоотвѣтствіе здоровымъ экономическимъ принципамъ (исключительное обложеніе земледѣльческаго труда), — вотъ тѣ черты, которыя характеризуютъ существующее земское обложеніе Лифляндской губерніи. Недостатки эти настолько явны, что они, какъ вредящіе экономическому благосостоянію страны, а слѣдовательно и интересамъ всей имперіи, составляютъ достаточное основаніе для немедленнаго переустройства земской части въ прибалтійскомъ краѣ.

Если, съ другой стороны, обратить вниманіе на перечень хорошихъ сторонъ лифляндскаго земскаго устройства, то легко убѣдиться, что всѣ они относятся къ административной части разрѣшаемой задачи. Хотя по этой части и встрѣчаются недостатки, какъ напримѣръ отсутствіе органическаго законодательства, регламентирующаго порядокъ дѣятельности этихъ учреждений, существованіе въ приходахъ двухъ органовъ обложенія, неправильный составъ дворянскаго конвента, какъ губернскаго земскаго учрежденія и т. д., но недостатки эти, какъ это нетрудно убѣдиться изъ данныхъ, представляемыхъ настоящимъ изслѣдованіемъ, слѣдуетъ приписать никакъ не общей системѣ существующихъ земскихъ учреждений, а лишь

равнодушію законодательной власти, которая отстранила себя от своевременнаго упорядоченія этого дѣла, ей исключительно принадлежащаго. Въ основныхъ же чертахъ своихъ общая система земскихъ учрежденій Лифляндской губерніи обладаетъ такими достоинствами, которые дѣлаютъ ее несравненно болѣе совершенной, нежели даже вновь введенное земское устройство внутреннихъ губерній, каковыя губерніи въ отношеніи организаціи земскихъ учрежденій могли бы позаимствовать много хорошаго изъ губерній прибалтійскихъ. Выводъ этотъ въ состояніи дать правильныя указанія, на что именно должно быть обращено вниманіе при реорганизованіи земской части въ прибалтійскихъ губерніяхъ, а равно и относительно порядка, въ которомъ эти работы должны быть ведены.

Вопросъ о реорганизаціи земскаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ возбужденъ былъ еще въ 1887 году, т. е. семь лѣтъ тому назадъ. Для разрѣшенія этого вопроса министерство внутреннихъ дѣлъ не щадило усилій. Образовывались многочисленныя совѣщательныя комиссіи, вызывались прибалтійскіе губернаторы, которые по мѣсяцамъ оставались въ Петербургѣ, сочинялись цѣлые томы различныхъ записокъ и журналовъ. А между тѣмъ разрѣшеніе вопроса въ теченіи семи лѣтъ нисколько не подвинулось. Естественно возникаетъ вопросъ: какаю этому причину? Причиной этому было недостаточное знакомство съ положеніемъ земскаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ. Хотя и собраны были по этому дѣлу многіе весьма цѣнные матеріалы и изслѣдованія, но матеріалы эти, исключительно статистическаго характера, не были надлежащимъ образомъ освѣщены. Они не были подвергнуты надлежащей критикѣ. Не было восстановлено связи между современнымъ положеніемъ земства и исторіей страны. Не было обращено вниманія на историческое развитіе земскаго права въ прибалтійскомъ краѣ, съ тѣмъ, чтобы въ общей системѣ мѣстнаго земскаго законодательства выяснить: какія явленія, такъ сказать, органическія — вытекающія изъ земскаго права, и какія случайныя — вытекающія изъ причинъ, внѣ земства находящихся. Это незнакомство съ существующимъ положеніемъ вещей и было причиной многихъ неправильностей въ ходѣ работъ по реорганизаціи земскихъ установленій въ прибалтійскихъ губерніяхъ, затормозившихъ эти

работы. Къ тому же были и другія обстоятельства, значительно помѣшавшія дѣятельности правительства въ этомъ отношеніи. При извѣстныхъ господствовавшихъ въ то время (1887 г.) теченіяхъ, на земское дѣло прибалтійскихъ губерній, — дѣло чисто экономическое-хозяйственное, — глядѣли исключительно съ политической точки зрѣнія. Приступая къ переустройству земства, задавались не той задачей, чтобы наилучшимъ образомъ устроить земское хозяйство русской провинціи, а другой — чисто политическаго характера, а именно, какъ бы уничтожить вліяніе на теченіе земскихъ дѣлъ мѣстнаго дворянства. Подъ вліяніемъ ретроспективнаго и притомъ неоправдываемаго надлежащими научными изслѣдованіями взгляда на исторію отношеній прибалтійскаго края къ Россіи, подъ вліяніемъ какого-то неизъяснимаго страха передъ воображаемыми силами прибалтійскаго дворянства и столь же неизъяснимаго недовѣрія къ силамъ правительства, многіе полагали, что, какъ бы ни было незначительно участіе, предоставленное дворянству въ управленіи земскими дѣлами, какое бы вліяніе на земскія дѣла ни было предоставлено закономъ органамъ мѣстной правительственной власти, вліяніе это непременно будетъ парализовано мѣстными элементами въ ущербъ интересамъ государственнымъ. Всѣ эти опасенія создались не на основаніи тщательнаго изученія исторіи края и образованія подлежащихъ реформированію учреждений, а подъ вліяніемъ первичныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чтенія статей и брошюръ политическаго характера. Такимъ образомъ, вполнѣ естественно явилось стремленіе совершенно отстранить отъ участія въ земскихъ дѣлахъ мѣстные элементы, примѣнивъ къ прибалтійскому краю старинный, дореформенный, въ двадцатыхъ годахъ составленный для внутреннихъ губерній уставъ объ управленіи земскими повинностями. Такого рода мнѣнія были еще весьма недавно сильно распространены въ русской публикѣ. Мнѣнія эти нашли отраженіе и въ направленіи работъ по переустройству земскаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ. Изъ опасенія слишкомъ сильнаго вліянія на земское хозяйство мѣстныхъ элементовъ явилось такимъ образомъ стремленіе, какъ бы вовсе уничтожить это хозяйство въ прибалтійскихъ губерніяхъ, замѣнивъ нынѣ существующіе хозяйственные органы земскаго управленія правитель-

ственными органами, способными можетъ быть завѣдывать земскими повинностями, но по природѣ своей совершенно неспособными должнымъ образомъ вникать во всѣ мелочи столь сложнаго земскаго хозяйства, которое установилось предыдущей жизнью Лифляндской губерніи. Между тѣмъ, такой способъ разрѣшенія вопроса о переустройствѣ земскихъ учреждений прибалтійскихъ губерній, уничтожая земское хозяйство одной изъ богатѣйшихъ русскихъ провинцій, несомнѣнно нанесетъ значительный ущербъ экономическимъ интересамъ имперіи. Нельзя наканунѣ XX столѣтія устанавливать въ прибалтійскомъ краѣ тотъ порядокъ управленія земскими дѣлами, который тридцать лѣтъ тому назадъ признанъ былъ непригоднымъ даже для внутреннихъ губерній, гдѣ проявленія земской жизни были, какъ извѣстно, несравненно слабѣе, нежели въ губерніяхъ прибалтійскихъ. Къ тому же такая крайняя, чрезвычайно рискованная мѣра вовсе не вызывается какой-либо необходимостью, ибо всегда предоставляется возможность соответствующимъ закономъ поставить дѣятельность мѣстныхъ элементовъ въ надлежащія рамки, обезпечивъ надлежащимъ образомъ контроль и вліяніе правительственной власти. Да и эти старанія, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, въ сущности совершенно излишни, потому что существующее старинное лифляндское земское законодательство, ставящее условіемъ осуществленія какого бы то ни было земскаго постановленія утвержденіе его губернаторомъ, — которому въ этомъ отношеніи предоставлена почти дискреціонная власть, — представляетъ и въ настоящее время достаточно въ этомъ отношеніи гарантій. Если прибалтійское дворянство, въ прежнее время, въ своей земской дѣятельности высвобождалось изъ-подъ вліянія правительственной власти, то причину этого, какъ показываетъ исторія края, надо искать не въ мѣстномъ земскомъ законѣ. Законъ этого никогда не допускалъ. Причиной этому была, какъ сказано на стр. 38—41 изслѣдованія, принятая по отношенію къ земскимъ дѣламъ прибалтійскаго края программа правительства и, сверхъ того, отсутствіе внутри страны какихъ бы то ни было органовъ, при помощи которыхъ губернаторъ могъ бы осуществлять огромную власть, предоставленную ему закономъ. Нынѣ всѣхъ этихъ условій болѣе не существуетъ. Программа

правительства по отношенію къ земскимъ дѣламъ прибалтійскаго края перемѣнилась. Въ лицѣ коронныхъ чиновниковъ полиціи и комисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ губернаторъ получилъ достаточно органовъ, чтобы слѣдить за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій по земской части и настаивать на этомъ исполненіи. Если въ настоящее время существуютъ какія-либо препятствія губернатору вліять на земскія дѣла въ той мѣрѣ, которая предоставлена ему закономъ, то они заключаются лишь въ слабости состава губернскаго правленія, учрежденнаго въ Лифляндіи по штату губернскихъ правленій внутреннихъ губерній, между тѣмъ какъ здѣсь оно, помимо прямого своего назначенія, должно развивать огромную дѣятельность по контролю и регулированію функций многочисленныхъ, существующихъ въ Лифляндіи земскихъ распорядительныхъ учреждений, каждое постановленіе которыхъ оно должно разсматривать по существу. Такимъ образомъ, если бы улучшеніе земскаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ дѣйствительно заключалось въ одномъ только усиленіи правительственнаго вліянія на дѣятельность земскихъ учреждений, вопросъ разрѣшался бы очень просто: усиленіемъ штата мѣстнаго губернскаго правленія — особымъ земскимъ отдѣленіемъ.

Событія послѣднихъ лѣтъ ясно показали, насколько при нынѣшнихъ условіяхъ неосновательны опасенія вреднаго вліянія дворянства на теченіе земскихъ дѣлъ и насколько, въ то же время, сильно на это теченіе повліяло измѣненіе режима въ управленіи прибалтійскими губерніями, не смотря на кратковременность періода дѣятельности новыхъ полицейскихъ и крестьянскихъ учреждений. За послѣдніе четыре года въ Лифляндіи не замѣчалось случаевъ сознательной, систематической неправильности въ дѣйствіяхъ какого-либо изъ земскихъ органовъ. Въ общемъ ходѣ земскаго дѣла наблюдается видимое улучшеніе. О такомъ улучшеніи свидѣтельствуютъ какъ многочисленные данныя, приведенныя въ различныхъ мѣстахъ настоящаго изслѣдованія, такъ и въ особенности тотъ знаменательный фактъ, что, не смотря на отнесеніе, въ послѣднее время, на земскія средства многихъ новыхъ, весьма значительныхъ расходовъ, тягость, лежащая на главномъ объектѣ земскаго обложенія — крестьянской землѣ,

не только не увеличилась, но даже уменьшилась. Такъ, въ 1889 году (годъ взятъ безъ выбора), когда приходилось разложить на землю 173,275 рублей, составляющихъ общую сумму губернскаго земскаго сбора, на каждый талеръ крестьянской земли приходилось по 27 копѣекъ. Въ 1893 году, при высшей суммѣ того же сбора, достигшей 194,529 рублей, на тотъ же талеръ приходилось всего 18,4 копѣйки. Такимъ образомъ, безъ какихъ-либо особыхъ законодательныхъ мѣръ, безъ малѣйшаго участія законодательной и центральной правительственной власти, одними лишь мѣстными силами достигнуть такой важный результатъ, какъ уменьшеніе обложенія земли на тридцать процентовъ, нисколько не сокращая, а напротивъ значительно расширяя удовлетвореніе земскихъ повинностей. Много ли другихъ губерній могутъ констатировать такой прогрессъ въ своемъ земскомъ хозяйствѣ?

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что стремленія, направленные къ парализованію вліянія дворянства на земскія дѣла края, могутъ быть названы ударами въ пустую. Совершенно лишнее хлопотать объ усиленіи правительственнаго вліянія на земскія дѣла, когда далѣе правъ, предоставленныхъ въ этомъ отношеніи правительственной губернской власти существующимъ закономъ, идти невозможно. Явленія случайныя, т. е. отсутствіе у губернатора наблюдательныхъ органовъ, въ значительной мѣрѣ исчезнувшее съ переустройствомъ полицейскихъ, крестьянскихъ и судебныхъ учреждений, нельзя принимать за явленія органическаго, за недостатокъ земскаго закона.

До настоящаго времени, дѣятельность правительства по преобразованію земской части въ прибалтійскихъ губерніяхъ сосредоточивалась исключительно на стремленіяхъ къ реорганизациіи общей системы существующихъ земскихъ учреждений, т. е. на ту сторону, которая, какъ показываетъ дѣйствительное положеніе вещей, менѣе всего нуждается въ исправленіи. Наоборотъ, вопросы о земскомъ обложеніи (финансовая сторона земскаго дѣла) не обращали на себя никакого вниманія. Между тѣмъ, именно въ улучшеніи и приведеніи въ порядокъ этой отрасли земскаго устройства и заключается вся сущность дѣла, ибо какое бы устройство ни придано было органамъ земскаго управленія, если только не исправлены будутъ коренные

недостатки земскаго обложенія, подробно указанные въ настоящемъ изслѣдованіи, устройство это будетъ во всякомъ случаѣ мало годное.

Для того, чтобы работы правительственныхъ комиссій дали плодотворные результаты, чтобы новое земское устройство дѣйствительно возвысило благосостояніе страны, необходимо переустройство земскаго дѣла въ прибалтійскихъ губерніяхъ начинать съ другого конца. Необходимо, оставивъ временно организацію земскихъ учреждений, начать это переустройство съ экономической стороны, для чего, принявъ въ соображеніе выше перечисленные недостатки существующаго земскаго обложенія, слѣдуетъ:

- 1) изъять изъ числа земскихъ повинностей — повинности по содержанию лютеранской церкви и ея священнослужителей, для каковой цѣли долженъ быть предварительно надлежащимъ образомъ разрѣшенъ вопросъ объ обезпеченіи матеріальныхъ нуждъ лютеранскаго духовенства, т. е. вопросъ, возбужденный еще Высочайшей резолюціей въ Бозѣ почившаго Императора Александра II отъ 30 іюня 1862 года, разрѣшеніе каковаго вопроса, къ сожалѣнію, съ того времени мало подвинулось. Когда лютеранское духовенство и лютеранскія церкви будутъ матеріально обезпечены, когда изъ вѣдѣнія земскаго управленія изъяты будутъ дѣла конфессіональныя, съ отстраненіемъ всѣхъ тѣхъ неправильностей и аномалій, которыя производитъ нынѣ въ земскомъ обложеніи сохраненіе порядковъ, установившихся въ прошломъ и предпрошломъ столѣтіяхъ, — тогда получится возможность правильно организовать и земскія учрежденія, и земское обложеніе. Упорядоченію земскаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ, какъ это, можетъ быть, ни покажется страннымъ по первому взгляду, неминуемо должно предшествовать упорядоченіе устройства лютеранской церкви въ краѣ. Безъ этой предварительной работы въ дѣлѣ земскаго переустройства нельзя ступить ни шагу. Лютеранская церковь, давшая первый импульсъ созданію земскаго устройства прибалтійскаго края, до настоящаго времени играетъ въ этомъ устройствѣ слишкомъ видную роль. Она слишкомъ глу-

боко проникаетъ во всѣ детали земской жизни страны. Не даромъ же органической законъ объ устройствѣ земскихъ учреждений прибалтійскаго края — приходскихъ конвентовъ, приходскихъ попечителей и проч., нашелъ себѣ мѣсто не въ IV томѣ свода законовъ — не въ земскомъ уставѣ, а въ 1 ч. XI тома (уставъ евангелическо-лютеранской церкви). Не даромъ главной опорой при управленіи земскими дѣлами губернскому начальству служить не уставъ о земскихъ повинностяхъ, а сборникъ узаконеній о главныхъ церковныхъ попечительствахъ¹⁾.

- 2) Вслѣдъ за симъ необходимо уничтожить существующія привилегіи мызныхъ земель, съ тѣмъ, чтобы всѣ земли, безъ различія, несли одинаковыя повинности. Какъ видно изъ предыдущаго, осуществленіе этой мѣры не встрѣчаетъ какихъ-либо препятствій въ духѣ мѣстнаго земскаго права, ибо возникновеніе этихъ привилегій въ Лифляндіи слѣдуетъ признать случайнымъ, а не органическимъ явленіемъ мѣстной земской жизни. Точно такъ же оно не встрѣтитъ какихъ-либо практическихъ затрудненій, такъ какъ законодательная работа будетъ заключаться лишь въ отмѣнѣ ст. 48, 93—96 крест. пол. 1860 г. и измѣненіи редакціи 550 ст. того же положенія²⁾. Это исправленіе кореннаго недостатка существующаго земскаго обложенія не возбудитъ, къ тому же, ника-

---

1) Сборникъ этотъ изданъ по распоряженію лифляндскаго губернатора въ 1888 году, подъ заглавіемъ: „Сборникъ узаконеній и мѣстныхъ постановленій касательно главныхъ церковныхъ попечительствъ и церковныхъ попечителей въ Лифляндской губерніи.“ Какъ единственный систематическій кодексъ всѣхъ старинныхъ узаконеній, опредѣляющихъ дѣятельность приходскихъ учреждений, сборникъ этотъ представляетъ весьма большой интересъ для изучающихъ земское устройство Лифляндской губерніи, служа пополненіемъ крайне общихъ и неопредѣленныхъ статей 1 части XI тома, санкционирующихъ учрежденіе главныхъ церковныхъ попечительствъ, церковныхъ попечителей, а равно и всѣ вообще приходскія учреждения.

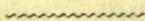
2) То обстоятельство, что при исполненіи повинностей натуральнымъ способомъ поставка матеріала (въ особенности лѣса) будетъ затруднительна для крестьянской земли, не имѣющей лѣса, едва ли можно считать существеннымъ затрудненіемъ, ибо всегда представляется возможность установить обязательную оцѣнку этого матеріала и стоимость его ввести въ раскладку. Въ извѣстные періоды оцѣнка эта (такса) можетъ быть измѣняема.

кого неудовольствія въ странѣ, лучшіе элементы которой, даже матеріально заинтересованные въ сохраненіи этой привилегіи, вполнѣ сознаютъ всѣ дурныя ея стороны и готовы отъ нея отказаться.

- 3) Оставивъ старинный, отжившій шведскій способъ оцѣнки земли на талеры, установить новую, болѣе современную систему оцѣнки недвижимостей, съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ земли и недвижимости платили земскія повинности согласно дѣйствительной, такъ сказать — естественной своей доходности, — другими словами, чтобы облагалась повинностями дѣйствительно земля и недвижимости, а не земледѣліе, какъ это нынѣ имѣетъ мѣсто въ Лифляндской губерніи. Вопросъ объ установленіи правильной оцѣнки недвижимостей не представитъ особыхъ затрудненій для своего разрѣшенія, такъ какъ правила объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію, недавно составлены вновь для внутреннихъ губерній. Утвержденная г. министромъ финансовъ 4 іюня 1894 г. инструкція для таковыхъ оцѣнокъ могла бы быть примѣнена къ прибалтійскимъ губерніямъ почти цѣликомъ, съ незначительными лишь измѣненіями, вызываемыми мѣстными условіями. Существуетъ полное основаніе предполагать, что оцѣнка земель, произведенная при помощи этой инструкціи, въ прибалтійскихъ губерніяхъ будетъ лучше выполнена, нежели оцѣнка земель внутреннихъ губерній, ибо существующая организація лифляндскихъ земскихъ учреждений, а въ особенности малый размѣръ земскихъ территоріальныхъ единицъ въ высшей степени обезпечиваетъ правильность и успѣшность оцѣночныхъ работъ.

Только тогда, когда окончены будутъ эти предварительныя работы, получится возможность приступить и къ организаціи земскихъ учреждений; причемъ, можетъ быть, окажется, что наиболѣе правильнымъ будетъ остановиться на нынѣ дѣйствующихъ органахъ земскаго управленія, съ нѣкоторыми лишь незначительными измѣненіями въ подробностяхъ ихъ устройства. Вся законодательная работа приведется къ установленію лишь болѣе твердыхъ

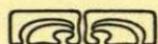
и опредѣленныхъ правилъ для дѣйствія этихъ, исторіей создавшихся органовъ и къ урегулированію отношеній этихъ органовъ какъ между собой, такъ и къ правительственной власти.

Настоящее изслѣдованіе касается, какъ можетъ показать прочтеніе его, преимущественно экономической — хозяйственной части земскаго дѣла въ Лифляндской губерніи, въ томъ вниманіи, что при соблюденіи экономическихъ интересовъ края въ значительной степени обеспечиваются и соблюдаются интересы политическіе. Когда черезъ переустройство земства возвысится процвѣтаніе и благосостояніе прибалтійскаго края, когда въ устройствѣ земскаго дѣла проведены будутъ принципы справедливости, здравой экономіи и участія къ мѣстнымъ интересамъ — принципы, нынѣ въ лифляндскомъ земскомъ обложеніи въ значительной степени отсутствующіе; когда населеніе вообщію увидитъ, что черезъ произведенное русской правительственной властью реорганизованіе земскія дѣла, всегда столь сильно затрогивающія интересы народныхъ массъ, пошли несравненно лучше, чѣмъ шли они прежде: тогда для какой бы то ни было политической агитаціи не будетъ здѣсь достаточно твердой почвы, и политическій вопросъ разрѣшится самъ собой, при полномъ удовлетвореніи какъ законныхъ интересовъ прибалтійскихъ губерній, такъ и интересовъ имперіи. Тогда только достигнуто будетъ живое, прочное единство между имперіей и ея окраиной, основанное на общности ихъ интересовъ, а не одно только мертвое единообразіе въ наружныхъ формахъ устройства, которымъ желаемое единеніе, конечно, обезпечено быть не можетъ.

О КВОТНОЙ ЗЕМЛѢ.

О квотной землѣ.

Согласно Высочайшему указу Правительствующаго Сената отъ 18 февраля 1893 года Министру Внутреннихъ Дѣлъ повелѣно: „войти въ установленномъ порядкѣ съ представленіемъ объ обращеніи квотныхъ земель къ законному ихъ назначенію“. Для точнаго выполненія этого указа необходимо выяснитъ, въ чемъ собственно заключается это законное назначеніе. Обращаясь къ Лифляндскому крестьянскому положенію 1849 года, впервые установившему квотныя земли въ Лифляндіи, оказывается, что законъ этотъ предоставляетъ вотчинникамъ квотную землю въ полную ихъ собственность безъ какихъ бы то ни было ограниченій (§ 8), и во всемъ крестьянскомъ положеніи 1849 года нѣтъ ни одной статьи, стѣсняющей вотчинника въ пользованіи этою землею и хотя сколько-нибудь намекающей на то, чтобы квотная земля имѣла какое-либо особое назначеніе и чѣмъ-либо относительно пользованія помѣщикомъ разнилась отъ обыкновенной мызной земли¹⁾. Въ § 122 крест. пол. 1849 года положительно высказано: „Все пространство мызной земли, какъ та часть оной, которая прежде принадлежала къ сему разряду, такъ и та другая часть, которая прирѣзана къ ней отъ прежнихъ крестьянскихъ дачъ при обозначеніи границъ повинностной земли (т. е. квотная земля), предоставляется сполна, во всѣхъ отношеніяхъ, въ свободное и безусловное распоряженіе помѣщика. Онъ властенъ по собственному усмотрѣнію и безъ всякаго посторонняго надзора пользоваться мызною землею и предназначать оную на какое бы то ни было употребленіе.“ Въ тѣхъ же почти выраженіяхъ

---

¹⁾ Вся разница между квотной и мызною землею заключается лишь въ томъ, что первая платитъ земскія повинности наравнѣ съ крестьянскою (см. § 21 крест. пол. 1849 г. и § 97 крест. пол. 1860 года).

говорить о назначеніи квотной земли и крестьянское положеніе 1860 года, нынѣ дѣйствующее въ Лифляндіи (ст. 97). Такимъ образомъ лифляндскіе вотчинники, пользуясь этою землею по своему произволу, то есть образуя изъ оной отдѣльныя хозяйственныя единицы, прирѣзая ее цѣликомъ къ мызнымъ хозяйствамъ и т. д., строго говоря, даютъ и нынѣ землѣ этой вполне законное назначеніе, такъ что Высочайшее повелѣніе 1893 года не требуетъ собственно никакихъ новыхъ законодательныхъ мѣропріятій относительно квотной земли.

Если сдѣлать нѣкоторую довольно сильную натяжку, предположивъ неискусство и оплошность редакціи закона, вслѣдствіе которыхъ въ обоихъ вышеназванныхъ крестьянскихъ положеніяхъ существеннѣйшая статья закона о квотѣ, а именно статья, опредѣляющая ея назначеніе, редактирована въ совершенно извращенномъ, несогласномъ съ предположеніями законодателя видѣ, то, для разъясненія столь страннаго въ области законодательства явленія, необходимо будетъ обратиться къ исторіи происхожденія квотной земли. Необходимо разсмотрѣть обстоятельства, при которыхъ произошло ея установленіе, и документы, относящіеся къ этому дѣлу, съ тѣмъ, чтобы, выяснивъ дѣйствительное намѣреніе, руководившее правительствомъ при установленіи квоты, составить себѣ наиболѣе вѣроятное заключеніе объ этомъ намѣреніи и затѣмъ, такъ сказать, заднимъ числомъ исправить редакцію крестьянскихъ положеній 1849 и 1860 годовъ. Исторія образованія квоты приблизительно слѣдующая.

Политика русскаго правительства относительно прибалтійскихъ губерній по аграрному дѣлу до начала нынѣшняго столѣтія основывалась, преимущественно, на экономическихъ началахъ. Соціальные вопросы въ то время, какъ извѣстно, мало интересовали правительство, такъ что самыя вопіющія, по современнымъ понятіямъ, явленія во внутренней жизни Государства, какъ, на примѣръ, существованіе крѣпостнаго права, барщины, вотчинной расправы и т. п. — считалось дѣломъ совершенно естественнымъ и вполне допустимымъ. Слѣдуя завѣтамъ шведскаго правительства, русское правительство также, при вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла прибалтійскихъ губерній, руководилось въ то время исключительно желаніемъ обез-

печить одно только экономическое благосостояніе крестьянскаго населенія, защитивъ его отъ притѣсненій вотчинниковъ. Осушествленіе этой цѣли блестящимъ образомъ достигнуто было крестьянскимъ положеніемъ 1804 года, въ которомъ послѣдовательно и съ большимъ искусствомъ проведены были двѣ главныя мѣры, вполне обезпечивающія вышеуказанныя желанія правительства: 1) нерушимость демаркаціонной линіи, отдѣляющей крестьянскую землю отъ мызной, и 2) фиксированіе арендной платы и барщины, отправляемой крестьянами за пользованіе принадлежащей помѣщику крестьянскою землею.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе быстрого распространенія либеральныхъ ученій, которымъ сильнѣйшій импульсъ данъ былъ французскою революціею, въ западной Европѣ созрѣла идея о полной несостоятельности нѣкоторыхъ сторонъ существовавшаго соціального строя и въ особенности — крѣпостнаго права. При общеніи, которые постоянно имѣли и нынѣ имѣютъ прибалтійскія губерніи съ западноевропейскими государствами, ни въ одной части имперіи сознаніе это не было такъ сильно, какъ въ прибалтійскомъ краѣ. Вслѣдствіе этого ландтагъ 1818 года рѣшилъ подать высшему правительству петицію объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія. Такъ какъ этими же либеральными доктринами проникнуты были во время царствованія Императора Александра I и высшія правительственныя сферы и, прежде всѣхъ, самъ Государь, то естественно, что это предложеніе было встрѣчено съ величайшею радостью. При господствовавшемъ въ то время увлеченіи модной идеей правъ человѣка (*droits de l'homme*), передъ правами этими блѣднѣли какіе бы то ни было самые важныя экономическіе вопросы. Полагали, что освобожденіе отъ крѣпостнаго ига крестьянъ само по себѣ сдѣлаетъ ихъ настолько счастливыми, что объ экономическихъ условіяхъ не стоитъ и думать, разъ какъ достигнуты такіе важныя результаты, какъ личная свобода человѣка. Вслѣдствіе таковаго увлеченія въ новомъ вышедшемъ въ то время крестьянскомъ положеніи за освобожденіе крестьянъ вотчинники вознаграждены были пожертвованіемъ со стороны правительства тѣми главными принципами, на коихъ, по соображеніямъ временъ прошедшихъ, основано было экономическое благосостояніе

крестьянскаго сословія. Демаркаціонная черта между мызною и крестьянскою землею была сорвана. Вся земля, какъ мызная, такъ и крестьянская, отдана была въ полное и безконтрольное распоряженіе вотчинника. А вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, палъ и второй принципъ 1804 года: фиксированіе арендной платы за пользованіе крестьянами землею. Послѣдствія такого вопіющаго пренебреженія къ столь важному фактору народнаго благосостоянія, каковы экономическія условія, не замедлили обнаружиться. За эпохою увлеченія въ самомъ непродолжительномъ времени наступила эпоха разочарованія.

Дѣйствительность напомнила, что личная свобода вовсе не такое большое счастье для человѣка, когда ему не обезпечено пропитаніе. При сильномъ экономическомъ давленіи, которое вотчинники имѣли возможность производить въ силу крестьянскаго положенія 1819 года на крестьянъ, въ средѣ послѣднихъ начались неудовольствія и беспорядки, которые обратили на себя вниманіе какъ правительства, такъ и наиболѣе дальновидныхъ вотчинниковъ, постигшихъ тотъ страшный вредъ, который приносить странѣ полное разрушеніе связи между крестьянскимъ сословіемъ и землею, послѣдствіемъ каковаго разрушенія было возникшее въ средѣ крестьянъ стремленіе къ массовому выселенію, невозможность для помѣщиковъ найти надежныхъ арендаторовъ и вообще полное потрясеніе основъ, на которыхъ зиждется сельское хозяйство. Почувствовалась жгучая необходимость возстановить разрушенную связь. А для этой цѣли единственнымъ средствомъ являлось возстановленіе принципа нерушимости демаркаціонной черты между крестьянскою и мызною землею, установленной крестьянскимъ положеніемъ 1804 года.

Необходимость ограниченія въ правахъ пользованія помѣщикомъ крестьянскою землею заявлена была впервые на ландтагѣ 1842 года. Осуществленіе этой мѣры соединено было, конечно, съ немаловажными практическими затрудненіями. Пользуясь правомъ, предоставленнымъ имъ положеніемъ 1819 года, нѣкоторые помѣщики прирѣзали къ мызнымъ полямъ часть крестьянскихъ земель въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Другіе же этимъ правомъ не воспользовались или только собирались воспользоваться. Внезапное прекращеніе дальнѣйшей при-

рѣзки являлось, такимъ образомъ, несправедливымъ предоставленіемъ извѣстныхъ льготъ лицамъ первой категоріи передъ лицами второй и пертурбаціею въ хозяйственныхъ планахъ послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что около этого времени произошла важная перемѣна въ хозяйственныхъ условіяхъ страны вслѣдствіе начавшагося въ Лифляндіи распространенія сѣянія картофеля и кормовыхъ травъ. Наконецъ и либеральныя стремленія правительства не были вполнѣ удовлетворены. Упразднено было крѣпостное право, но осталась въ силѣ столь же ненавистная, по современнымъ ученіямъ, барщина, уничтоженію которой съ замѣною ея батрацкимъ наемнымъ трудомъ правительство придавало особое значеніе.

Всѣ эти причины вмѣстѣ въ высшей степени затрудняли практическое осуществленіе ограниченія права помѣщиковъ пользоваться крестьянскою землею, предоставленною имъ положеніемъ 1819 года. Для посѣва картофеля и кормовыхъ травъ понадобилось расширеніе мызныхъ полей. Для организованія обработки земель посредствомъ батраковъ необходимы были извѣстные довольно значительные капиталы, которыхъ, при рѣдкости въ то время денегъ, у помѣщиковъ не было. Тѣмъ не менѣе, въ виду признанной одинаково какъ правительствомъ, такъ и мѣстною интеллигенціею¹⁾ несостоятельности положенія 1819 года и необходимости замѣнить его новымъ, въ 1846 году по Высочайшему повелѣнію собранъ былъ для этой цѣли въ Петербургѣ комитетъ²⁾, который, рѣшивъ въ принципѣ вопросъ о неизбѣжности ограниченія правъ помѣщиковъ въ пользованіи крестьянскою землею, призналъ, однако, необходимымъ, въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, допустить, что помѣщики не могутъ быть лишены пользованія всею крестьянскою землею, а часть ея должна быть предоставлена вотчинникамъ въ неограниченное пользованіе, подобно тому, какъ предоставлено имъ и пользованіе мызною землею.

1) Постановленіе ландтага 6 февраля 1842 года.

2) Членами комитета были: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Перовскій, Министръ Государственныхъ Имуществъ Киселевъ, Тайный Совѣтникъ Снявичъ Байковъ, Генераль-Адъютантъ графъ Паленъ, баронъ Паленъ, Ландмаршалъ Лиліенфельдъ, Тайный Совѣтникъ баронъ Ганъ, баронъ Мейендорфъ, фонъ Самсонъ, фонъ Фелькерзамъ, фонъ Эттингенъ и баронъ Нолькенъ.

Предстояло затѣмъ рѣшить вопросъ о томъ, какъ велика должна быть эта часть.

Такъ какъ главнѣйшая цѣль предполагаемой прирѣзки было предоставленіе помѣщикамъ возможности завести у себя, въ отмѣну господствующей въ большей части имѣній барщины, батрачное хозяйство, то основаніемъ для расчета количества прирѣзаемой земли было взято опредѣленіе числа батраковъ, необходимыхъ для каждаго владѣльца, уничтожившаго въ своемъ имѣніи барщину. Для таковаго опредѣленія комитетъ воспользовался § 58 крестьянск. пол. 1804 года, устанавливающимъ, что $\frac{1}{4}$ -гаковое крестьянское хозяйство¹⁾ должно имѣть кромѣ крестьянина-хозяина двухъ рабочихъ крестьянъ мужскаго пола. На каждый гаекъ, слѣдовательно, по этому расчету требовалось 8 батраковъ. Въ періодъ времени съ 1804 по 1820 г.г. всѣ частныя и казенныя имѣнія въ Лифляндіи были таксированы, и число гаковъ въ каждомъ имѣніи было такимъ образомъ извѣстно²⁾. Посему, на основаніи вышеизложеннаго вычисленія, представилась возможность опредѣлить число батраковъ, нужное вотчиннику для обработки его мызныхъ полей. При рѣдкости денежныхъ капиталовъ, жалованья батраки въ то время по большей части не получали или получали его въ весьма ограниченномъ размѣрѣ. Въ вознагражденіе же за ихъ работу они получали по большей части такъ называемый депутатъ, или извѣстное количество припасовъ разнаго рода и, сверхъ того, въ ихъ пользованіе обыкновенно отводилось помѣщикомъ опредѣленное количество земли. Размѣръ этого (земельнаго) вознагражденія былъ въ различныхъ имѣніяхъ весьма различенъ. Но для опредѣленія его нормы, въ данномъ случаѣ приняты были за основаніе дополнительныя правила, Высочайше утвержденныя 28 февраля 1809 года, коими установлено было (собственно

1) Размѣръ земли въ $\frac{1}{4}$ гака въ теченіе долгаго времени считался нормальнымъ для крестьянской усадьбы. На островѣ Эзелѣ и повнѣ большая часть крестьянскихъ хозяйствъ заключаетъ въ себѣ $\frac{1}{4}$ гака.

2) Число гаковъ по земскому списку 1832 г. опредѣлено собственно для крестьянской, но не мызной земли. Но такъ какъ при господствующемъ въ то время способѣ обработки мызныхъ полей барщиной необходимо установилось точное соотношеніе между пространствомъ мызной и крестьянской земли, то число гаковъ послѣдней давало точное понятіе о размѣрѣ мызной земли.

для крестьянскихъ хозяйствъ) правило, въ силу котораго для содержанія работника хозяинъ долженъ былъ отводить на каждаго по $1\frac{1}{2}$ лофштеля пашни въ каждомъ полѣ, т. е. всего $4\frac{1}{2}$ лофштеля или $1\frac{1}{2}$ десятины.

На основаніи этихъ цифръ и было опредѣлено количество земли, необходимой помѣщикамъ для содержанія батраковъ; именно — считая на каждый гакъ по 8 работниковъ и на каждаго рабочаго по $4\frac{1}{2}$ лофштеля, всего на гакъ приходится 36 лофштелей или 12 десятинъ пашни, съ соответствующимъ количествомъ луговъ и выгоновъ.

Всѣ эти соображенія включены были въ особый протоколъ вышесказаннаго комитета, гдѣ изложены были главныя основанія новаго поземельнаго положенія Лифляндской губерніи, каковой протоколъ и удостоился Высочайшаго утвержденія 24 мая 1846 года.

Въ 6 п. этого протокола сказано: „Донинѣ предоставленныя батракамъ $1\frac{1}{2}$ лофштеля пашни въ каждомъ полѣ вмѣстѣ съ лугами и выгонами предоставляются въ распоряженіе вотчинника съ тѣмъ, что на слѣдующемъ ландтагѣ установить правила, по коимъ вотчинникъ въ правѣ будетъ пользоваться этими участками для обезпеченія батраковъ и для предложеннаго ландтагомъ въ 1842 г. расширенія мызныхъ земель.“ По невозможности или по какимъ-либо другимъ причинамъ, ландтагъ 1847 года не выработалъ, однако, этихъ специальныхъ правилъ относительно пользованія вотчинниками вновь прирѣзанною землею, опредѣливъ лишь, на основаніи вышепредставленныхъ соображеній, размѣръ этой прирѣзки (по 36 лофштелей на гакъ). — „Изданіе же закона для особаго способа пользованія этою земельною долею (квотою) признано было несоответственнымъ, такъ какъ (какъ сказано въ постановленіи ландтага) пользованіе ею будетъ видоизмѣняться, смотря по потребности и роду хозяйства каждаго отдѣльнаго имѣнія; а для крестьянскихъ обществъ совершенно безразлично, будутъ ли батраки водворены на этой землѣ, или же они пользуются платою изъ доходовъ съ нея, или же если таковыя пристроены инымъ какимъ-либо способомъ — если батраки вообще имѣются въ имѣніи.“

Это постановленіе ландтага со всѣми мотивами, а равно и труды комитета переданы были въ Остзейскій Комитетъ

на предметъ составленія новаго — въ отмѣну положенія 1819 года — крестьянскаго положенія, которое, удостоившись 9 июля 1849 года Высочайшаго утвержденія, опредѣлило законное назначеніе квоты, выразивши его совершенно категорично и опредѣлительно въ вышеприведенной 122 ст. Статья эта въ той же самой редакціи нашла себѣ мѣсто и въ крестьянскомъ положеніи 1860 г. (§ 97). На основаніи этихъ-то историческихъ свѣдѣній и документовъ предоставляется вывести наиболѣе достовѣрное заключеніе о видахъ и намѣреніяхъ правительства при установленіи квотной земли.

Есть много лицъ, утверждающихъ, что квотная земля установлена была исключительно съ цѣлью образовать такой контингентъ земель, который специально назначался бы для обезпеченія землею самостоятельнаго существованія батраковъ или безземельныхъ крестьянъ, другими словами, для превращенія ихъ въ самостоятельныхъ крестьянъ-хозяевъ.

Мнѣніе это весьма распространено и чуть ли не оно было главною причиною появленія Высочайшаго указа 18 февраля 1893 года. Между тѣмъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, оно едва ли правильно. Весь ходъ образованія квоты представляется въ слѣдующемъ видѣ. Подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ событій, послѣдовавшихъ вслѣдствіе приведенія въ дѣйствіе положенія 1819 года, правительство стремилось, главнѣйшимъ образомъ, къ тому, чтобы изданіемъ новаго крестьянскаго положенія остановить уничтоженіе крестьянской земли, допускавшееся закономъ 1819 года, и ограничить право помѣщика на эту землю возстановленіемъ демаркаціонной черты 1804 года. Стремясь въ особенности къ упраздненію барщины и обоснованію сельскаго хозяйства наемнымъ батрацкимъ трудомъ, правительство хотѣло придти на помощь вотчинникамъ, давъ имъ средства для содержанія этихъ батраковъ, и въ то же время расширить мѣзныя поля въ виду появившейся въ прибалтійскомъ краѣ культуры картофеля и кормовыхъ травъ. Въ виду этихъ соображеній правительствомъ сдѣлана была уступка мѣстнымъ помѣщикамъ черезъ дозволеніе прирѣзать часть крестьянской земли въ квоту. Несомнѣнно, что правительство имѣло также въ виду и болѣе точно регулировать отношеніе между помѣ-

щикомъ и батракомъ, нормируя, такъ сказать, его плату посредствомъ регламентирования способовъ употребленія квоты съ тѣмъ, чтобы обезпечить батраковъ отъ притѣсненія помѣщиковъ. Но, во всякомъ случаѣ, стремленіе это было слишкомъ слабо. Правительство не настаивало на немъ и въ послѣдствіи отступилось отъ своего требованія, предоставивъ квотную землю въ полное распоряженіе помѣщиковъ. При этомъ едва ли не слѣдуетъ признать правильнымъ такое рѣшеніе правительства, или регламентировать такія подробности отношеній между нанимателемъ и работникомъ, какъ способъ уплаты ему вознагражденія — дѣло крайне трудное и неблагодарное, ибо, въ значительной части случаевъ, такая регламентація одинаково стѣснительна для обѣихъ сторонъ.

Появленію неправильнаго мнѣнія, что цѣлью выдѣленія квоты было желаніе правительства превратить батраковъ въ самостоятельныхъ хозяевъ — способствовала одна изъ вышеприведенныхъ подробностей образованія квоты, именно тѣ 1½ лофштеля пашни въ каждомъ полѣ, о которыхъ шла рѣчь при опредѣленіи размѣра отрѣзываемой отъ крестьянской земли въ пользу помѣщиковъ доли. Полагали, что эта земля и предназначалась батраку, какъ земельный надѣлъ, на которомъ онъ долженъ былъ вести самостоятельное хозяйство. Но допустить подобное предположеніе можно лишь при полномъ незнакомствѣ съ условіями сельскаго хозяйства въ Лифляндіи, каковое незнаніе мы не въ правѣ предполагать среди столь компетентныхъ въ дѣлѣ хозяйства лицъ, каковыя были члены комитета, образованнаго въ 1846 году. На пространствѣ 4½ лофштеля (1½ десятины) пахатной земли крестьянину самостоятельно вести хозяйство не возможно, ибо онъ умретъ съ голоду. Эти 4½ лофштеля могутъ служить нѣкоторымъ подспорьемъ для его семейства въ томъ только случаѣ, если онъ самъ работаетъ на мызѣ и получаетъ за это, кромѣ названнаго земельного надѣла, жалованье отъ вотчинника. Какъ было выше сказано, еще въ старинныя времена установился обычай одѣлять мызныхъ батраковъ небольшимъ количествомъ земли (въ 1½ десят.) въ добавокъ къ получаемому жалованью, и въ данномъ случаѣ законодатель, имѣя цѣлью упраздненіе барщины, указываетъ лишь на тотъ способъ вознагражденія батраковъ,

который опытомъ выработанъ былъ въ прибалтійскомъ краѣ. Но у него и въ мысли не было организовать самостоятельныя крестьянскія хозяйства въ 1½ десятины пашни, такъ какъ по мѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ условіямъ таковыя хозяйства являются полнѣйшею несообразностью. Такимъ образомъ, именно эти разсужденія и дебаты ландтага и комитета о 4½ лофшгеляхъ въ глазахъ каждаго знакомаго съ прибалтійскимъ аграрнымъ законодательствомъ служить лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія, что квотная земля предназначалась для образованія самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Всѣ вышеизложенные доводы вполнѣ подтверждаются данными, заключающимися въ крестьянскомъ положеніи для Эстляндской губерніи, Высочайше утвержденномъ 5 іюля 1856 года (т. е. черезъ 7 лѣтъ послѣ изданія положенія о лифляндскихъ крестьянахъ), и таковомъ же положеніи для Эзелскихъ крестьянъ, Высочайше утвержденномъ 19 февраля 1865 года, — черезъ 16 лѣтъ послѣ обнародованія Лифляндскаго крестьянскаго положенія 1849 г.

Квота, какъ извѣстно, установлена была также и въ Эстляндіи, а равно и на островѣ Эзелѣ, подъ наименованіемъ „сексты“.

Назначеніе этой сексты въ Эстляндскомъ крестьянскомъ положеніи изложено слѣдующимъ образомъ.

Ст. 17. По мѣрѣ прекращенія барщины, часть крестьянской арендной земли, до одной шестой доли оной, можетъ быть отдѣлена въ неограниченное распоряженіе помѣщика, съ зачетомъ, однако, того, что прежде было присоединено къ ней.

Ст. 18. Имѣя полное право распоряжаться шестою долею (секстою) по своему произволу, помѣщикъ можетъ употребить ее:

1) для поселенія на оной господскихъ работниковъ, поденщиковъ и проч.,

2) или и для всякой другой цѣли; въ послѣднемъ случаѣ, по мѣрѣ пользования означенной шестою долей, помѣщикъ принимаетъ на себя за состоящихъ въ постоянномъ его услуженіи, въ качествѣ работниковъ, поденщиковъ и т. п., людей всѣ обязанности, лежащія на крестьянскомъ обществѣ, въ отношеніи къ поселеннымъ на крестьянской арендной землѣ членамъ общества.

Ст. 22. При семъ должно соблюдать, что помѣщикъ, присоединившій треть сихъ земель, не прежде можетъ приступить къ соединенію второй и потомъ послѣдней части, какъ доказавъ, что онъ треть своей барщины, затѣмъ вторую треть и наконецъ — всѣ окончательно перевелъ на оброкъ, или продалъ крестьянамъ соразмѣрно съ тѣмъ пространствомъ земли.

Ст. 23. Въ случаѣ возобновленія барщины въ какомъ-либо имѣніи шестая сія доля присоединяется опять къ крестьянской землѣ¹⁾.

Изъ этихъ статей усматривается, что также и по Эстляндскому крестьянскому положенію шестая доля (секста) закономъ предоставлена помѣщикамъ въ неограниченное распоряженіе, каковою онъ и можетъ пользоваться для какой угодно цѣли.

Въ то же время болѣе полной, сравнительно съ Лифляндскимъ крестьянскимъ положеніемъ, редакціей Эстляндскаго положенія подтверждается предположеніе, высказанное выше, что установленіемъ квоты въ Лифляндіи и сексты въ Эстляндіи правительство вовсе не имѣло въ виду обезпеченіе землею экономической самостоятельности батраковъ. Квота и секста должна была служить лишь вознагражденіемъ помѣщиковъ за упраздненіе барщины и желаніе предоставить имъ возможность расширить свои мызные поля для сельско-хозяйственныхъ цѣлей (культуры картофеля и кормовыхъ травъ).

Тѣ же самыя указанія находятся и въ правилахъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ острова Эзеля, Высочайше утвержденныхъ 19 февраля 1865 года, гдѣ законное назначеніе сексты изложено въ единственной статьѣ, гласящей:

Ст. 8. Въ виду изыятія изъ общаго правила дозволяется помѣщикамъ, при окончательной отмѣнѣ въ ихъ имѣніяхъ издѣльной повинности, прирѣзывать къ мызнымъ землямъ не свыше одной шестой доли крестьянской арендной земли, но съ тѣмъ, чтобы эта доля крестьян-

---

¹⁾ Воплнѣ аналогическія постановленія 22 и 23 ст. крестьянск. полож. Эстляндской губерніи, доказывающія, что выдѣляя квоту, правительство имѣло въ виду вознаградить помѣщиковъ за упраздненіе барщины, встрѣчаются также и въ Лифляндскихъ крестьянскихъ положеніяхъ (§ 124 и 125 крест. полож. 1849 года и ст. 99 и 100 крест. пол. 1860 года).

янской земли была обращена преимущественно для водворения и надѣленія земельными участками мызныхъ батраковъ.

Не смотря на лаконичность Эзельскаго крестьянскаго положенія, изъ статьи этой ясно, что и на островѣ Эзелѣ секста, какъ и въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ, установлена правительствомъ лишь въ видахъ вознагражденія помѣщиковъ за отмѣну издѣльной повинности — барщины, причемъ подѣ словами: водвореніе и надѣленіе землею, едва ли можно понимать образованіе самостоятельныхъ батрацкихъ участковъ, а лишь употреблявшійся и нынѣ употребляющійся въ странѣ способъ расчета съ батраками. И такъ, во всѣхъ крестьянскихъ положеніяхъ прибалтійскихъ губерній, послѣдовавшихъ въ теченіи 20ти почти лѣтъ, совершенно категорически и опредѣлительно проведена мысль о предоставленіи квотной земли въ полное неограниченное пользованіе помѣщика. Единственный закономъ предусмотрѣнный случай, когда это право помѣщика ограничивается — это предусмотрѣнный въ ст. 23 Эстляндскаго крестьянскаго положенія, а именно — когда помѣщикъ возстановитъ въ своемъ имѣніи барщину, что, очевидно, въ настоящее время невозможно.

Если допустить, что въ Лифляндскомъ крестьянскомъ положеніи 1849 года по непонятной оплошности кодификаціи пропущено и въ діаметрально противоположномъ намѣренію законодателя смыслѣ указано законное назначеніе квоты —, то какимъ образомъ объяснить что та же самая ошибка, сдѣланная въ 1849 году, въ тѣхъ же самыхъ формахъ повторилась въ 1856 году при кодификаціи Эстляндскаго крестьянскаго положенія, въ 1860 году при редактированіи Лифляндскаго крестьянскаго положенія этого года и наконецъ въ 1865 году при кодификаціи поземельнаго устройства эзельскихъ крестьянъ.

Не вѣрнѣе ли предположить, что никакой ошибки и оплошности тутъ не было, что законъ совершенно точно выразилъ волю законодателя и что повторяемая увѣренія, будто отдѣленіе квоты въ Лифляндской губерніи и сексты на островѣ Эзелѣ и въ Эстляндіи было произведено съ цѣлью превращенія мызныхъ батраковъ въ самостоятельныхъ крестьянъ-хозяевъ, есть лишь послѣдствіе незнакомства съ исторіей аграрнаго устройства прибалтійскаго

края, незнакомства съ существующимъ аграрнымъ законодательствомъ и неправильности методовъ изслѣдованія образованія квоты и сексты.

Увѣренія эти, къ сожалѣнію, ввели въ заблужденіе и законодательную власть, плодомъ каковаго заблужденія и былъ указъ Правительствующему Сенату 18 февраля 1893 г.

Оказывается, что данное этимъ указамъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ повелѣніе сдѣлать въ установленномъ порядкѣ представленіе объ обращеніи квотныхъ и секстныхъ земель къ законному ихъ назначенію въ дѣйствительности невыполнимо, ибо земли эти и безъ того уже обращены къ законному назначенію, измѣнить какое невозможно безъ кореннаго нарушенія всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ крестьянскихъ положеній прибалтійскаго края. Между тѣмъ, законъ 18 февраля 1893 года, грозя помѣщикамъ какимъ-то радикальнымъ измѣненіемъ въ существующемъ аграрномъ строѣ, въ высшей степени невыгоднымъ образомъ отражается на сельскомъ хозяйствѣ мызъ, поселяя въ вотчинникахъ неувѣренность относительно хозяйственныхъ операцій и парализуя ихъ начіанія и распоряженія въ этомъ отношеніи. Онъ ведетъ за собою крайне невыгодныя послѣдствія въ особенности для крестьянскаго землевладѣнія, такъ какъ онъ пріостанавливаетъ продажу квотной и секстной земли крестьянамъ. По тексту закона, продажа участковъ квотной земли возможна въ томъ лишь только случаѣ, если участки эти не превышаютъ установленнаго мѣстными положеніями наименьшаго размѣра крестьянскихъ арендныхъ участковъ. Но такой величины участковъ продать нельзя, потому что ихъ нѣтъ въ наличности. Размѣръ сельско-хозяйственныхъ единицъ въ странѣ не диктуется произволомъ законодателя. Онъ опредѣляется установившейся въ краѣ системою сельскаго хозяйства, которую, въ свою очередь, подготавливаетъ исторія развитія этого хозяйства. На основаніи лифляндскихъ аграрныхъ законовъ хозяйственная усадьба не можетъ быть по своему размѣру менѣе 10 талеровъ. Къ этому размѣру приспособилась и существующая нынѣ въ странѣ сельская культура. Крестьянинъ, такъ сказать, не умѣетъ работать въ усадьбѣ, не достигающей этой величины. Такимъ образомъ, воспрещеніе продажи квотныхъ участковъ болѣе 10 талеровъ равно-

сильно полному воспрещенію продажи этой земли, которая до сихъ поръ шла довольно успѣшно¹⁾, и, слѣдовательно, парализированію развитія мелкаго землевладѣнія, каковое развитіе до настоящаго времени совершенно правильно поощрялось правительствомъ, такъ какъ въ этомъ развитіи заключался одинъ изъ вѣрнѣйшихъ шансовъ къ поднятію общаго уровня сельскаго хозяйства въ краѣ.

Классъ безземельныхъ крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ дѣйствительно весьма многочисленъ. Но это явленіе есть естественное и неизбѣжное послѣдствіе всего аграрнаго строя страны, воспитаннаго вѣковымъ законодательствомъ. При прочно укоренившейся въ краѣ недѣлимости хозяйственныхъ единицъ, классъ безземельныхъ крестьянъ, съ теченіемъ времени, будетъ все болѣе и болѣе возрастать, такъ какъ населеніе множится гораздо быстрѣе, нежели количество хозяйственныхъ единицъ въ странѣ. Хотя въ настоящее время классъ этотъ не доставляетъ еще особыхъ заботъ правительству, но возможно, что въ будущемъ съ этимъ зломъ придется считаться. Совершенно понятно, поэтому, стремленіе правительства къ одѣленію батраковъ земельными надѣлами.

Но въ то же время нельзя основывать эти стремленія на толкованіи существующаго аграрнаго законодательства, и въ особенности на законѣ о квотѣ, цѣли котораго диаметрально противоположны этому стремленію. Искать въ прибалтійскихъ крестьянскихъ положеніяхъ какихъ-либо законныхъ основаній и даже какихъ-либо указаній для обезпеченія хозяйственной самостоятельности безземельныхъ крестьянъ — дѣло совершенно бесполезное, потому что прибалтійское аграрное законодательство, въ теченіи многовѣковой своей жизни, постоянно настойчиво и систематично преслѣдовало одну цѣль: образованіе въ краѣ сильныхъ и самостоятельныхъ сельско-хозяйственныхъ единицъ, какъ типа мелкаго, такъ и типа крупнаго землевладѣнія.

Если бы правительство силою обстоятельствъ вынуждено было къ принятію рѣшительныхъ мѣръ для уменьшенія класса безземельнаго крестьянства, то ему надо

---

¹⁾ До настоящаго времени изъ общаго пространства квотныхъ земель продано 27%.

будеть, оставивъ въ сторонѣ существующее аграрное законодательство, проектировать совершенно новый законъ и притомъ такой, который (необходимо это имѣть въ виду) будетъ противорѣчить нѣкоторымъ кореннымъ принципамъ существующаго весьма систематическаго аграрнаго устройства.

Въ окончательномъ результатѣ выходитъ, что законъ 18 февраля 1893 г. основанъ на недоразумѣннѣ, а потому, какъ ведущій за собою весьма много крайне невыгодныхъ для страны послѣдствій, о которыхъ сказано выше, онъ подлежалъ бы скорѣйшей, по возможности, отмѣнѣ.

Рига, 1 Ноября 1895 г.

